

Записки Восточно-Сибирского Отдела
Императорского Русского Географического Общества
по общей географии
Том II, выпуск 3

Я.В. Стефанович

От Якутска до Аяна

Путевые наблюдения
(Аянская экспедиция (1894 года))

Под редакцией правителя дел Я.П. Прейна
Иркутск, 1896

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I.....	1
Глава II.....	26
Глава III.....	40
Глава IV.....	66
Глава V.....	94
Глава VI.....	119
Карта.....	139
Рисунки.....	140

ГЛАВА I

Дорога до Усть-Майского селения — Амгинская Слобода — Усть-Майское селение — Полуоседлое тунгусское население.

В мае месяце прошлого 1894 г. Иркутским Генерал-Губернатором был командирован в Якутскую область дорожный техник П.А. Сикорский для исследования состояния упразднённого к 1867 г. аянского почтового тракта. Задача г. Сикорского состояла главным образом в том, чтобы найти наиболее удобный перевал через Джугджурский хребет и представить соображения относительно постройки тележного пути от местечка Нелькан до порта Аяна. Предлагаемые сведения о пройденном

пути, о географических особенностях края, о характере и экономическом положении его населения составляют результат моих впечатлений и наблюдений, как одного из участников экспедиции.

Г. Сикорский прибыл в Якутск 23-го мая. Необходимость посредством расспросов лиц, знакомых с условиями пути, выяснить, где и по какой цене можно нанять рабочих людей, лошадей, лодку; какими продуктами следует запастись в Якутске и что возможно достать по дороге, — всё это заняло немало времени, тем более, что при расспросах получались весьма сбивчивые и разноречивые показания, в которых ориентироваться представлялось довольно затруднительным. Закупив провизию¹, вьючные принадлежности и вообще всё необходимое на время предстоящего путешествия, мы отправили кладь вперёд, а сами вынуждены были просидеть в Якутске ещё с неделю. По общему утверждению, действительно оказавшемуся справедливым, все опытные лоцмана и лямовщики должны прийти вместе с чаями на запоздавших на этот раз паузках, что и заставило нас ждать их прибытия.

Наконец, 13-го июня мы переехали Лену у *Бор-Ыларского* станка и, благодаря заботливости г-на якутского исправника, беспрепятственно двинулись далее на почтовых и обывательских. С невзыскательной сибирской точки зрения почтовый тракт до *Амгинской Слободы* можно считать достаточно удобопроездным. Относительность этого понятия будет более или менее ясна, если прибавить, что настилка из круглых неотёсанных брёвен, которыми вымощена значительная часть пути, делает езду до такой степени тряской, что через два-три станка вы чувствуете себя совершенно разбитым: всё внутри у вас болит, и вы мечетесь в телеге, тщетно ища облегчения в том или ином, часто самом неестественном, положении. Чтобы стоны и опасения, которыми мы обменивались насчёт целости наших внутренних органов, не показались чересчур гиперболическими, достаточно сказать, что, несмотря на тщательную укупорку, в некоторых инструментах за эту дорогу повывинчивались винтики и повыпадали стёкла, не говоря уже о дорожной провизии, превратившейся в кашу. Что касается пути от Амги до Усть-Маи, то этот участок тракта пришёл в полное расстройство, так что по нему в летнее время возможно только, — да и то с немалыми приключениями и опасностями, — верховое сообщение. Жердевая настилка в долинах снесена весенними разливами или уничтожена пожарами, а по мокрой

¹ Кроме хлеба, закупку которого представлялось возможным сделать у усть-майских скопцов.

почве крутых и длинных подъёмов и спусков через хребты разрушена потоками. Два последних перегона — *Хатынахский* и *Мокуйский* — в особенности дают себя знать. Здесь вьючные кони почти непрерывно на расстоянии 49 вёрст идут в болоте, постоянно проваливаясь между кочками, причём груз настолько подмокает, что в Усть-Майском селении потребовалось распаковать всю кладь и подвергнуть её основательной просушке. Исправление дороги практикуемыми здесь строительными способами представляет бесполезную затрату времени и труда. Настилка жердей, прикрепляемых тальниковой вязью к двум, наподобие рельсов, параллельно уложенным брёвнам, имеет лишь значение до первого весеннего разлива, почти ежегодно случающегося по долинам таких речек, как Натора и Мóкуй¹, (левые притоки Алдана). Бóльшая долговечность и годность дороги для тележного движения может быть достигнута только поднятием полотна её выше уровня весенних вод. По хребтам же ничего не остаётся, как изменить существующее направление дороги там, где она проложена по прямому их пересечению, изменить с тем, чтобы уклон её не слишком, по крайней мере, превышал предельную величину, допускаемую в дорожном деле. От Лены до Алдана существует два населённых пункта — Амгинская Слобода и Усть-Майское селение, между которыми встречаются, кроме станочных юрт, лишь изредка одинокие якутские жилища. Оба селения составляют одно крестьянское общество с населением в 545² душ обоего пола³. Крестьяне первого из них, как известно, объякутились: язык, одежда, привычки амгинца при беглом, по крайней мере, наблюдении ничем ни отличают его от якута⁴. Да и сам амгинец на вопрос: ты русский? отвечает: «суох, багынный»⁵. Только черты лица, несмотря на брачное во многих поколениях смешение амгинцев с якутами, сохраняют преобладающий характер европейского типа. Встречаются чисто русские лица — голубоглазые, со светлой довольно густой растительностью бороды и усов.

¹ Обыкновенно, впрочем, исправление ограничивается прирубкой новых просек, если по старым проезд становится невозможным, и постановкой вех, указывающих путь по менее тонким местам болот.

² По показаниям в мирской избе. По «Памятной книжке Якутской области за 1891 г.» в этих селениях значится 786 душ обоего пола.

³ Амгинское крестьянское общество состоит из пяти отдельных деревень: Верхняя, Чепчалган и собственно Слобода — это коренные амгинцы: Новопокровское и Усть-Майское селения, возникшие в 60-х годах из крестьян, переселившихся с реки Май после упразднения почтового амгинского тракта.

⁴ Нам пришлось провести в Амге всего два дня, да на обратном пути один день.

⁵ Т. е. пашенный.

Убедившись, что этот русский мужик почти ни слова не говорит и не понимает по-русски, испытываешь невольное изумление, тождественное, надо полагать, с тем чувством, какое вызывают у путешественника по Австралии европейца мяукающие кукушки.

Амгинская слобода — одно из самых древних русских поселений в Якутской области. По преданию оно основано вольными выходцами, прибывшими по р. Амге на плотах лет 200 тому назад. Пришельцы сделали пробный посев хлеба, давший баснословный урожай, что и побудило их здесь основаться. Весьма вероятно, что колонисты давали немало поводов к неприязненному к себе отношению инородцев, так как, по тому же преданию, последние многократно жаловались воеводам на притеснения и обиды со стороны русских пришельцев и в конце концов, посредством богатых подарков, добились распоряжения о выселении их с самовольно занятых ими инородческих земель. Благодаря, будто бы, этому распоряжению, а вернее — вследствие враждебных действий якутов, русские люди ушли отсюда; остались только поладившие с якутами три-четыре семьи, которым удалось заполучить потом легализацию своего окончательного здесь водворения от какого-то проезжавшего сановного лица. Оставшиеся поселенцы занялись хлебопашеством и выращивали огородные овощи с таким успехом, что сановный господин пришёл в восхищение от размеров преподнесённых ему вилок капусты и решил заселить Амгу российскими людьми. В первой половине прошлого столетия (1735 г.) с целью водворения здесь земледелия действительно были переселены на Амгу из Илимского округа¹ несколько крестьянских семейств. Но дальнейший рост слободы происходил преимущественно, если не исключительно, за счёт ссыльных, людей обыкновенно холостых, а потому брачные связи с инородцами являлись неизбежной необходимостью. Это обстоятельство, с одной стороны, и полное разобщение с родным племенем с другой, и послужили причиной объякучения ближайших же поколений амгинских поселенцев.

К этому факту в Якутске принято относиться, как к какому-то преступлению, совершённом амгинцами против своей национальности. Но подобное обвинение, обнаруживая в данном случае похвальный патриотизм, упускает из виду трудно преодолимую силу внешних условий.

¹ Часть территории его вместе с упразднённым городом Илимском (на р. Илиме, правом притоке Ангары) входит теперь в состав Киренского округа.

Для облегчения борьбы с таковыми обвинители делали очень мало и даже сами легко поддавали их воздействию.

Якутские старожилы ещё помнят время, когда в этом городе трудно было услышать русскую речь. Русские люди предпочитали изъясняться между собою по-якутски, а родной язык считали лишь языком официальных бумаг. Если Якутск за последнюю четверть столетия стал заметно разъякучиваться, то только благодаря заботам о поднятии в нём просвещения и возникновению некоторой умственной жизни под влиянием интеллигентного ссыльного элемента. Тем не менее ещё и теперь культурное и просветительное значение областного центра на окружающее инородческое население — можно смело сказать — ничтожнее влияния в этом смысле иного интеллигентного ссыльного в своём наследии. Шаманство, например, вблизи города процветает не в меньшей степени, чем в улусах, и я лично знал одного шамана, который пользуется обширной практикой в окрестностях Якутска и имел клиентов даже в городе из богатых купцов.

Странно после этого предъявлять требования к амгинским ссыльно-поселенцам и переселенцам, требования, оказавшиеся не по плечу профессиональным проводникам русской культуры. До 1871 г. в Амгинской Слободе не было школы, но и с этих пор школьная деятельность не раз прерывалась на продолжительное время. Только за последние годы школа поставлена более или менее сносно. Она содержится на средства епархиального училищного совета; крестьяне платят только на наём сторожа и освещение (28 р.); дрова (60 саж.) и 25 возов льда поставляют натурой. Благодаря стараниям учительницы дети выучиваются по крайней мере чтению и письму, — факт весьма отраднй среди якутского населения, если принять во внимание, что, например, в Намском улусе за 20-тилетнее существование школы не было выпущено ни одного ученика, умеющего читать и писать.

К сожалению, объякучение амгинцев, как уже замечено выше, не ограничивается утратой родного языка: оно означает вместе с тем и усвоение всего внутреннего содержания и всех внешних проявлений якутской жизни. В этом главным образом и заключается печальная сторона факта, так как он свидетельствует о понижении культурности людей цивилизованного народа до уровня кочевого, полудикого племени. Строго говоря, это явление, вызванное физическими условиями места, нужно рассматривать как результат приспособления к этим условиям. Конечно, с французом или немцем в подобных обстоятельствах дело не

приняло бы такого оборота; и тот и другой представляют собою носителей высшей и более прочной культуры и более поэтому вооружены в борьбе как с чуждыми им иноплеменными элементами, так и с неблагоприятными физическими влияниями, против которых русский человек, да ещё прошлого или начала нынешнего столетия, не в силах был противостоят. Земледелие на Амге, несмотря на случавшиеся невероятные урожаи сам 40¹, оказалось неверной, а потому и невыгодной, в качестве исключительного или главного промысла, хозяйственной статьёй. Роди земля хоть сам 100. но, если вслед за тем целый ряд лет она не даёт буквально ничего, — земледелие теряет значение нормального, обеспечивающего существование занятия. Оно неминуемо должно стать или предметом лишь ограниченного, частичного приложения производительных сил, или же принять форму своего рода ажиотажа, доступного для людей с притекающими со стороны капиталами, в каком положении находились и находятся многие из скопцов. Для скопца вложить свои средства в землю — не значит ещё рисковать всем своим хозяйственным существованием: ему может не посчастливится стать паном, но пропасть — он не пропадёт. Вопрос получает иную постановку для амгинца, которому во всяком случае паном не быть, а шансов пропасть очень много.

Суглинистая почва по реке Амге, как утверждают крестьяне, сама по себе плодородна², но редкое лето проходит при таком благоприятном сочетании метеорологических влияний, когда посевы приносят обильную жатву. Обыкновенно же хлеба страдают или от засухи, когда глина затвердевает, как камень, и развитие злаков приостанавливается как раз в вегетационный период, или, — что ещё чаще, — от заморозков, случающихся около 20-го июля и 1-го августа, т. е. в пору налива зерна. От этих причин хозяева терпят урон, за редкими исключениями, в большей или меньшей степени почти что ежегодно. В 1886, 87 и 88 гг. заморозки убивали хлеба вконец, крестьяне ни зерна не взяли со своих по-

¹ Такие же урожаи случаются на свежих чистках и в других районах Якутского округа.

² В мирской избе нам указывали на выпашанность земель. Последующие опросы (при условиях уже не официального положения) не подтверждают этого отзыва. Правда, земли подвержены быстрому истощению, и это обстоятельство в прежние времена, при более широкой эксплуатации земельной площади, могло сыграть свою роль в падении земледельческого хозяйства амгинцев. Но в последние десятилетия, когда размеры запашек значительно уменьшились, многие наделы заброшены и остаются без утилизации по 8, 10 и более лет. О выпашанности тут уж едва ли может быть речь.

лей. В эти три года начальство выдало в ссуду на прокормление голодающих до 2000 п. муки, но при такой скудной подмоге приходилось больше питаться всякой дрянью — кожей, корой, разными травами.

Выданное на обсеменение зерно оказалось негодным, вследствие чего и на четвёртый год, хотя лето было удачное, урожай в общем едва лишь возвратил семена. Такие же несчастные годы, как рассказывают старики, выпадали и в более далёком прошлом, с той разницей, что казна не приходила тогда на помощь. Ещё Сарычев¹ и Зауер² сообщали весьма неутешительные сведения о состоянии хлебопашества и хлебопашцев в Амгинской Слободе в конце прошлого столетия. В 1850 г. Генерал-Губернатор доносил в Петербург, что при проезде его через Амгинск большая часть полей была не обработана, и количество высеянного хлеба едва заслуживало внимания³. Крестьяне-земледельцы голодали, болели и умирали от недостатка пищи, между тем как скотоводы-инородцы не терпели нужды или, в худшем случае, переносили нужду с меньшими лишениями. Хлебопашество оказывалось мало гарантирующим пропитание и естественно должно было уступать всё более места скотоводству. Кто сеял прежде до 200 пуд., — сеет теперь до 40⁴, кто — от 20 до 50, тот ограничивается теперь 3-мя. 5-тью. 6-тью пудами, а то и совсем забросил надел. Уменьшая свои запашки, амгинец увеличивал количество скота. Жена-якутка охотно отдавалась привычному занятию — уходу за скотом и запустила огороды, с которыми дело у неё не ладилось, кроме разве картошки, не требующей особенных хлопот и внимания. Частичное, а нередко и полное, вытеснение хлебопашества скотоводством влекло за собою соответствующие изменения в домашнем обиходе, нравах, обычаях, всё теснее и теснее сближая амгинцев во всех этих отношениях с якутами. Таковы в общих чертах причины и процесс объякучения русских поселенцев на Амге, процесс, без сомнения, регрессивный, но в смысле приспособления людей к дотоле чуждым им физическим условиям, вполне естественный и неизбежный при той низкой степени культурности этих людей, которая отделяла их большей пропастью от образованных слоёв своей народности, чем от кочевых инородцев. Потребности амгинца понизились, но организм его стал

¹ Путешествие. I. стр. 52.

² Voyage de Billings. 1802. стр. 237.

³ Как этот факт, так и ссылка на названных двух авторов заимствованы у Миддендорфа. (Путешествие на север и восток Сибири. I. Отдел IV прибав. II. стр. X).

⁴ Григорий Артемьев. Это максимальный посев на Амге.

выносливее. Он удовлетворяется ничтожным количеством хлеба, в пору нужды главная его пища — *таp*¹ с сосновой заболонью, при каком-нибудь полупуде муки в месяц на семью в четыре человека. В голодовки коренной амгинец всё-таки выдюживает, а недавние переселенцы с Маи разоряются дотла и бегут со своих мест, потому что не могут мириться с той нуждой, какую привык переносить коренной амгинец: он, по выражению одного новопокровца, как скотина и на тальнике проживёт². И в самом деле, есть опасность, что амгинцу предстоит спуститься ещё ниже по лестнице обратной эволюции, так как ухудшающиеся экономические условия требуют от него дальнейшего к ним приспособления, и когда наконец этому процессу наступит предел, неизвестно. Обеднение амгинского общества — факт, настолько кидющийся в глаза, что положение его составляет предмет особенного, хотя до сих пор, к сожалению, безрезультатного, внимания начальства. За этим обществом насчитывается до 25.000 податной недоимки и до 4.000 пудов хлебной ссуды³. Его крестьянское самоуправление ещё недавно содержалось за счёт казны, и если теперь уже предоставлено собственным средствам, то вовсе не потому, что бы эти средства улучшились.

Получается, таким образом, странное противоречие: переход от менее выгодного земледельческого хозяйства к более выгодному земледельческо-скотоводческому даёт в результате всё-таки минус, а не плюс. Противоречие, как мне кажется, объясняется тем, что экономические преимущества якутских форм⁴ хозяйства парализуются пребыванием амгинцев в состоянии крестьянского общества. Для них скотоводство в размерах, существующих у якутов, не доступно в силу их оседлости — условие, в особенности дающее себя знать при ограниченности сенокосных угодий. Как крестьяне, амгинцы платят одних государственных повинностей по 5 р. 73 к. с души, тогда как инородцы — около 2 р. Лучший работник в семье, который помог бы ей подняться после неудачного года, идёт в солдаты: инородец не знает этой тягости. В Слободе к соблазну общественников открыт винный склад: среди инородцев же винная торговля законом воспрещена.

¹ Снятое, сильно прокисшее варёное молоко.

² Якутский скот в конце зимы при недостатке сена прокармливается прутьями тальниковых кустов.

³ С крестьян и поселенцев половина оклада. По окладным листам назначено сбора на 94 г. 3763 р. 84 к.; из этой суммы могло быть взыскано только 1145 р., остальные $\frac{2}{3}$ её пошли в рост недоимки.

⁴ под которыми в современном их виде нельзя уже разуметь исключительно скотоводство, но вместе с тем, — по крайней мере, для южных округов области, — и производство хлеба в размерах незначительного собственного потребления.

Нельзя также обойти молчанием одну страницу из недавнего прошлого Слободы, страницу оставившую, при указанных выше постоянно действующих неблагоприятных условиях, непоправимую брешь в материальном положении амгинцев. В 70-х годах областная администрация избрала Амгу излюбленным местом для водворения башкир, ссылаемых в Якутскую область административным порядком за конокрадство. Нахлынувшая орда в числе многих десятков семей явилась здесь готовой организованной шайкой грабителей, в которую были вскоре вовлечены якуты и некоторые из крестьян. Взломы амбаров, грабежи, воровство обратились в обычное явление; целые табуны исчезали в одну ночь, резались или угонялись в город. Держать скот стало невозможным. Шайка разоряла и держала в трепете население в течение многих лет.хлопоты и просьбы амгинцев об избавлении их от этих хищников не приводили ни к чему. Башкиры сумели заручиться солидным покровительством. В 1888 г. новому энергичному письмоводителю удалось, наконец, добиться выселения главарей башкирской банды. Остальные, стеснённые в своей хищнической деятельности мерами бдительности ободрённого населения, разбрелись. По рассказам, то было время поистине вражеского нашествия, после которого амгинцы, лишившись своего скота, не в силах уже восстановить его в прежних размерах. Таким образом, трёхлетний полный неурожай, с одной стороны, и башкирский разгром — с другой, подорвали в корень и без того невысокое благосостояние амгинцев, а их крестьянское положение служит главным тормозом к подъёму их хозяйственной состоятельности.

Об урожае 1894 года в сам 4, сам 5 амгинцы отзываются, как о среднем. Значение этих цифр станет ясным, если сопоставить их с нынешним же усть-майским урожаем в сам 10, который у тамошних крестьян считается несколько даже ниже среднего. Жатва, с точки зрения амгинца, удовлетворительная количественно, дала, однако, качественно неудовлетворительное зерно. Весна стояла тёплая, так что посев был закончен к 15-му мая¹, но вследствие сначала засух, а потом инея зерно вышло тощее, легковесное, морщинистое, на обсеменение негодное. Хорошее удалось кое-где и составляет весьма незначительный процент всего сбора. За покрытием прошлогодней ссуды из запáсного магазина,

¹ В 1895 при холодной весне самый ранний посев был сделан 9-го мая, а закончили обсеиваться 27 мая. Посевы сильно запоздали ещё и потому, что прошлогодние пары, вследствие глубоких снегов, были чрезвычайно мокры, а когда начали подсыхать, пошли дожди, распашки слились в целик, который пришлось снова распахать.

его едва ли хватит на посев будущего года. Огородничества, как уже замечено выше, почти не существует. Крестьяне — и то далеко не все — сажают только картошку, которую приберегают для прокормления в промежуток времени, когда старый хлеб истощился, а новый ещё не поспел. Благодаря крайне небрежной культуре этого овоща, предоставляемой обыкновенно всецело на волю Божию, урожай его редко превышает сам 4 или сам 5, а при засухе, как это было в 1894 г., не возвращает и семян. Подсобными промыслами являются разного рода заработки в городе, извозное дело по перевозке из города товаров местных крупных торговцев, работы при разведочной приисковой партии по р. Учур, а также постройка паузков на Мае и тяга бичевой товарных лодок из Якутска в Нелькан. Хотя амгинцы, как работники, не пользуются хорошей славой и везде ставятся ниже якутов и тунгусов, тем не менее одни заработки, связанные с транспортировкой чаёв, составляют для них значительную материальную поддержку, лишение которой чувствительно отразилось бы на положении многих семейств. А опасения на этот счёт, вызываемые слухами о намерении фирмы Громова предпринять пароходные рейсы по реке Мае, легко могут оправдаться. Ввиду этого обстоятельства, в связи с общим экономическим состоянием амгинского общества, более энергичное, более деятельное проявление заботливости об его участии представляется крайне желательным. Изыскание действительных мер к поднятию благосостояния амгинцев требует обстоятельного продолжительного исследования на месте, исследования, на которое не могут, конечно, претендовать настоящие попутные наблюдения. Но едва ли будет ошибкой сказать, что стремление обратить хозяйственную деятельность амгинцев преимущественно на хлебопашество — задача, по условиям климата, неблагоприятная. В этих целях единственным средством было бы переселение их в более благоприятные места округа. Но амгинец плохой хлебопашец, чтоб быть насадителем земледельческой культуры в непочатом краю. Необходимое при переселении денежное содействие со стороны казны осталось бы мало производительной затратой. Другое дело меры к расширению и улучшению скотоводства. Целесообразно применённые расходы в этом направлении, несомненно, оказались бы плодотворными. Увеличение скота, помимо непосредственного значения, косвенно послужит и к улучшению земледелия. Назём, сначала утилизируемый на ближайших к усадьбам пашнях, покажет, как полезно унавоживание, задерживающее в земле влагу,

в особенности при суглинистой почве. Одна из причин (засуха), парализованная таким образом в своём вредоносном действии на хлеба, уже сама до некоторой степени ослабляет действие второй (заморозки): растения, успевшие окрепнуть в период роста, менее чувствительны к заморозкам, чем слабые. В качестве второстепенных мер к облегчению экономических затруднений амгинцев открыт, по почину начальства, общественный каба́к и заведена общественная (с 1894 г.), запашка, для какой цели обществом отведено 15 десятин. Конечно, принципиальное значение подобных мер ещё не гарантирует их состоятельности на практике. Всё зависит здесь от тех лиц, которые, по собственной ли инициативе, или по поручению администрации, берутся за осуществление плана на деле. Известно, какие выгоды для сельских обществ дают общественные питейные заведения в Швеции и Норвегии, в тоже время не только не способствуя пьянству, а напротив ослабляя его. Относительно влияния амгинского каба́ка в последнем смысле я не имею сведений, но несомненно, что он окажется выгодным для крестьян уже потому, что значительная доля суммы, оставляемой окрестными якутами в складе Астраханцева, теперь составит статью прихода в бюджете амгинцев. За первый месяц своего существования (апрель 1895 г.) каба́к дал им чистой прибыли 115 р. Что касается общественной запашки, то известно, что в России примеры её сплошь и рядом оказывались неудачными и служили больше в тягость, чем в облегчение крестьян. Не случилось бы того же и с амгинцами. Нужно сказать, однако, что для умелого ведения дела почва здесь уже несколько подготовлена успешным началом деятельности земледельческой артели, организованной частным лицом, стоящим к крестьянам в простых, далёких от всякой официальности, отношениях. Артель состоит из девяти средней зажиточности домохозяев, заключивших между собой формальное условие на три года: совместно обрабатывать (двойной вспашкой) на арендуемом для этого участке 1) землю, общими же силами убирать и вымолачивать хлеб, который должен храниться в общем складе и подлежит равному между членами дележу лишь по истечении трёхлетнего срока. В настоящем году артель сеяла 20 пудов; ей сравнительно посчастливилось: сняли 160 пудов. Двое из участников артели, с которыми нам довелось говорить уже в городе, весьма довольны своим предприятием, но не желали бы значительного приращения сочленов, так как, по их мнению, многолюдство тормозило бы успешный ход дела.

Усть-Майское селение расположено в 200 верстах от Амгинской Слободы, на левом берегу Алдана, в 4 верстах выше впадения в него реки Май. С прекращением деятельности Айнского тракта большинство жителей этого селения переселилось на Амур. Теперь сельцо обстоит всего из семи крестьянских дворов с населением в 22 души обоего пола, не считая семей священника, псаломщика и учителя. Сведения, собранные по отдельным дворам, дали следующие цифры посевов и урожая в нынешнем 1894 году.

	Посеяно:	Снято:
Ржи	35 п. 20 ф.	Сам 10
Ярицы	68 п.	Сам 10
Пшеницы	11 п. 10 ф.	Сам 8
Ячменя	4 п. 20 ф.	Сам 7
Итого	119 п. 10 ф.	ок. 1155 п.

Хлеб ещё не был вымолочен, а потому расчёт произведён на основании количества собранных снопов, после пробного умолота, считая пуд хлеба с 10-15 снопов, смотря по «силе» зерна¹. Картофеля посажено 67 п., собрано 305 п. Сена накошено 565 русских копён, т. е. 188 саженных возов (3 копны/воз), — более чем достаточно при десяти коровах и 11 лошадях во всём селении. Многообещающее роскошное состояние хлебов в период цветения не оправдало ожиданий хозяев. Наступили засухи, продолжавшиеся почти месяц: пышная, густая растительность на назёме полегла и стала преть, а во время налива ударил иней, задержавший развитие зерна яровых хлебов². Пшеница, кроме того, немало пострадала от мелкой птички чечохи, огромными стаями опустошающей исключительно этот вид хлеба. В результате получился урожай, который усть-майцы, как уже выше замечено, считают ниже среднего. Эта высокая требовательность сама по себе говорит, насколько здесь условия для земледелия благоприятнее, чем на Амге. Расчистки производятся большинством хозяев почти ежегодно, хотя и в весьма мизерных размерах (от 10 фунт. до 3 пуд.), что объясняется недостатком рабочих рук в семьях и невозможностью конкурировать в пользовании наёмными рабочими с соседними скопцами. Это обстоятельство заставляет крестьян подымать производительность истощённых приусадебных

¹ При хорошем, буйном зерне 10 снопов дают 1 пуд 30 фунтов хлеба.

² Рожь (озимь) менее чувствительна к заморозкам, чем яровой хлеб.

участков унавоживанием, насколько это позволяет ничтожное количество содержимого ими скота. Увеличение же скотоводства затруднено главным образом отсутствием поблизости выгонной земли. Есть луга, но далеко: гонять скот за 4, за 5 вёрст, при сложности крестьянского хозяйства сравнительно с инородческим, невозможно.

Усть-Майское селение производит во всех отношениях весьма благоприятное впечатление. Тут вы находите вполне сохранившихся русских людей доброго старого времени, из которых одно — выросшее здесь поколение, а другое — подрастающее, ещё не успели поддаться влиянию инородческого элемента. После нескольких дней сообщества с якутами или объякутившимися амгинцами вы попадаете в родную атмосферу, которая, однако, через день, через два обнаруживает стóроны, не совсем отечественные в смысле современных порядков и нравов российской деревни. Начать с того, что усть-майцы очень редко соприкасаются с начальством и не чувствуют надобности в его покровительстве. Недоимок за ними не имеется, ни гражданских, ни уголовных дел среди них не возникало, даже мелких краж не случается, так что хозяева, уходя в поле, не опасаются оставить дома незапертыми, подпирая лишь двери палкой. Есть у них школа, правда, бедно обставленная, но хорошо руководимая отцом В. Мальцевым, при усердном, любящем своё дело учителе. Есть, наконец, у них священник, относящийся к своему служению с серьёзностью и гуманностью героя «На действительной службе» И. Потапенко. Все эти счастливые условия, к которым надо прибавить живописное расположение на берегу прекрасной реки, оставляют об Усть-Майском селении приятное и радостное воспоминание.

Усть-Майское селение служит местом так называемой «ярманки» для ближайших районов алданских и майских тунгусов. Последние съезжаются сюда к Петрову дню в количестве до 100 человек поститься и вносить подати, которые уплачивают, продав здесь привезённую с собой пушнину. Скупщиками являются скопцы и якуты Восточно-Кангаласского улуса, которые, в качестве мелких торговцев, проникают в самые отдалённые тунгусские стойбища.

На той же левой стороне Алдана в 7 верстах выше Усть-Майского — скопческое селение Петропавловское, а несколько далее на противоположном берегу селение Троицкое¹.

¹ В первом из них 35 муж. и 23 жен., в Троицком 17 муж. и 23 жен.

Оба селения по внешности гораздо беднее Мархи и Кильдямского¹. Петропавловское² состоит из 26 небольших, по обыкновению аккуратных и уютных домов, тесно прижавшихся друг к другу в одну линию. Другая сторона улицы, к реке, занята амбарами, банями, мельницами (топчаки). Улица узкая, дворики небольшие. Видно, что скопцы дорожили землёй, каждый квадратный аршин которой приходилось отвоёвывать у тайги. Спуск к Алдану зеленеет где пашнями, где огородами, искусственно поднятыми в низких местах в виде насыпи в защиту от наводнения. Везде чистота, порядок и мертвенная тишина. Даже цепных собак, неизбежной принадлежности скопческого двора по ту сторону Лены, нигде не слышно³.

И тут, как и во всех пунктах области, где поселены эти сектанты, они являются образцовыми земледельцами. Система полеводства получает у них широкий экстенсивный характер, заключающийся в преимущественной эксплуатации новин. Расчистки производятся ими ежегодно⁴ или арендуются у тунгусов.

На сырых местах, каковые здесь, по крайней мере, по Алдану преобладают, расчищенная площадь для осушения окружается канавой в аршин глубиной. Обработка полей совершается колесухой⁵ при двойной вспашке: в первый раз в развал, второй в свал. Старые земли после достаточного отдыха поднимаются на 3½ вершка, новины на 2 вершка. Свежие участки засеваются четыре и пять лет без перерыва; сначала три раза подряд сеют пшеницу, затем ярицу и на 5-й год рожь, после чего их оставляют на три, четыре года под пар. Кроме этих хлебов, сеют ячмень и овёс. Гречиху бросили, — не успевает вызреть. Зато конопля растёт недурно. Наибольший урожай даёт обыкновенно второй посев (сам 30 и более), так как первое лето органические вещества распахан-

¹ Марха в 8 верстах к северу от Якутска, Кильдямцы — в 30.

² В Троицком нам не пришлось быть.

³ Петропавловские скопцы были водворены сначала (в 1875 г.) на р. Наторе (левый приток Алдана): они были «пригнаны» туда зимой в безлюдную тайгу и предоставлены собственным силам. В нескольких верстах они нашли одинокую якутскую юрту, где и жили, пока выстроили кое-какие балаганы. Мало-помалу в 2 верстах от станка Учугей-Муран возник посёлок с 23 домиками. Скопцы усердно принялись за расчистки. Но в течение 5 лет хлеба ни разу не удалось собрать: ежегодно посеы погибали от морозов. Немало стоило им средств добиться перевода в теперешнее их место жительства, куда они переселились в 1880 году.

⁴ Расчистка «пуда земли» (⅓ десятины) обходится от 10 до 13 руб.

⁵ Колесуха — переходное орудие от сохи к плугу. Ею пахут на паре коней и забирают глубже, нежели сохой.

ной чистки не успевают подвергнуться разложению. Заморозки случаются и, по наблюдениям, всего чаще выпадают на 15, 17 и 20-е июля, но полной гибели хлебов от этой причины примеров не бывало. Наиболее опасный, хотя и редкий, бич здешнего земледелия — засухи, и не столько сами по себе, сколько порождаемая ими кобылка. Из-за неё на той стороне Алдана погибло 60 десятин ржи: съеденные кобылкой осенние всходы вследствие бездождия весной не пустили на песчаной почве корневых ростков. Огороды превосходные. Благодаря тщательному и умелому уходу «сестёр», выращиваются с полным успехом разнообразные овощи, из коих иные были бы роскошью и в более благодатных местах Сибири. Так, например, арбузы, выгоняемые в парниках, достигают до полупуда весом.

Скопцов по справедливости считают насадителями земледельческой культуры в области. Правда, они часто умышленно подают инородцам советы, направленные к тому, чтобы отбить у последних охоту к земледелию; тем не менее их земледельческие успехи действуют поощрительно на окружающее население, а прививка к нему техники и приёмов хлебопашества происходит сама собой, вопреки желанию самих скопцов, в силу необходимости для них пользоваться рабочими из инородцев. Земледельческое хозяйство скопцов имеет коммерческий характер. Культура хлебных растений является выгодным занятием, благодаря высоким ценам на хлеб, дающим достаточную прибыль, не смотря на крупные издержки производства и на весь риск предприятия при существующих климатических и почвенных условиях¹. Но отдавая должное их трудолюбию, трезвости и практическим сельскохозяйственным познаниям, не следует забывать, что скопцы обязаны своими успехами не только этим качествам. В борьбе с суровой якутской природой они обладали ещё одним важным преимуществом, которых обыкновенно

1)

лишены инородцы и пришлые элементы других категорий, а именно — денежными средствами. Никакое трудолюбие, а тем более трудолюбие одиноких, бессемейных скопческих рук не в силах превратить в

¹ По мере развития крестьянского и инородческого хлебопашества и удешевления вследствие этого, хлеба, скопцы сокращают свои запашки. Это общее явление для всей области. В 1894 г. у скопцов Якутского округа площадь посевов сократилась на 245½ десятин, в Олёкминском на 180¼ и в Вилюйском на 14¼. (Обзор Якут. обл. за 1894 г.).

столь сравнительно короткий срок сотни десятин девственной тайги в пахотные поля; это может сделать только подъёмный капитал, дающий возможность пользоваться в широких, относительно, размерах наёмным трудом. А таким капиталом, приступая к самостоятельному ведению хозяйства, владеет всякий скопец. Он или получил и продолжает получать его из России, или снабжён им в кредит на льготных условиях единоверцами, ранее водворёнными на поселение, или же, наконец, мог скопить, прослужив несколько лет на хорошем содержании у мархинских и кильдямских «братьев».

Потребителями скопческого хлеба являются инородцы¹, нельканские подрядчики, покупающие муку значительными партиями для своих оборотов по перевозке чаёв и, в последние годы, разведочная присковая партия, ищущая золото по восточным притокам Алдана². По свидетельству о. Василия Мальцева. в голодные годы нуждающиеся тунгусы прокармливаются скопцами, разумеется, не в виде благотворительности, а в виде ссуды продуктами, возвращаемой с огромными процентами трудом, пушниной, рыбой. Отчасти это обстоятельство, отчасти широко господствующая в Якутской Области подрядная система купли и продажи, в силу коей инородец, нуждаясь в пище или деньгах, запродаёт свой труд или продукты своего будущего труда вперёд, почти все окружающее население очутилось в кабале у скопцов. Нужно признать, однако, что формы их эксплуатации всё-таки мягче приёмов, свойственных торгующему среди инородцев мелкому православному купечеству. Достаточно указать на то, что в числе средств к наживе у них отсутствует самое верное и в тоже время самое тлетворное по действию на инородческое население — это спаивание водкой и обыгрывание в карты.

Как Усть-Майское крестьянское общество, так и скопческие селения находятся в районе тунгусов Майского Ведомства. Территория его начинается от Хатынахского станка, в 50 верстах не доезжая Алдана, и

¹ Нам отпустили муку отличного качества (с некоторой уступкой, ввиду расплаты наличными), ярицу по 1 р. 95 к. пуд, пшеницу по 2 р. 20 к., ржаные сухари — 3 р. 70 к., пшеничные — 5 р. 50 к. В тоже время яричный хлеб зерном продавался тунгусам по 2 р. 20 к. пуд.

² Разведочная партия от золотопромышленной компании, владеющей Ниманскими приисками уже несколько лет, производит разведки, но до сих пор безуспешно. В настоящее время розыски сосредоточены по р. Учуре, и по словам тунгуса (Павла Атласова). доставившего для партии нынешней осенью 700 пудов хлеба, на притоке Учур Алгоме был найден самородок в 17 золотников. В 30 верстах от устья этой речки построено несколько срубов, так как партия намерена продолжать здесь шурфовку в течение зимы (1894 года).

обнимает огромное пространство, омываемое правыми притоками этой реки. Оно простирается далее за Джугджур и граничит с Охотским морем, так как приаянские тунгусы в административном отношении подчинены Майскому голове. Ведомство состоит из шести кочевых родов и пяти бродячих. Кочевые, т. е. те, которые уже перешли от оленеводства к скотоводству и перекочёвывают с зимнего места жительства на летнее, сосредоточиваются главным образом по верхнему течению Алдана и отчасти по Мае. Оленные же — в постоянном передвижении с места на место — бродят по среднему и верхнему его течению, по Учтуру и по Мае с их притоками. Официально первых считается 1384 души обоего пола, вторых — 1746. Но из каждого рода немало ушло в пределы Приморской Области, и сколько таких эмигрантов — голове самому неизвестно¹. Иностранной Управы нет: её заменяет единоличная власть головы², при котором состоит письмоводитель, единственный на всё ведомство. Последний получает официально 200 р. жалованья, но в действительности гораздо больше. Отдельные роды или наслеги управляются выборными старостами и старшинами. Раскладка податей и повинностей у кочевых тунгусов производится не по душам, а по землепользованию, т. е. так же, как и у якутов, по классам³. Разделы сенокосов происходят не ежегодно, а, смотря по соглашению наследного общества, на время от 5 до 10 лет. От каждого рода выбирается один или два депутата. Все они вместе объезжают весь наслег и определяют качество земель относительно урожайности сена бугулами или возами (1 воз = 10 бугулам). Затем берут количество возов, необходимое для прокорма скота беднейшей семьи в каждом наслеге, что составит в среднем около 10 возов. Это и есть единица надела, или остожье. По количеству остожьев, получаемых со всей сенокосной площади данного наслега, определяют, сколько таких единице надела должно быть в первом классе, во втором и в третьем. Основанием при этом служит количество скота; такова, по крайней мере.

¹ В официальной бумаге Приамурского Генерал-Губернатора Якутскому Губернатору за 1892 или 93 г. сообщается об 11 родах, ушедших из пределов Якутской Области в Приамурский край. Разумеется, это не целые роды, а эмигрировавшие части их, которые и на новых местах своего кочевания сохраняют прежнюю группировку по родам. На них насчитывается 6000 р. недоимки.

² Избирается также кандидат, играющий роль помощника и, в случае надобности, замещающий голову.

³ Бродячие платят только ясак и никаких других денежных или натуральных повинностей не несут.

идея¹. Чем ниже класс, тем она ближе к своему осуществлению, и наоборот, — пропорциональность меньше всего наблюдается при наделении высших классов. Родович, который по количеству скота должен был бы получить в два раза больше остожьев, чем другой его класса, владеющий вдвое меньшим числом голов, получает в три и в четыре раза больше, а между тем податей уплачивает столько же, сколько и тот. Тут уже играет роль сила богатства, на которой зиждется часто нарушающее экономическую справедливость влияние тойона в своём наследе. Тем не менее среди тунгусов не существует примеров такой резкой неравномерности в землепользовании, какие, по словам сведущих людей, наблюдаются у якутов. После разверстания остожьев по классам составляется отдельная ведомость с перечислением всех родовичей, получающих того или другого класса надел, а также с отметкой названия отводимого в пользование каждого лица сенокоса. Частичные переделы, вызываемые неравномерным урожаем сена, производятся весьма часто. Они называются *уравнением* (по-якутски *амтерка*) и заключаются в том, что лицам, у которых в данный год не уродилось сено, прирезаются покосы от владельцев участков с хорошим урожаем. Уравнение производится по определению избранных депутатов и обыкновенно вызывает, так же, как и среди якутов, массу недовольств и жалоб.

Полуоседлые, или кочевые тунгусы, сосредоточенные по Алдану и изредка по Мае, подверглись вплоть до Юдомы полному объякучению. По-тунгусски они даже не понимают. Путём браков они до того перемешались с якутами и по образу жизни настолько не отличаются от этих последних, что причисление их к тунгусам, а не к якутам утратило за собой всякое основание. Только за Юдомой (200 вёрст), по мере удаления вверх по Мае, влияние якутского племени становится слабее, и тунгусы изъясняются уже на обоих языках. По мнению о. Василия Мальцева, совпадающему и с нашим впечатлением, тунгусы представляют менее устойчивую национальность, чем якуты. Они более восприимчивы к чужой культуре, к чужому языку. Большинство из встречавшихся нам по пути до самого Алдана изъяснялись по-русски довольно понятно и охотно, чего нельзя сказать даже о подгородных якутах. В хозяйстве полуоседлых тунгусов земледелие начинает занимать всё более и более значительное место. По сообщениям, полученным нами из

¹ Обстоятельное представление о способах землепользования у якутов может дать только Сибиряковская экспедиция. К сожалению, вследствие ограниченности средств, находящихся в её распоряжении, на эту сторону якутской жизни уделено слишком мало сил.

разных источников, нет тунгусского семейства, которое не сеяло бы хоть полпуда хлеба; а есть посеы и в 20 пудов (Степан Егоров) и в 50 (Яков Турбачев). О склонности тунгусов к хлебопашеству говорит также и содержание заявлений, с которыми обращались к П.А. Сикорскому; в большинстве случаев они состояли в просьбах ходатайствовать о предоставлении просителям незанятых мест по р. Мае для расчистки под пашни¹. Это тяготение к земле объясняется, разумеется, не какими-нибудь особенными добродетелями тунгусов, а просто недостатком покосов, стесняющих развитие скотоводства. Якуты, как более энергичная и численностью более сильная народность, позахватывали лучшие привольные места и оттеснили тунгусов в область бадаранов² и камня. Но почему бы то ни было, тунгусы весьма заметно обнаруживают стремление к земледельческому хозяйству, и в виду этого нельзя не отнестись сочувственно к отказу Областного Правления в ходатайстве скопцов Петропавловского селения о прирезке им земли из владений Тунгусского Ведомства. Они просили отвести им полосу на 3 версты вверх по Алдану и на 1 версту вглубь от берега, ссылаясь на недостаточность отведённых им угодий, в подтверждение чего указывали на то, что значительная часть засеваемой ими площади арендуется ими у тунгусов. Чем

¹ Эти просьбы в настоящее время уже удовлетворены. Решён также общий вопрос о заселении берегов Маи. Якутское Областное Правление издало объявление на русском и якутском языках, разъясняющее условия, на которых тунгусы могут водворяться по этой реке:

«В видах закрепления уже существующих мест поселения по р. Мае, говорится в объявлении, а также для облегчения образования новых, Якутское Областное Правление поставляет в известность тунгусов о соблюдении при сём следующих правил:

Всякий тунгус, водворившийся на оседлое жительство, беспрепятственно пользуется и впредь теми участками, которые по настоящее время расчищены им под пашню, заняты под сенокос или образованы посредством выпуска озера. Но он обязан взять от своего общества приговор на владение сими участками, в чём общество, по удостоверении в действительном пользовании таковыми, не должно отказывать просителю.

Тунгус, желающий занять свободное место для оседлости, расчистить землю под пашню или под сенокос или выпустить озеро, заявляет об этом своему обществу, которое определяет размер отводимого участка соответственно рабочим силам семьи просителя и постановляет о том приговор.

Так как при рассеянности и при бродячем образе жизни большинства местного населения возникали бы затруднения и проволочки в получении общественных приговоров, то таковые должны составляться не позже времени ближайших сборищ тунгусов, происходящих в Усть-Майском селении и на Нелькане, в виду чего старосты обязаны присутствовать на этих сборищах и иметь при себе свои печати.

Лица, не принадлежащие к тунгусским обществам, не имеют права в пределах кочевий сих обществ занимать земли и пользоваться сенокосными местами без разрешения областного начальства».

² Бадаран — местное (якутское) название грязевых болот, оттаивающих летом на 80–90 см, ниже лежит вечная мерзлота. — прим. OCR.

далее от реки в тайгу, тем земли менее пригодны под расчистки, тем более хлеба подвергаются действию заморозков; отрезка скопцам прибрежной полосы послужила бы поэтому плохим поощрением зарождающемуся тунгусскому земледелию. Если же у скопцов является надобность в дальнейшем расширении запашек, то у этих сектантов за средствами дело не станет. Между тем лишение тунгусов дохода, получаемого ими по праву владельцев расчищенной земли, создало бы условия, клонящиеся к усугублению и без того уже чувствительной экономической зависимости их от скопцов.

Скотоводство по размерам, вследствие вышеуказанной причины, далеко уступает якутскому. Отсюда и потребление мясной пищи крайне незначительно. Питаются главным образом рыбой, в которой нет недостатка в реках тунгусской территории. Алдан и в особенности Мая славятся на весь округ жирной, мясистой, хотя и не крупной, стерлядью. Улов её производится с ноября по март месяц. Но благодаря высокой цене, эта рыба больше идёт в продажу, чем для собственного потребления. Скопцы и скупщики-якуты платят за неё 5-6 руб. за пуд зимой и 3 р. – 3 р. 50 к. весной. Сами продовольствуются преимущественно карасём и налимом, промысел которого начинается в Алдане по замерзании реки, когда рыба, поднявшаяся вверх, возвращается назад к устью. Налим, как и стерлядь, идёт быстринами. В таких местах прорубается во льду щель в виде буквы Г от четверти до двух шириною и до 15 сажень длины, смотря по ширине быстрин. В эту щель опускают до самого дна так называемые *заездки*, т. е. забор из плах или жердей. В изгибе её в самом низу оставляется отверстие, к которому прилаживают большую *морду* из тальниковых прутьев, опускаемую вглубь на двух жердях. Налим, встречая на своём ходу преграду в заездках, идёт в отверстие и попадает в морду. Тунгус время от времени вытаскивает последнюю и находит в ней иногда до 3-х и более пудов рыбы. В продаже налим стоит на месте 1 р. 50 к. пуд. Ловятся также таймень, сиг, щука, ленок, тугун, окунь, язь. Карась и мундушка¹, из коих вторая составляет главную рыбную пищу бедняков в течение зимы, добываются из озёр. Способы ловли той и другой рыбы, как передавали мне, ничем не отличаются от якутских, а потому я опишу их в том виде, в каком знаю их у якутов. Ловля карасей начинается в октябре, когда окрепнет лёд на озёрах².

¹ Озёрный голян. – прим. OCR.

² В некоторых озёрах караси чрезвычайно плохи на вкус, что, надо полагать, зависит от примеси разных солей в воде.

Рыбные озёра находятся в общем пользовании рода или наслега, но эксплуатируются больше собственниками неводов на условии предоставления $\frac{2}{3}$ добычи в пользу общества. На улов являются почти все родовичи наслега, мужчины, женщины и дети с корзинами, чибишахами или кожаными сумками в руках. В одном конце озёра почти во всю его ширину выстраивается шеренга людей, на расстоянии сажени друг от друга. Каждый пробивает пешнёй дыру вершка 3 в диаметре, опускает туда жердь и делает ею круговращательные движения в воде. Вся шеренга действует одновременно, прерывая время от времени это занятие дружным топанием ног по льду с громкими криками: «гу, гу, гу!». Таким способом пугают рыбу и гонят её вперёд. В это время другая, передняя шеренга, отстоящая от первой сажень на 50, пробивает ряд дыр и идёт дальше, а задняя, продолжая шуметь и топать ногами, подвигается на её место, опускает в готовые дыры жерди и проделывает те же движения; затем снова передвигаются на такое же расстояние и т. д. Испуганная рыба удаляется в противоположный конец озера. Пока идут приготовления по опусканию невода, её задерживают здесь, болтая воду жердями в последнем ряду дыр. Опускание невода производится так: на середине озера делается широкая прорубь, от которой радиусами, расходящимися к обоим берегам, идут два ряда дыр. В прорубь опускают две длинные жерди, к которым привязаны верёвки, прикрепленные к концам невода за тетиву. Жерди направляются под льдом в противоположные стороны к ближайшим дырам, через которые посредством крючьев проталкивают их далее, пока не захватят тем же крючком верёвку. Последнюю вытаскивают наружу и тянут по льду, подводя таким образом опущенное в прорубь крыло невода до первой дыры. Тогда жердь, длина которой несколько более расстояния между дырами, проталкивают к третьей дыре, а через вторую вытаскивают снова верёвку и посредством её подтягивают крыло к этому пункту. Вытянув этим способом оба крыла под льдом во всю их длину, опускают в *ёрдан* (как называют якуты большую прорубь) мотню. Затем весь народ двигается в тот конец озера, куда была загнана рыба и теми же приёмами гонит её обратно по направлению к неводу. Чтобы карась не уходил в свободные проходы у берегов, здесь стоят с жердями и сквозь дыры болтают ими воду¹. Рыба скучивается к середине озера, где все дыры забрасываются снегом, чтобы не пугал её свет. Остаются два отверстия у самого *ёрдана*,

¹ Разумеется, это возможно лишь в том случае, когда озеро не слишком широко.

куда опускают в воду древесные ветки верхушкой вниз. Рыба, направляясь в невод, задевает за ветки, и по силе их колебаний хозяин невода определяет время, когда наступает пора вытаскивать мотню¹. Народ теснится у *ёрдана* в нетерпеливом ожидании увидеть, как велика добыча. Более благоразумные стараются разогнать толпу из опасения, чтобы под её тяжестью не обрушился лёд; но толпа разбегается только тогда, когда начинает раздаваться зловещий треск. По мере вытаскивания мотни выгребают рыбу тальниковыми сетчатыми лопатами² на лёд. Делёж происходит тут же. Хозяин невода отделяет из общей кучи $\frac{1}{3}$ на глаз для себя, остальное распределяет поровну между присутствующими, бросая рыбу лопатой в подставляемые посудыны. День ловли карасей — настоящий праздник для инородцев. Помимо перспективы получить свою долю добычи, им нравится многолюдство, суетня, крики, движение; это приводит их в добродушно-весёлое, возбуждённое состояние. Женщины наряжаются в лучшие свои костюмы. Многие приходят из соседних наслегов. Приезжает священник, весь причт; и прежде чем делить рыбу между своими, обязательно по несколько штук преподносится каждому гостю.

Карасей едят варёными, причём, как и якуты, не очищают от внутренностей, выдавливают только желчь. Это делается не столько по лени или нечистоплотности, сколько потому, что жирные внутренности карася очень вкусны.

Мундушка ловится простым орудием, с которым управляют дети. Оно состоит из волосяного сетчатого сачка, натянутого на обруч и насаженного на палку. Над прорубью (*ойбон*) кладётся доска с дырой, через которую просовывают палку и, опустив сачок в воду, делают круговращательные движения. Мундушка набивается в сетку, и таким способом один человек налавливает её иной раз более пуда. Это мелкая рыбёшка от $1\frac{1}{2}$ вершков до величины снетка. Её разваривают, приправляют, если есть, горстью муки и разбивают вращением мутовки в горшке в кашцеобразную массу: более крупную нанизывают на палочки и пекут у камелька.

Из якутских растительных суррогатов пищи я слышал только об употреблении сосновой заболони. *Сардана* встречается редко, и её едят, как лакомство. Гладкий корень этого растения по виду напоминает хрен

¹ Как видно из описания, при этом способе ловли, под льдом, прежде всего приходится вытаскивать мотню.

² По-якутски «сюр».

или пастернак. Якуты едят его вываренным в молоке, и я нахожу его в таком приготовлении гораздо вкуснее многих французских légumes'ов. Из высушенных корней готовят муку, весьма близко напоминающую на вкус какао. По обилию крахмалистых веществ, если судить по вкусу, она едва ли уступит некоторым хлебам и совершенно напрасно причисляется к суррогатам. Такие овощи, как картошка, огурцы, капуста, играющие столь важную роль в питании русских крестьян, с гораздо большим правом могут быть названы этим именем. Чем прививать их употребление среди северных инородцев, было бы полезнее культивировать сардану, а может быть и другие местные съедобные растения (болотный корень *унюла*, *быта-уга*, *кэ-уга* и др.).

Вымирают ли тунгусы? На этот вопрос, возникающий обыкновенно, когда речь заходит об инородцах Сибири, может дать ответ лишь обстоятельное исследование. По заявлению отца В. Мальцева, столетние старцы между ними не редкость. Такое же наблюдение находим мы у Миддендорфа. Говоря о бродячих тунгусах, он замечает, что деятельный образ жизни сохраняет их здоровье до глубокой старости, и ему приходилось видеть 60 и 70-летних стариков, которые были отцами грудных детей. Рождаемость у полуоседлых тунгусов значительно выше, нежели у бродячих: зато и смертность детей у них гораздо больше. Отец Мальцев склонен объяснять это явление антигигиеничностью юрт, часто не отделяющихся никакими перегородками от помещения для скота (*хотон*). Быть может тут не без влияния также недостаточная ещё приспособленность этой объякутившейся части тунгусов к новым экономическим условиям и вообще к иным, несвойственным по преимуществу горному племени формам жизни. Оспопрививание поставлено крайне плохо, а у бродячих его, можно сказать, вовсе не существует. Священник считает наиболее сподручным взять на себя эту обязанность, но безуспешные попытки достать из Якутска лимфы привели его к убеждению в безнадежности этого дела. Во врачебном отношении население пребывает в полной беспомощности. От Якутска до Аяна нет ни одного даже фельдшерского пункта. Лечат шаманы (*оюн*) и шаманки (*удаган*) заговорами и заклинаниями духов. Из вещественных лекарств в большом ходу, как наружное средство, медвежий жир и желчь, которыми мажут против всевозможных болезней.

В таком же безотрадном состоянии и школьное образование среди тунгусов. В Усть-Майской школе всего один тунгусский мальчик, содержание которого обходится обществу в 60 руб. в год. Желающих обучать

своих детей находится немало, но при страшной разбросанности населения это дело требует значительных расходов. При школе необходимо устройство общежития, где инородческие дети помещались бы на полном содержании в течение учебного времени года. Но батюшка находит невозможным отягощать и без того бедное тунгусское общество обязательным для этой цели сбором; а организованное им попечительство собирает крохи добровольных пожертвований, из которых едва ли когда-нибудь накопится сумма для содержания и обучения ещё одного тунгуса.

Закупка муки у скопцов, сушка сухарей, снаряжение лодки, приискание проводника, знающего горную тропу¹, по которой купленных нами лошадей надо было прогнать до Нелькана, — всё это и множество других мелких хлопот, неизбежных при сборах экспедиционной партии в дальний путь, задержали нас в Усть-Майском селении на пять дней. Экспедиция состояла из начальника, двух помощников, двух казаков и семи рабочих (лоцман и лямовщики): из них три тунгуса, два якута, один амгинский крестьянин и один русский мещанин г. Якутска. Из инородцев не говорили по-русски трое: якут, один тунгус и русский амгинец. Любопытный контраст представляли этот последний и якут Колымского округа Онисим Сивцев. Первый с кроткими голубыми глазами, мягкими русыми волосами, с белым, почти бледным цветом довольно правильного лица, слабосильный, глуповатый, мог сказать на родном языке, и то страшно коверкая, лишь несколько слов. Второй с резким якутско-монгольским типом физиономии, чёрными жёсткими волосами, яблокообразными скулами, хорошо грамотный, прекрасно, даже в значительной степени литературно, говорит по-русски, весьма любознателен и обладает многими сведениями, которыми обязан колымским ссыльным и отчасти И.Д. Черскому, у которого в его последнюю, роковую для него, экспедицию служил поваром. В той же роли Сивцев состоял и у нас на лодке. Склонность к торгашеству, присущая его племени, обнаруживалась и у него в гешефтах, которые он производил, продавая, покупая и обменивая разные принадлежности одежды.

Другой якут Батурусского улуса, Пётр, по прозвищу *Моторка*, не имел с Сивцевым ничего общего. Он принадлежит к тому типу своих сородичей, у которых наиболее сохранились тюрко-татарские черты.

¹ Существует скотогонная тропа по хребтам, окаймляющим долину Маи. Якуты прогоняют по ней летом скот до Аяна.

Удлиненное лицо, более или менее прямой, не приплюснутый нос, весьма слабо выдающиеся скулы, широко раскрытые главные щели, и только чёрные, как смоль, жёсткие волосы обличали как бы некоторую примесь монгольской крови. Но по характеру он очень мало походит на якута. Серьезный, довольно медлительный в движениях, правдивый и аккуратный, он состоит на лучшем счету у нельканцев и подрядчиков тунгусов по перевозке чаёв, как старательный и добросовестный работник. Не в пример вечно болтающим тунгусам, Петра редко можно слышать беседующим; но зато его остроумные замечания, реплики и ответы, всегда произносимые со спокойным, невозмутимым видом, вызывали обыкновенно всеобщий взрыв смеха. Эта манера делала его больше хохлом, чем каждого из нас троих, киевлян по происхождению.

Тунгус Тимофей — маленький, чрезвычайно подвижный и сангвиничный, с нерезко выраженными чертами лица своей национальности: встретив этого тунгуса с мягкими курчавыми волосами где-нибудь в другом месте, я принял бы его за еврея. Он отличается порывистой, нервной энергией, живым сообразительным умом, что заставляло прощать ему его вспыльчивость и дерзкие выходки не только по отношению к нам, маленьким (*ачыгый*) тойонам, но и к начальнику экспедиции. Он хорошо говорит по-русски, и — что называется — за словом в карман не полезет.

Александр — крупная, коренастая фигура с крепкой мускулатурой, с скуластым широким четырёхугольным лицом, но светло-серые глаза глядят как-то больше по-славянски, чем по-монгольски. Он также вспыльчив и дерзок и, сверх того, как лоцман, обнаруживает деспотические наклонности, повелительно прикрикивая на рабочих и при малейшем поводе ругая их чисто по-русски: он побаивался только Тимофея, с которым в затруднительных случаях всегда советовался. Оба они удивили нас способностью легко осваиваться с географической картой, а воспринятые ими некоторые понятия и сведения при продолжительном пребывании в разведочной приисковой партии г. Баллота, выделяют их из среды своих сородичей.

Заслуживает внимания также старик лет 55, которого все называют шаманом. Но это маленький шаман, по рангу соответствующий нашему сельскому знахарю. К нему выказывают больше заботливо покровительственное, чем почтительное отношение. Титулуют его *огонёр* (дедушка), устраняют его по слабосилию от тяжёлых работ, но никаким авторитетом среди рабочих он не пользуется. Он очень скромн, молчалив

и услужлив. Его смуглая треугольная физиономия с прямыми почти до плеч длинными волосами наиболее монгольская из всей инородческой группы наших рабочих.

За исключением этого старика, все они отличаются большим самолюбием и обидчивостью. Между собой они часто шутят, часто подсмеиваются один над другим, но стоит казаку или кому-нибудь из нас обратиться к тому или другому с невинной шуткой, — получается совсем иной эффект: слова наши принимаются за оскорбление, и обиженный или молчит, сдерживая свой гнев, или отвечает по-якутски ругательством, иной раз не опасаясь даже, что его поймут. Эта черта вообще обращает на себя внимание среди якутов, и я пришёл к заключению, что им совершенно чужд и непонятен смысл и характер нашей шутки, что якутская психика реагирует на таковую с какой-то особенной болезненностью. Чего вовсе не замечается, когда они сами шутят и острят друг над другом; в противном случае при склонности острить и давать всем и каждому насмешливые и обидные, по нашему понятию, клички¹, якуты со своим чувствительным самолюбием должны были бы быть неуживчивым и необщительным народом, между тем как на деле мы видим совершенно обратное.

25-го мы переправились через Алдан, ширина которого у Усть-Майского селения 1¼ версты. Наша провизия главным образом состояла из ржаного и пшеничного хлеба, топленного якутского масла, кирпичного и плиточного чая, 5 пудов солонины и 7 вёдер спирта. Всей клади было около 170 пудов.

Глава II

По р. Мае до устья Юдомы — Тяга лодки на бичеве — Характер берегов — Население.

26 июня. — Отчалили вчера в 9 ч. вечера затем только, чтобы тронуться с места. Вступив в беловато мутную воду Маи и пройдя обширный лесистый остров, расположенный между двумя рукавами её устья, остановились на ночлег. Ширина реки с островами, при слиянии её с Ал-

¹ Например, *бырыка* — р..is, *опполюя* — ротозей, *орджох* — с оскаленными зубами, *ыдалын* — толстобрюхий, *тайболун* — коротконогий. Я был известен среди якутов моего улуса больше по кличке *арбальджин* (с растрёпанными волосами), чем по фамилии.

даном, до 2½ вёрст, но главный рукав не более 300-350 сажений. Течение заметно быстрее алданского. После беспокойной ночи, проведённой в постоянной борьбе с назойливыми тучами комаров, в начале 7-го утра тронулись дальше. Из-за густой тальниковой и ольховой заросли по подмытому обвалившемуся берегу рабочие вынуждены тянуться в ляжке водой — где по пояс, а где и до самых плеч глубиной. Раз даже, наткнувшись на глубокое место, должны были пуститься вплавь, таща за собой бичеву на расстоянии нескольких сажений. Горы правого берега, покрытые лиственничным лесом, верстах в 10 от устья вплотную подступают к реке и, спускаясь обнажёнными боками в воду, образуют скалы *Отонур-хаята*¹. За этими скалами долина значительно расширяется, и река разветвляется на три русла, из коих главное тунгусы называют *Эмяхсин-Тыллах*². Здесь на левом берегу стоит пустая избушка, — единственная, уцелевшая от бывшего староверческого селения *Новосельского*. С уничтожением станочной гоньбы обитатели его переселились на Лену в с. Павловское в 20 верстах выше Якутска, а покинутые ими поля перешли во владение троицких скопцов.

В надежде на лучший бичевник, перешли на правую сторону, но и тут берег оказался обрывистым, с густой зарослью, с подмытыми у корня и повалившимися в воду деревьями. Люди с трудом пробираются в кустарниковой гущине. Сзади идёт рабочий якут Моторка, освобождая постоянно путающуюся в ветвях и задевающую о свалившиеся лесины бичеву. Он обнаруживает при этом большую ловкость: нередко ему ничего не остаётся, как вскарабкаться до самой верхушки соседней лесины и, качаясь над водой, обрубить лежащий поперёк дороги ствол иногда вершков до шести толщиной. Там, где вырванные водой деревья загромождают русло на много сажений от берега, мы обходим их на вёслах, а где возможно, прочищаем путь, действуя топором с носа. Легко представить, с какой скоростью совершается наше движение при подобных, встречающихся чуть не на каждом шагу, препятствиях. В 8 ч. остановились на ночёвку у подошвы скал *Суон-бьястях-хая*³, что значит горы, поросшие толстой сосной. Скорость течения, измеренная посредством поплавков, оказалась здесь, в 15 саженьях от берега, всего 5½ вёрст в час. Измерение производилось так: с верхней точки отмеренной цепью бе-

¹ Якутское название, значит «ягодная гора».

² *Эмяхсин* — старуха, *тыллах* — ветреный. т. к. по этому руслу дуют частые ветры.

³ *Суон* по-якутски толстый, *бьясь* — сосна.

реговой линии на 100 саженой швырнулся обрубок дерева; моменты падения его в воду и прохождения, отмеченного веткой нижнего конечного пункта расстояния, замечались наблюдателями по заранее сверенным часам. Из времени прохождения нескольких поплавок, с разницей для каждого в несколько секунд, бралась средняя величина. Ширина реки на пройденном участке приблизительно от 300 саженой до 1 версты с протоками.

27 июня. На мой крик «тур! тур, тур! (вставай!)» рабочие поднялись в половине 5-го. Они решили немедленно же двигаться в путь, находя для себя более удобным пройти час-другой, прежде чем приниматься за утренний чай. Потянулись под скалами *Суон-бьятях*, нависшими над водой голыми стенами саженой в 50 вышины, Скалы представляют собой чрезвычайно правильную горизонтальную кладку плит глинистого сланца от одной четверти аршина до 1½ сантиметров толщины. Выступающие на разной высоте параллельные линии фигурных карнизов придают этим стенам вид искусственных сооружений. Местами в вышине заметны пятна просачивающейся наружу жирной жидкости, быть может, нефти. Ниже устья протоки, называемой *Охтанга*¹, течение становится быстрее. Вода сердито бурлит между подводными камнями. Опасность наткнуться на один из таких валунов заставляет лоцмана быть особенно внимательным. Лямовщики, низко согнувшись, едва передвигают ногами по узкой, усеянной ломанным плитняком, береговой полосе. Порою им приходится переползать через огромные окатанные камни плотного (неслоистого) известняка, очевидно нанесённые весенними глыбами льда. Местами берег сходит на нет, заставляя рабочих брести в воде. В половине 8-го остановились ночевать. Давно уже замеченные нами две лодки быстро неслись к нашей стоянке. В них сидело по три человека, из коих двое ловко действовали длинными двухлопастными вёслами. Это были юдомские тунгусы, направлявшиеся в Усть-Майское селение на «ярманку». Едут «поститься» и везут с собой пушнину и ровдугу для уплаты ясака. Три молодых парня, благообразные на вид, с длинными, разделёнными посередине пробором, прямыми волосами, подошли к нашему шитику «покапсекать»². Мы угостили их табаком, а они преподнесли нашим рабочим нарезанной мелкими кусочками вяленой оленины. Мясо пресное и жёсткое, но рабочие

¹ Рабочие не знают значения этого тунгусского слова.

² *Поговорить* — от якутского *капсе*.

и казаки едят его. размачивая в чае, и находят довольно «скусным». Две женщины и один старик оставались в лодке: они постыдились подойти к нам, потому что, как объясняли молодые тунгусы, одёжа на них плоха. Двинулись далее под теми же скалами бичевой по воде выше пояса, но через несколько саженей глубина заставила рабочих вскочить в лодку. Взялись за багры. Цепляясь крючьями за расщелины и выступы скалы, медленно двигаемся вперёд против значительного течения. Стаи щурей, спугиваемые ударами багров, разлетаются из своих гнёзд, наполняя воздух тревожным криком. Застрявший в трещинах и по карнизам наносный хлам указывает на высоту весенней воды, упавшей до теперешнего уровня сажени на четыре. Местами проходим под нависшими над нашими головами выступами скалы, и у каждого из нас невольно зарождается неприятная, гнетущая мысль: вот-вот, мнится нам, от удара багра каменная масса обрушится и задавит нас своей тяжестью. Так прошли более версты, пока с противоположной стороны не открылась тихая протока, в которую мы и направились на вёслах, и пошли по её топкому правому берегу бичевой. Подул попутный ветер. В.Е. и П.А. с помощью Расторгуева¹ принялись налаживать парус и кливер. Провозились около часу, и парус был, наконец, поднят. Но ветер вдруг принял обратное направление, и мы, к торжеству лоцмана и лямовщиков, попятимся назад. Ещё на Усть-Мае рабочие уверяли, что парусом по этой реке идти опасно, и относились к его сооружению весьма недружелюбно. В малую воду, при постоянных изворотах русла и частых перекатах, их опасения были бы справедливы, но теперь, пока вода стоит выше среднего уровня, парус при благоприятном ветре принёс бы нам существенную пользу. Подойдя к месту бывшего *Старого Намудырского* станка, повернули в протоку *Охтанга* и пересекли её на половину бродом, на половину на вёслах с обычным на быстринах дружным выкриком «гу! гу! гу!». Далее по мелководью то на шестах, то бичевником добрались до бывшего *Нового Намудырского* станка, где причалили на обед. Здесь стоит летняя ураса тунгусской семьи: поблизости имеется небольшой клочок расчищенной земли. Но тунгус хлеба не сеет: «нет сил распахать землю». Занимается рыболовством и промышляет зверя; кроме «малопульки»² употребляет для этой цели самострел (лук) и устраивает ловушки. Лук (*айя*) устанавливается таким образом, что

¹ Степан Иннокентьевич Расторгуев (1864 г.р.) — урядник Якутского казачьего полка, проводник многих экспедиций (Э.В.Толля, И.Д.Черского, Алданской экспедиции 1896-1897 и др.). — прим. OCR.

² Винтовка малокалиберная; ею стреляют преимущественно белку.

зверь, проходя мимо, задевает за волосок, которым к палочке привязывается натянутая тетива: стрела спускается и ранит или убивает животное. Искусство заключается в том, чтобы замаскировать лук и приспособить заострённый конец стрелы на известной высоте от земли, глядя по зверю, так, чтобы стрела попала ему в сердце или в брюхо. Иногда раненое животное успевае́т далеко убежать. так что охотнику приходится по несколько дней разыскивать по следам свою жертву. Самострелы ставятся главным образом на зайца и на лисицу, но то же оружие приспособляют и на других, более крупных животных (олень, сохатый). Этой весной в засаду тунгуса попал медведь. Тунгус узнал об этом по крику ворона, которого он заметил парящим над местом засады. Но пробраться туда не было возможности: не пускала большая вода. Потом он нашёл одни кости, да клочки шкуры: его медведь был съеден медведями. Верстах в трёх выше Намудыра проходим мимо двух подводных камней; верхние части их обнажаются в малую воду; теперь же местоположение их обозначается пенящимся бурливым движением воды. По преданию, здесь потонула пушка, которую Екатерина II велела доставить на устье Алдомы, где имелось в виду устройство порта¹. Место называется *Пушка*, — *тимир-бютер*². На противоположном скалистом берегу от утёса на наших глазах отвалилась глыба камня, полетевшая в воду. Раздался грохот, точно выстрел «цариценой пушки». Столб мелких, как пыль, брызг взвился на месте падения; река взволновалась и долго не могла успокоиться, сердито раскачивая наш шитик. Попытка перейти на правый берег помощью паруса осталась безуспешной, несмотря на всё усердие Онисима, надувавшего парус мехом, служащим у него для раздувания огня. Принялись свистать, но и это средство — накликать попутный ветер — не удалось; парус болтался, как бабская юбка, и рабочие, довольные посрамлением тойонской затеи, взялись за шесты. Но надежда найти удобный бичевник не оправдалась: берег и тут подмыт и усеян свалившимися в воду деревьями, что, однако, не мешает им жить и зеленеть в этом неудобном положении. Благодаря слабому течению, версты 1½ можно было пройти на вёслах. Не успели причалить на ночлег, как пришли в отчаяние от массы комарни: не дадут ни есть, ни спать. Зажжённые костры мало защищали от этой гнуси,

¹ Неосуществившийся проект перенесения порта из Охотска в Альдомский залив был утверждён в 1799 г.

² *Тамирь* — железо, *бютер* — непонятное якутам слово. Вероятно всё выражение исковеркано тунгусами. Якут говорит: *пушка тимирен-бюпют сире*, т. е. место, где утонула железная пушка.

пока не стали забрасывать яркие огни охапками свежей травы, превращая таким способом костры в дымокуры. Пока одни рубили и таскали дрова, другие из рабочих занялись ловлей мелкой рыбёшки *ору* (табунки), густыми стаями скопляющейся у боков лодки. Они просто черпают её ситом и едят, разваренную в котле, в виде кашицы...

28 июня. Идём топким правым берегом, поросшим густой непроходимой растительностью, расчищая путь топором. Тунгус Тимошка пробирается впереди, прорубая проход тянувшим ляжку, а Моторка — сзади, освобождая бичеву, путающуюся в ветвях деревьев. Пройдя таким образом версты 1½, пустились на вёслах к левому берегу, причём течение снесло лодку на половину пройденного с таким трудом расстояния вниз. Но и здесь не нашли лучшего бичевника. Обрывистый берег засорён валежником и вывороченными с корнем лесинами, ветви которых не пропускают бичеву. Снова пустили в ход топор, и снова рискованные эквилибристики Моторки. Бросив этот невозможный берег, рабочие спускаются в воду и тянут бичеву бродом, хотя глубина местами доходит им до самых плеч. Наконец, обнаруживается более или менее сносный бичевник. К реке подступают скалы *Урахан-хая*; с приближением к ним берег принимает вид широкой панели, вымощенной отполированными водой огромными плитами сланца. Эта красивая набережная постепенно возвышается, сливаясь с отвесной стеной скалы, и бичевник исчезает. Оголённые стены, изрезанные сверху донизу вертикальными трещинами, возвышаются на 5-6 саженей. Они состоят из тонких слоёв известкового сланца, отдельные плиты которого свободно вынимаются подобно кирпичам, не скреплённым цементировкой. Цепляясь баграми за эти плиты, дошли до р. *Урахах*, откуда переправились на правую низменную сторону. Но тут, вместо ожидаемого бичевника, нашли длинную отмель и должны были потащить бичеву по воде. Отчаявшись пройти далее по этому мелководному руслу и пытаясь завернуть на шестах в ближайшую протоку, сели на мель. Провозились около часу, прежде чем удалось, наконец, посредством вращательного движения сдвинуть лодку: но в устье протоки попали в жестокий шивер. Сколько ни бились, не могли справиться с быстринной. Ничего не оставалось, как вернуться обратно на правый скалистый берег, что мы и сделали с большими трудностями, промаявшись почти на одном месте пять часов. Опять цепляемся баграми. Скалы тянутся версты четыре, затем отходят от реки на запад, и мы вступаем в тихую воду. Обогнув остров из наносной гальки и пытаясь пересечь вброд протоку, основательно садимся на

мель. Рабочие, ухватившись за борта, силятся перетащить лодку через пережат: мы и казаки помогаем, напирая шестами, но все наши старания ни к чему не привели. Решили тянуть лодку назад и искать возможного прохода под правым берегом, к которому снова подошли обступившие полукругом голые скалы. Где на вёслах, где на баграх, а большей частью бичевой по воде добрались до небольшой береговой полянки — место бывшего Ураханского полустанка — и остановились на ночлег, сделав за весь день не более 10 вёрст.

За пять дней подобного путешествия мы проехали 85 вёрст и были у устья *Чабды*, одного из наиболее значительных левых притоков Маи. Вода с каждым днём убывала, спадая за ночь на 1½ и на 3 вершка. Ширина реки от 200 до 400 сажень. Многочисленные острова покрыты смешанным лесом — ель, талина, тополь, ольха. Густая, высокая трава пробивается сквозь наносный хлам, которым засорены наиболее низкие из островов. Отвесные скалы продолжают тянуться то правым, то левым берегом¹, местами прерываясь распадками, которые служат ложем бурных весенних потоков и мелких речонок. Несмотря на жару, от которой мы изнемогаем, рабочие идут на тяге бодро, время от времени окунаясь с головой в воду. У устья Чабды на возвышенном берегу стоит одинокое жилище старовера, забайкальского уроженца Иванова, переселившегося сюда в числе других крестьян по вызову начальства для обганивания² станков. С упразднением тракта, он перевёлся в Амгинскую Слободу, но частые неурожаи от засух и заморозков заставили его возвратиться на Маю. Хозяйство небольшое, детей нет, управляют вдвоём с женой. Посеял 4 пуда ячменя, к будущему году заготовил расчистки на 2½ пуда под рожь. Хлеб родится хорошо: в среднем сам 11, сам 12. При доме огород с картошкой, капустой, свёклой. Занимается звероловством и мелкой торговлей. Держит одну корову и приручённого сохатого (самка). По словам старовера (которого мы видали на обратном пути), сохатый свободно ходит на пастбище и возвращается сам же домой: животное настолько одомашнилось, что при необходимости могло бы употребляться на работы. По Чабде старовер знает только одно полуоседлое тунгусское семейство, проживающее верстах в 10-ти от устья. Недалеко от этой реки на левом берегу начинаются горы с обнажённым скатом к воде, называемые *Бёрбёнде-хаята*³. Сначала узкая береговая

¹ Под названием здесь *Серге-Тырде*.

² Обганивание — здесь, организация гоньбы по почтовому тракту, перевозка почты. — прим. OCR.

³ Тунгусское слово, значения наши рабочие не знают.

полоса постепенно расширяется, образуя правильную красивую лестницу со спускающимися под водой ступеньками. Течение быстрое; рабочие тяжело тянут бичеву по гладким, скользким каменным плитам, опираясь на палки. Несколько далее, за мелью, называемой *Ортоку-тас*¹, скалы принимают разнообразные формы, дающие полную иллюзию средневековых замков с башнями, с зияющими в стенах бойницами и множеством причудливых архитектурных украшений. Проходя здесь, мы удлиняем бичеву, чтобы не задеть мачтой о деревья, горизонтально и даже под углом более чем в 90° склонившиеся с выступов скал. За бывшим *Улукутским* станком заметили на противоположном берегу тунгусов. Встреча людей в нашем путешествии настолько редкое явление, что все мы приходим в некоторое волнение. Бинобль переходит из рук в руки, а рабочие во всю глотку начинают орать: «Капсе, догор, капсе!» — «Кэль, кэль! Хатышь агал, — ары бариагым, табак бариагым!» (скажи, приятель, скажи!)² — Сюда иди. сюда! Тащи стерлядей, — водки дадим, табаку дадим!) Мужчина и женщина с двумя ребятами отчаливают от берега и подплывают к нам. Они всходят на шитик и с низкими учащёнными поклонами выражают удовольствие, что *улахан тойон* (важный господин) удостоил их край посещением. Матвей Степанов, объякутившийся тунгус, поселился здесь 8 лет тому назад с разрешения, как заявляет он, проезжавшего по Мае генерала Светлицкого. С тех пор он ежегодно расчищает из-под леса по пуду земли³ и в настоящее время засеивает 4 пуда ячменя, 3 пуда ржи и 1 пуд пшеницы и сажит два пуда картошки. Скота у него 18 голов; из них 5 коров и 2 лошади. По податному окладу он записан во 2-й класс и вносит государственных и общественных платежей от 10 до 11 руб. Средняя урожайность его земли сам 10. Заморозки бывают, но очень редко, и примера серьёзных повреждений хлебов от этой причины не случилось. Всего лучше удаётся рожь, но тунгусы, как и якуты, предпочитают ячменные лепёшки. Пашет на быках простой сохой, косит литовкой. Горбушей⁴ алданские и

¹ По-якутски *ортоку* — средний, *тас* — камень.

² Обычная форма приветствия у якутов.

³ «Пуд земли» — $\frac{1}{8}$ хозяйственной десятины.

⁴ Горбуша — с более изогнутым железком и более короткой ручкой, чем у косы. Но своей форме она представляет нечто среднее между серпом и этим последним, более совершенным орудием. Действуя ею, держат древко, как топор, обеими руками и собственно не косят, а рубят траву, размахивая ею под довольно острым углом справа налево. Труд при этом и более утомителен, и менее производителен, потому что трава захватывается гораздо выше от корня, чем косой.

майские тунгусы перестали косить. Научился земледелию от кумахинских и юдомских скопцов. Пользуется от общества сенокосом на 400 бугулов (40 возов). Но его сенокосный участок часто затопляется водой, спадающей иной год лишь поздним летом. Он просит разрешения осушить озеро посредством выпуска последнего в речонку *Туостох*. На вопрос, почему он не обратился с этой просьбой к своему обществу, он ответил, что долина р. Маи ещё со времён существования тракта выделена из района земель Тунгусского Ведомства, и общество не считает себя вправе распоряжаться ею. Ввиду этого, так как у него никаких документов на водворение здесь не имеется, он желает знать, может ли его положение считаться прочным, и не сгонят ли его отсюда, как этим грозит ему усть-майский крестьянин К—н. повсюду захватывающий береговые сенокосы будто бы с разрешения Земского Суда. Успокоенный обещанием передать его просьбу высшему областному начальству и обнажённый в благоприятном её решении. Степанов преподнёс нам осетров и стерлядей, за что был отдарён чаем и табаком.

Не доходя скал *Сырджикит-хаята*¹ мы попали в сильный бой, — место, где, по словам рабочих, не раз рвалась даже удвоенная бичева; но наша, из китайской крапивы, выдержала. Лямовщики употребляли отчаянные усилия, чтобы протащить лодку против стремительного течения. Опираясь на палки, посинев от натуги, они едва двигались, сгибаясь до самой земли. Преодолев трудное место, они вступают на гладкий, точно асфальтовый берег Сырджикитских скал. Это самые высокие береговые обнажения из до сих пор встречавшихся по Мае. Правильно чередующиеся полосы жёлтого и коричневого глинистых сланцев, с красиво выступающими карнизам, придают стенам эффектный вид. По склонам кое-где торчат наклонившиеся стволы сосны, а обнажённые вершины состоят из ряда выступов, напоминающих крепостные сооружения. Этот угрюмо величественный берег, тянувшийся версты 2½ населён множеством беспокойных *абаги* (злые духи), из-за которых рабочие, несмотря на наше желание, не захотели остановиться здесь на ночлег.

Пища наших рабочих состоит из ½ фунта масла в день и 3 фунта печёного хлеба при одном чае. Рыба, на которую рассчитывали, как подспорье в питании, не ловится. Каждый вечер ставятся сети, но в большинстве случаев в них ничего не попадает или же много-много — пять-шесть штук небольших окуней. Птица с молодыми выводками прячется

¹ *Сырджикит* — путеводитель, маяк.

по озёрам: на реке встречаются лишь гагары, мясо которых, чёрное, невкусное, отдаёт рыбой, да выводки крохалей, которых, не скрадывая, нельзя взять ружьём, так как они уже саженой за 100 начинают с чрезвычайной быстротой улепётывать по воде. Недостаток пищи вызывает ропот среди рабочих: они просят прибавки масла, которого им хватает только на утро и на обед; полагающейся порции хлеба они не могут съесть: квашеный хлеб производит у них расстройство желудков, а без масла, как они выражаются, и в горло даже не хочет лезть. Решено прибавить 1 фунт на всех к вечернему чаю.

Мы приближаемся к *Юдоме* (3-го июля). Пахнет гарью. Давно замеченная пелена дыма, скрывающая впереди даль, становится всё гуще. Горят леса. Рабочие утверждают, что это дело чужого человека «*омука*». Тунгусы всегда тщательно тушат свои костры, чтобы лесной пожар не разогнал зверей. Но из чужих людей кто же здесь мог проходить, кроме Осипова с нашими лошадьми, да якутов, погонщиков скота, законтрактованного аянским управляющим из Якутска? Очевидно пал пущен, благодаря их неосторожности или беспечности. Вскоре по берегу заметили следы конского кала: по определению рабочих, тщательно осмотревших помёт, Осипов проходил здесь не далее двух дней тому назад.

Ещё вёрст за 8 до Юдомы. не доезжая скалы *Ычынгы-хаята*¹, вступаем в прозрачную майскую воду под левым берегом, тогда как под правым идёт мутная юдомская вода. Скала *Ычынгы* господствует над всеми возвышенными пунктами прибрежных гор. Она имеет вид крепости, разрушенной бомбардировкой, и представляет хаотическое нагромождение глыб почерневшего известняка с вкраплёнными белыми пятнами кварца. Под камнями струятся ручьи, производя странный, с первого раза необъяснимый, шум, смешивающийся с пискотом многочисленных каменных мышей (*lagomis hyperboreus*)², встревоженных В. Е—м, взбравшимся на скалу с фотографическим аппаратом. Устье Юдомы, саженой 200 ширины, разветвляется на два рукава, разделяемые поросшим густой лиственницей *Варначьим* островом. Беглые каторжники охотского острога³, плывя на плотках по Юдоме, останавливались здесь и устраивали временные жилища, из которых делали нападения на проезжавших с рыбой или пушниной тунгусов. Отсюда название острова,

¹ *Ычынгы* — тунгусское слово. Значение якутам не известно.

² По-якутски *тас кутуях*.

³ Каторжная тюрьма в Охотске упразднена в 1845 г.

так как *варнаком* в Сибири называют каторжника (и вообще ссыльного). За этим островом на правой стороне видна мрачная, изборождённая рытвинами, скала *Юдома-Сюрях-хаята* — *Сердце Юдомы*. Юдома — самый большой приток Маи. Она берёт начало из отрогов Станового хребта приблизительно вёрст на 150 севернее охотской параллели (59° 02' 20") и течёт к Мае, сохраняя общее направление с северо-востока на юго-запад. Длина её, по Словцову, около 600 вёрст. Эта быстрая река настолько «подпирает» Маю, что последняя окрашивается в её белесовато-мутный цвет саженой на 100 вверх от её устья. Эта окраска юдомской воды в свою очередь происходит от притока *Нюлю-кут*, выше которого река становится совершенно прозрачной. Начиная от *Юдомы-Крестовской* — станок по якутско-охотскому тракту — она течёт в одном русле в высоких скалистых берегах. Глубины её весьма значительны, так что лямовщикам брести в воде, как это им сплошь и рядом приходится по Мае, невозможно. Ни мелей, ни перекатов не встречается, зато есть два небезопасных порога, из коих первый, большой, вёрст на 100 выше *Креста*, в полоую воду может быть обойдён протокой; второй, менее значительный, — верстах в 400 от устья и вёрст на 10 выше притока *Дэлениэ*. Здесь беглые каторжники бросали свои плоты и, обойдя порог берегом, для дальнейшего путешествия строили новые. Скорость её течения, ослабевающая лишь вёрст за 100 до впадения в Маю, так велика, что, по показаниям тунгусов, на ветке переехать её поперёк нет возможности, а шум от быстрых её волн заставляет людей, сидящих в одной лодке, кричать друг другу над самым ухом. Для тунгусов Юдома — «худая, скупая» (*кусаган, кырчыгей*) река: ни птицы, ни рыбы в ней нет; таковы же и её притоки, за исключением вливающегося с левой стороны *Терби*, единственного посещаемого тунгусами для рыбной ловли¹.

¹ Все эти сведения получены мною от знакомых с рекой тунгусов Павла Атласова. Луки Бубякина и Тихона Михайлова. По их словам *Терби* на расстоянии 12 вёрст от устья зимой не замерзает, так что тунгусы ловят здесь рыбу в это время года сетями.

Амурская К° сделала попытку в настоящем (1894 году) сплавить чай из Охотска по р. Юдоме. Доставленные предыдущим летом в этот порт 1000 мест были перевезены зимой до Юдомы. Длина этого пути около 250 вёрст. Из них 100 вёрст обозы шли по охотскому тракту, затем, своротив в долину р. Кытанды, впадающей в Охоту, поднялись вверх по её течению на Становой хребет, на котором расположена целая группа озёр: из одного из них берёт начало Кытанда, из другого — одна из вершин Юдомы. направляющая по противоположному склону отрога. Обозы спустились по этой реке, пройдя на юг от охотского тракта вёрст 85-90. Подъёмы и спуски ничтожны, местность везде тундристая, со слабой древесной растительностью: но кормов для оленей достаточно. Снега очень глубоки. Приходилось прокладывать путь таким образом: впереди пускали на длинной верёвке одного оленя,

Близ устья Юдомы на месте бывшего станка были поселены пять скопцов; но из трёх обветшалых домиков теперь обитаем только один, в котором живёт скопец Иван Тюни, чухонец Петербургской губернии. Остальные его собраты, достаточно обеспечив свою старость торговлей среди инородцев хлебом и другими товарами, перевелись доживать свой век — кто на Марху¹, кто на Черон². Сектанты занимались здесь хлебопашеством с большим успехом. Правда, они расчистили всего 5 десятин земли, из коих половина отходила под сенокос, но при богатых урожаях, хлеб никогда не продавался ниже 3 р. за пуд в зерне. В настоящем году Иван Тюни не сеял в ожидании своего перевода, о котором он уже много лет хлопочет безуспешно. Он производит весьма жалкое впечатление. С жёлтым как воск лицом, с повязанной платком головой, в плохой одежонке, вышел он к нам, едва передвигая ноги, опираясь на палку. Слабым плаксивым голоском он жалуется на свои старческие хворости, на бедность, на неспособность больше работать и умоляет исходатайствовать ему разрешение переселиться к своим единоверцам. Но наши рабочие утверждают, что всё это не более как притворство с целью добиться перевода: скопец хотя и стар, но здоров, и одежда у него есть хорошая, и деньги есть, и давно бы он мог перевестись, если бы не был так скуп и не жалел денег на хлопоты. Скопцы вообще большие мастера «петь лазаря» и надевать на себя личину убожества, тем не менее жизнь одинокого старика в этой пустыне не может быть отрадной. Несмотря на то, что здесь в тайге, в смысле безопасности, гораздо спокойнее, чем в любом культурном городе, — тунгус чужого не тронет, а тем более не пойдёт на грабёж или убийство, — скопец в постоянном страхе

за ним пару, затем ещё 4 в ряд, потом несколько нарт порожняком, и наконец двигались нарты с грузом. 1000 мест были привезены подрядчиком в три приёма. В первый раз бездорожное расстояние (85-90 вёрст) было пройдено в 5 дней, во второй в 8, и в третий в 12 дней. Было заготовлено 10 небольших паузков на 100 мест каждый. Но из них достигли устья Алдана только три, остальным не удалось пройти порога, представляющего собою продолжение береговой скалы, тянущейся во всю ширину реки. Пока паузки возились на мелях и перекатах вёрст на 100 выше, вода спала и покрывала эту часть скалы всего на четверть. Пришлось чай выгрузить на берег с тем, чтобы доставить их в Якутск зимним путём. По словам подрядчика, перевозившего чай, г. Михалевича, этот путь может быть выгоднее сухопутного охотского тракта лишь в том случае, если доставлять чай на оленях ниже порогов; но речной сплав его возможен не более как на 2, на 3 года, ибо годный для постройки паузков лес имеется в весьма ограниченном количестве. Дальнейшая утилизация юдомского пути потребует пароходного движения, для которого, по утверждению того же г. Михалевича, нижнее течение реки от порога представляется вполне удобным.

¹ Большое скопческое селение в 8 верстах на север от Якутска.

² Местность близ устья Май, где расположено селение Петропавловское. *Чероном* вообще называют возвышенное место, поросшее березняком.

за свою жизнь и за своё имущество. У него всегда наготове заряженное ружьё, а вокруг дома расставлены луки со стрелами. Один тунгус, желая зайти к скопцу, зацепил за волос, вследствие чего тетива соскочила — и стрела попала ему в ногу, пронзив голенище этербеса. После этого никто не решается приблизиться к дому Тюни, и если кто хочет его видеть, тот должен «реветь»¹ издали или подать знать о себе выстрелом из ружья.

В полуверсте от скопческих домиков стоит юрта тунгуса Луки Бубякина. Общество 2-го Эженского наслега, избрав его своим старостой, заставило его переселиться сюда с Алдана, так как там места реже посещаются тунгусами, нежели здесь. Лука весьма благообразен и даже красив. Черты лица его не имеют ничего общего с монгольским типом. Мать его амгинская крестьянка, а жена русская из Усть-Майского селения. У них в семье говорят по-якутски, и мы изъясняемся с ним через переводчика на этом языке. В его наслеге считается 200 с лишним окладных душ, а в действительности, как он утверждает, не более 130. Значительное большинство покинуло бродячий образ жизни, перекочёвывая лишь с летников в зимники. Оленеводство вытеснено скотоводством, но размеры последнего невелики: самый богатый тунгус имеет 80 голов, у самого Луки — 15 рогатого и 11 конного. По платёжной способности его родовичи разделяются на четыре класса, которым соответствует величина сенокосных наделов. 1-й класс платить государственных податей 6 руб., 2-й — 4 руб., 3-й — 2 р. 50 к. и 4-й — 1 руб. С общественными же платежами на 1-й класс приходится до 12 р. Вносят деньгами и белкой по казённой оценке; на последнее, уже истёкшее, 3-хлетие в 28 коп. шкурка² Место здесь изобилуют зверем: сохатый (лось), медведь, лисица, дикий олень, кабарга, белка, горностай, ушкан³. Промышляют ловушками и луками, но почти у каждого тунгуса есть ружьё и от одной до шести охотничьих собак. Хорошая собака ценится не дешевле доброй лошади. Пушнина идёт главным образом скопцам и нельканским торговцам в уплату за продукты, забираемые обыкновенно вперёд в счёт будущего промысла. Чай берут по 1 руб. кирпич, листовой махорки — 50-60 коп. фунт, бутылка спирта (по словам Луки, слабее

¹ Реветь — по-сибирски значит звать.

² Рыночные цены от 12 до 17 коп. шкурка.

³ Соболя нет; в районе Алданского бассейна этот ценный зверёк водится лишь по верховьям Учюра и Алдана.

нашей водки) 2 руб. Выбор времени и продолжительность «ярмарочного» *суглана*¹ Лука считает крайне неудобным для тунгусов. Собрание с Петрова дня длится до 1-го августа, как раз в сенокосную пору. Многие не успевают убрать свои покосы и, проживая подолгу на Усть-Мае, тратятся, пропиваются и задалживаются у скопцов. По его мнению, следовало бы перенести собрание дней на 20 ранее Петрова дня. Он просит нас ходатайствовать об этом, а также о сохранении пушнинного оклада, так как к ним проникли слухи о полной замене такового обязательным денежным платежом², что поставило бы тунгусов в большое затруднение: денег у них нет, и достать в обмен на рухлядь — дело нелёгкое. Но если такая замена действительно предполагается, она в результате едва ли окажется выгодной для казны. Правда, казённая оценка пушнины, производимая по справочным ценам, собираемым от инородческих управ, всегда оказывается выше рыночной, и областное казначейство никогда не выручает за рухлядь её законной стоимости: но с другой стороны, — несомненно — обязательный взнос деньгами увеличит задолженность тунгусского населения у торговцев и ростовщиков и повлечёт за собою хронические недоимки. Ввиду этого сохранение существующего положения в ясачном сборе представляется более желательным; убытки-же казны легко могут быть устранены при меньшем формализме в собирании справочных цен. Эженские тунгусы почти забыли свой родной язык и говорят между собой по-якутски; но между ними гораздо чаще можно встретить хотя бы кое-как понимающих и изъясняющихся по-русски, чем между якутами. По отзыву Луки, его родовичи весьма склонны к земледелию, но у большинства, по бедности, не хватает средств взяться за хлебопашество. Сам он арендует половину скопческих земель и сверх того сделал на 2 пуда расчистки. В прошлом году было посеяно им разного хлеба 12 пудов: снял сам 10, а на чистке по первому году с 2 пудов ячменя получил 40. С 10 пудов картошки взял 65 пудов. Тунгусы полюбили этот овощ и покупают у него по 50 коп. за пуд. Вообще места близ Юдомы по правой береговой полосе Маи Лука считает для земледелия вполне удобными. Солончаков нет, почва глинисто-песчаная, берега, благодаря своей возвышенности, затопляются

¹ Назначение пунктов и времени съезда бродячих инородцев для обмена мехов на товары и сдачи ясака состоялось ещё при ясачной комиссии (1835 г.). Этими съездами пользуются для выбора должностных лиц и решения общественных вопросов, и таким образом «ярманка» вместе с тем является *сугланом* (по-якутски *муниак* — улусное собрание).

² В настоящее время допускается и то, и другое.

лишь в очень редкие годы. Инея не бывает, продолжительных засух также, что уже явствует из того, что здесь неизвестна кобылка¹.

Глава III

По Мае до устья Маймакана — У перевоза близ устья Хандыка — Известковая гора — Устье Аима — Семья бродячего тунгуса Уйбана Иранаса — Надпись или рисунок на скале Кыллах — Пещеры «Чёртово жилище» — Усадьба Соловьёва — Как живёт тунгус Андрей — Прибытие в Нелькан — Заключительная характеристика пройденного пути по Мае.

За Юдомой течение заметно ослабевает. Вода прозрачна, как хрусталь. На 1½ сажени глубины легко распознать цвета мелких камней, устилающих дно реки. Встречаются огромные насыпи гальки, расползающейся как орехи под ногами тянущих бичеву. В гальке мы находим известняки, кремень, кварц, яшму, мрамор. агат. Жара 28°С в тени. Рабочие большей частью бредут в реке, время от времени окунаясь с головой в воду. У них начали пухнуть ноги — обычное явление, против которого, как лучшее испытанное уже средство, они употребляют натирание спиртом; опухоль за ночь опадает, но за день ходьбы к вечеру появляется снова. Рабочие идут в *ичигах* — специальной обуви лямовщиков, приготовляемой из сыромятной коровьей кожи. Делается она очень просто: из вымоченной в воде кожи вырезают четырёхугольный кусок, обтягивают им обёрнутую портянкой ступню и зашнуровывают через прокалываемые ножом дыры тонкими, нарезанными из той же кожи ремешками. При приближении к речке *Большой Хандык*, где тихое и ровное течение снова сменяется быстринами, зоркий глаз В.Е. заметил вдали что-то красное, оказавшееся в бинокль рубашкой Осипова, взбравшегося на возвышенный выступ с намерением обратить на себя наше внимание. У устья этой речки скотогонная тропа переходит на правый берег, по которому идёт уже до самого Нелькана. В сущности, как рассказывает Осипов, никакой более или менее проторённой тропы не существует. Идут просто тайгой, держась в общем берегового направления, с которого без знающего проводника легко, однако, сбиться, благодаря значительным обходам часто встречающихся топких мест. Кони наши похудали. Травы везде хороши, но скоту в эту пору не до еды: на

¹ Все эти сведения проверены показаниями других тунгусов.

стоянках он сбивается в кучу у дымокуров¹, предпочитая оставаться голодным, чем подвергаться нападению кровожадных полчищ комаров. До сих пор пройдена треть пути, но остальные две трети, по уверению проводника, они сделают дней в семь, так как далее места везде сухие, и густых, с трудом проходимых зарослей нет.

У переправы проживает с многочисленной семьёй старик Тихон Михайлов. Из девяти взрослых сыновей его два младших встретили нас вместе с отцом. Они хорошо говорят по-русски, летом занимаются рыбной ловлей, пастьбой скота, а зимой ездят ямщиками при чайных обозах из Аяна в Нелькан. Старик считается самым старшим из стариков в шести наслегах: ему 104 года, но он ещё бодр и здоров. Седая длинная, хотя и жидкая, борода несколько не гармонирует с чисто монгольским его типом. У тунгусов, в особенности у пожилых, незначительная растительность на лице встречается гораздо чаще, нежели у якутов. Быть может, это объясняется тем, что у них нет якутского обычая выщипывать волосы на усах и бороде². На устье Хандыка живёт уже восьмое поколение рода Михайловых. Тихон родился, когда отец его ещё не был крещён. Сам он не помнит, но слышал от отца рассказы, как русская команда «ловила» разбежавшихся тунгусов и сгоняло их с жёнами и детьми на Устье-Май для крещения. Старик не забыл своего родного языка и якутски говорит плохо. Он держится с нами без малейшего подобострастия и даже с некоторой, не скрываемой, враждебностью. На предложение табаку он довольно грубо ответил: «кури сам, я этого чёртова зелья отродясь не курил и детям своим запрещаю курить». (*Тард беен, мин тарбаготым хаган даганы бу абагы отун, беем оголорбор тардарбапын*). Земледелием не занимается, потому что «была бы только пушнина — и землю незачем рыть: хлеба всегда достанешь». Да и почва здесь, по его словам, неудобная, никакого хлеба не вырастишь³.

— С приходом русских лучше ли стало жить или хуже? — спрашиваю я старика.

¹ Предположения оказались справедливыми: виновником пала действительно был Осипов с проводником.

² У якутов для этого употребляются специальные металлические щипчики, которые можно найти в продаже в базарных лавчонках г. Якутска.

³ Это не верно. Тут же близ урасы Тихона при станочной гоньбе жил русский крестьянин Степан Балаганский, ныне переселившийся в с. Новопокровское. Он в течение 6 лет сеял по 9 пудов и не нахвалится урожаями. Меньше сам 10 не снимал (его собственные показания).

— До прихода русских куда лучше было. Любого старого человека спроси, всякий тебе это скажет. Пришли русские, станки позаводили, пошла езда, коней загоняли, рыбу выловили, птицу и зверя разогнали, водкой тунгусов стали опаивать; воровство, обман пошёл. Зайдёт русский в урасу: «дай, говорит, масла, молока, рыбы, — я тебе отплачу». Дашь, а от него ничего не получаешь. И тунгусы у русских научились обманывать. Богатые люди перевелись, все стали бедными. После того как пошла станочная гоньба, у нас такой голод настал, что мы, как скотина, траву жевали, кожаные пологи от урас поели... Уничтожили станки, ушли русские — и рыба снова объявилась, и зверь вернулся. А всё уж не то, что прежде было.

— Значит, русские, по-твоему, ничего хорошего тунгусам не принесли?

— Тох да гох, тох да гох (ничего, ничего).

— А чай, а хлеб, а ружьё?

— И без этого жили — и сыты были¹ (*онто да сох олорбонут тот да этибить*).

Несмотря на то, что начальник экспедиции являлся в его глазах большим тойоном, старик не обнаружил по отношению к нам никакой услужливости. За переправу лошадей он запросил по 50 коп. со штуки, и П.А. решил обойтись без его содействия. И действительно, переправа не представляла никаких трудностей. Тимофей сел в ветку, привязав сзади одну лошадь, а другие, понукаемые с берега, вошли в воду и поплыли вслед за привязанной. Река в этом месте до 120 саженой ширины, но плыть пришлось не более 50 саженой. Лошади хорошо справлялись с быстринной; для рогатого же скота это было не так легко. Обыкновенно переправляют по 3-4 штуки за раз привязанными к лодке; процедура длится таким образом целый день. Скотогоны для ускорения дела решили последовать нашему примеру и погнали всё стадо вслед за тремя быками, тянувшимися на верёвке за веткой. С двух других веток сзади подгоняли животных криками и палками. На самой быстрине стадо отстало от передовой лодки, и, несмотря на все усилия погонщиков, его стало уносить вниз, так что мы вскоре потеряли его из виду. Собака осиповского проводника четыре раза пыталась переплыть, но всякий раз

¹ Разговор записан почти дословно. Переводил урядник Росторгуев, служивший переводчиком у Черского и у барона Толля.

возвращалась обратно, не будучи в силах преодолеть течение. Она металась по берегу с жалобным воем, взывая к хозяину о помощи, но тот ничего не предпринимал, уверенный, как потом объяснил он, что она найдёт способ перебраться на ту сторону. Увидев, что хозяин вскочил на осёдланную лошадь и готов уже скрыться в лесу, собака снова кинулась в воду, доплыла до быстрины и повернула вниз, очевидно, в ожидании встретить более слабое место течения, которое она в силах была бы перерезать. Ей это удалось; через четверть часа мы увидели её мчавшуюся, как стрела, по берегу вдогонку за лошадьми. За Хандыком против устья речонки *Сого*, в сдавленном мелью фарватере течение бьёт с такой силой, что понадобилось удвоить бичеву. Это место требует от лямовщиков огромного напряжения, тем более, что бичевник завален валунами, затрудняющими движение. Правобережные горы принимают формы отдельно возвышающихся правильных конусообразных могил, покрытых редким молодняком по выжженному палом лиственничному лесу. Глядишь в воду, точно в аквариум: между камнями играет таймень, щука, окунь. В гальке особенное обилие полевого шпата зелёного цвета и глинистого сланца, легко чертящего на бумаге бурой, белой и чёрной краской. Это породы, наносимые теперь обсохшей, но весной многоводной и стремительной, речкой *Эмеликан*. Выше речки *Лоханды* несколько раз натываемся на подводные камни, к счастью, без повреждений нашего шитика. Пользуясь худой славой, благодаря таким же камням, протока *Тарбачиер*¹ также пройдена была благополучно: посаженный на носу казак успевал вовремя предупредить лоцмана об опасности. По преданию, проезжая здесь, генерал Муравьёв², рассерженный быстриной, оборвавшей бичеву его лодки, велел высечь протоку палками. С тех пор «течение смирилось», и мы не имели никакого повода повторить эту экзекуцию. Тянущаяся на правой стороне версты за три вглубь от берега цепь холмов с выдающейся *Исааковой* горой постепенно приближается к реке и, превращаясь в оголённые скалы, получает название «*Бравых гор*». Скалы состоят из отдельных невысоких выступов горизонтальных пластов глинистого и песчаникового сланцев. В дуплообразных вместилищах между плитами мы нашли в изобилии горный хрусталь. Снаружи, при свободном доступе ветра и солнца,

¹ Т. е. бурливая (якут.).

² В 1849 г.

кристаллы мутного цвета, легко рассыпающиеся при слабом ударе молотка. Но если отбить кайлой плиту, то в глубине залегают совершенно прозрачные шестигранные призмы, не крупнее, впрочем, голубиного яйца, гнездящиеся обыкновенно среди куч мелких бурых косо́й ромбической призмы кристалликов. Сами по себе скалы ничего интересного не представляют, но на одном из выступов, называемом *Опохалах-хаята* (известковая гора), находится небольшое углубление, наполненное полужидкой жирной на ощупь массой, просачивающейся наружу из глубины. Это белая, весьма чистая глина со значительной, по-видимому, примесью талька¹. Тунгусы черпают её тут же лежащими лопаточками в берестяные посудины, высушивают на солнце и сбывают черанским скопцам и усть-майским крестьянам на побелку стен (по 30 и 50 коп. за пуд). Временами масса переполняет естественную впадину и истекает вниз, как видно по застывшим её потёкам в продольных бороздах скалы. 7-го июля мы были у устья *Кумахи*, которая заносит ближайший район левого берега Маи огромными кучами песка². Здесь был скопческий посёлок из четырёх-пяти теперь опустелых домов. В одном из них живёт брат Луки Николай Бубякин с женой, амгинской крестьянкой, двумя ребятами и старухой. Он также не похож на тунгуса, как и брат его, и несмотря на болезненность и чахоточный вид — весьма деятелен и ведёт довольно обширное хозяйство. Он арендует оставшиеся после скопцов³ пахотные земли до 20 пудов, на которых в этом году посеял в первый раз 8 пудов ржи, 7 пудов ярицы и 5 пудов картошки. Пшеницы и ячменя не сеял, потому что, как показал опыт скопцов, этот хлеб сильно истребляется бурундуком и птичкой чегохой. Большая часть пашни на правой стороне; на левой — грунт каменистый, не представляющий под расчистки удобных мест. У Николая 8 коров и столько же лошадей. Пашет колесухой на паре коней, косит литовкой, молотит цепом, а мелет ручными жерновами. У скопцов была мельница-топчак: он давал за неё хорошие деньги, но те, в интересах своих черанских братьев-мукомолов, ни за что не хотели продать: уходя, они её разрушили, колёса поломали, а жернова увезли с собой. По словам Николая, удобных для хлебопашества мест на правом берегу против *Кумахи* хватило бы на многих, но на счёт сенокосов очень стеснительно. Его островной покос в этом году затопило и занесло толстым слоем песка. Есть подходящие

¹ Образцы глины и пород этой скалы доставлены в Якутский музей.

² *Кумах* (по-якутски) — песок.

³ Сектанты частью вымерли, частью переселились.

острова, но их требуется расчистить от зарослей. Он вместе с соседом своим тунгусом Тимофеем хотел бы воспользоваться для этой цели одним из таких островов, но самовольно приняться за очистку не решается, а написать просьбу начальству некому¹. Сосед его (3 коровы и 2 лошади) земли не пашет, занимается звероловством и рыбным промыслом. Нынешней весной он убил медведя и двух сохатых: одного закопал в мёрзлую землю, чтобы мясо до зимы не протухло, а другим кормит семью. Медвежатины майские тунгусы не едят; они сбывают её аянским бродячим тунгусам, большим охотникам до медвежьего мяса.

На другой день вечером мы подъезжали к *Аиму*, третьему по величине притоку *Маи*. Частые мели и шивера, на которых последние дни приходилось много возиться, изнурили рабочих. Необходимо было дать им отдых, и мы решили остановиться здесь на днёвку. Местность при слиянии *Аима* с *Маей* чрезвычайно красива. Высокие скалы саженой до 70 и более, с оригинальными выпуклостями, усеянные фантастическими фигурами, тянутся левым берегом и, прерываясь небольшим распадком, чтобы дать ход речонке *Эгелах*², продолжают далее, окаймляя уже русло *Аима*. Для нас, подвигавшихся вверх, *Мая* поворачивает отсюда на юго-восток. Правый её берег представляет волнистую гряду покрытых лиственничной щетиной холмов, с обнажёнными спускающимися к воде боками. Из-за высоких стройных талин узкой косы, образуемой отлагающимися осадками обеих рек, виднеются совершенно голые мрачные аймские скалы, производящие впечатление дикой, суровой неприютности. Эти громады возвышаются над рекой почти отвесно, местами лишь оставляя узенькую береговую полосу, образовавшуюся от обвалов каменной массы. Они состоят из очень плотного кристаллического известняка горизонтального слоения и имеют форму выступающих по стене крепостных бастионов, разделяемых глубокими щелями. Попытка В.Е. взобраться по такой щели на вершину осталась тщетной: подвижная мелкая отсыпь обрушивалась под ногами, увлекая его с собой вниз. Нигде до сих пор мы не слышали такого громкого отзывчивого эха, как здесь. При измерении кипрегелем устья реки, оказавшегося шириной в 96 саженой, П.А. крикнул стоявшему на противоположном берегу казаку: «Жирков, опусти рейку!» Фраза от первого до

¹ Просьба была записана и доставлена губернатору.

² Медвежья, от эге — медведь.

последнего слога с необычайной силой и отчётливостью была повторена эхом. «Весёлые *абагы*» то и дело передразнивали нас, когда мы разговаривали или перекликались, потеряв друг друга в поисках за интересными породами. Но кроме хрусталя дымчатого цвета, несколько более крупного, чем на «Бравых горах», ничего не нашли. Наша экскурсия к устью Аима продлилась дольше, чем мы хотели. В.Е. умудрился-таки где-то вскарабкаться на верхушку скалы и, желая подать знать о месте своего нахождения, бросил в реку камень величиною в детский кулак. Камень попал в берестяную ветку и распорол её дно. Чтобы перебраться на ту сторону, необходимо было починить лодку. Пока разыскивали смолистую лиственницу, развели огонь, натопили нужной для этого смолки — прошло немало времени. Голодные, отчаянно искусанные комарами, возвратились мы к месту стоянки уже в темноте. У костра шла оживлённая стряпня: в сети поймались несколько сижков и одна утка, варившиеся теперь в котле, а старик тунгус, прозванный рабочими шаманом, заготавливал дня на два вперёд целую кучу лепёшек. С тех пор, как вышли сухари, его, как слабосильного, приспособили к этому делу. Он круто вымешивает тесто, отрывает кусок фунта в три и, насадив на рожон (*ютюгэ*), придаёт ему ладонями плоскую овальную форму. В таком виде ряд лепёшек втыкают в землю вокруг костра, поворачивая то одной, то другой стороной к огню, пока не испекутся. Это обычный способ обычного печения из муки у всех инородцев Якутской области¹. Наши рабочие предпочитают лепёшку хлебу и едят её с чаем, обмакивая куски в растопленное масло. Выспавшись за день, они долго ещё болтали после ужина, лёжа на своих подстилках из телячьих или оленьих шкур. Тимошка рассказывал о диких бородатых людях, называемых тунгусами *Бюлен*. Живут они, как звери, ходят голые, прикрываясь иногда сырой, невыделанной шкурой. Тело их, вымазанное смолой и выкатанное в песке, покрыто как бы панцирем, не проницаемым для стрел и даже пуль. Они злы и кровожадны: любимая их пища — человеческое мясо. *Бюлен* подстерегает тунгуса и убивает его метко пущенной стрелой из-за кустов. Бывали примеры, что в стаде вдруг падает сразу много оленей, и оказывалось, что каждое павшее животное было пронзено стрелой. Тимошка и другие приводят несколько случаев исчезновения без вести их соплеменников, которые, по общему убеждению, были

¹ Даже в долине Намского улуса, одной из хлебороднейших местностей области, якуты предпочитают пресные лепёшки кислому хлебу.

убиты и съедены *бюленами*. Эти дикие люди появляются только летом, а зимой куда-то исчезают. Легенда эта распространена везде по Мае и, надо полагать, обязана своим происхождением подвигам беглых каторжников во времена существования каторжного пункта в Охотске.

От Аима двинулись на шестах по мели и, обогнув обширную отмель, побрели водой к левому берегу к полого спускающейся зелёной поросшей сосной горе. Здесь рабочие указывают лесину, у которой лодка генерала Светлицкого простояла пять суток, вследствие высокой воды, уничтожавшей всякую возможность бичевника. Впереди открывается ряд отдельно возвышающихся правильной пирамидальной формы сопков, из коих ближайшая называется *Селея-хаята*¹. Обращённая к реке сторона её ещё издали привлекает к себе внимание причудливостью нагромождений. По мере приближения к скале формы их всё более вырисовываются, и перед нами, точно в панораме, проходят группы средневековых готических соборов с полуобвалившимися хитрыми узорами фресок и целым лесом стремящихся в высь стройных башен, — картина, настолько не гармонирующая с общим характером сибирского пейзажа, что кажется как бы выхваченной из Швейцарии или с берегов Рейна и водворённой здесь насильственным порядком. Отсюда мы вступаем в новое русло, пробитое рекой, начиная от скалы *Онёё* на северо-запад; старое, по которому ещё лет 10 тому назад ходили лодки, ныне высохло и завалено горами гальки. Тут мы были очевидцами уже не в первый раз случающегося на наших глазах явления. Часть подмытого правого островного берега в несколько сажень длины обрушилась вместе с растущими деревьями. Река вспенилась, зашипела и долго не могла успокоиться, посылая во все стороны высоко вздымавшиеся гневные волны. Выигрыш от сокращения пути при новом русле версты на три парализуется большими препятствиями для тяги бичевой. Течение отличается особенной стремительностью, а густая береговая заросль не пропускает людей без топора. Там, где прорубка оказывается чересчур затруднительной, люди бредут водой, шатаясь, как пьяные, и кажется — вот-вот свалятся с ног под напором бурливых заворотов. За скалой *Алдыкан*² жестокая быстрина порвала бичеву, которую мы не удвоили, понадеявшись на её крепость. Рабочие кинулись догонять уносимую быстро вниз лодку. Одни руками, другие вёслами и шестами старались посадить её

¹ Значение названия рабочим неизвестно.

² Тунгусское название.

на ближайшую мель, что после продолжительных напряжённых усилий удалось, наконец, сделать. Несколько лет тому назад то же самое, но с более печальными последствиями произошло здесь с г-ном Баллотом, неутомимым, но неудачным искателем золота в этой окраине: бичева лопнула, освободившаяся лодка понеслась вниз, зацепилась мачтой за нависшее с берега дерево и опрокинулась. Чем далее, тем всё чаще натываемся на кучи плавника. Целый лес деревьев, завязших в гальке дна, торчит из-под воды, производя впечатление разрушенной наводнением деревни. Как некоторые шивера, так и подобные места являются иногда неожиданностью для рабочих, свободно проходивших здесь прошлым летом. Также точно, — где год тому назад был чистый берег, теперь непроходимые навалы лесин, постоянно заставляющие перебираться с правой стороны на левую, с одной протоки на другую в поисках сносного бичевника. Мая изменчива, говорит лоцман: знайся с ней хоть всю свою жизнь, а не угадаешь, такой ли встретишь её и теперь, какой она проводила тебя прошлое лето. По его же словам, начиная с бывшего Березинского станка вверх, как фарватер, так и протоки нередко меняют направление. Близ устья речонки *Верхний Ньюльбюкут*¹ 12-го июля заметили на самом берегу шалаш из лиственничного корья и суетившихся около него голых людей. Завидев нас, женщина и трое ребятшек попрятались в кусты, как оказалось потом, не потому, что испугались, а затем, чтобы принарядиться. Мы пристали, как выражаются русские в Якутской области, «покапсекать»². Глава семейства, лет 40, возился за сооружением ветки: он натягивал на остов куски бересты, сшивая их волосяными нитками (из конского хвоста). Его широкая физиономия с резко выдавшимися скулами, с выступающей вперёд нижней челюстью напоминала орангутанга. На нём старая изорванная куртка из оленьей кожи, надетая на голое тело; обнажённая грудь покрыта густыми волосами. Штаны, сшитые из ровдуги, доходили лишь до колен; к ним посредством ремешков привязаны наколенники, спускавшиеся на четверть ниже икр. Женщина с более правильными на европейский вкус чертами лица одета так же: заплетённые в две тощие косички волосы прикрыты кожаным колпаком. Один из трёх ребят без всякого ущерба для приличия мог бы остаться без всякого одеяния, так как рваные

¹ Тунгусское название.

² От якутского глагола «капсиехха» — говорить, беседовать.

куртка и *селлия* (нечто вроде штанов) нисколько не удовлетворяли своему назначению. На шее у него висел металлический крестик. Меньшой ребёнок был в коротенькой, страшно грязной, не то ситцевой, не то дабовой рубашке. П.А. пожелал узнать, мальчик ли это или девочка. Казак обратился к матери по-якутски, но та не поняла его; он подошёл к ребёнку, без церемонии поднял рубашку и рапортовал: «мальчик, ваше благородие»! На крыше шалаша лежат луки и связка стрел. На земле раскиданы сумы и истрёпанные, вылинявшие олени шкуры — очевидно, подстилки для спанья. Таких жалких кочевников нам ещё не приходилось встречать. Внешний вид, их одеяние, вся обстановка больше соответствовали представлению о дикарях, чем те, если не ошибаюсь, патагонцы, которых в 81 или в 82 г. показывали в *Jardin des plantes* за железной решёткой. Это семья бродячего тунгуса Ивана Бедного (*Уйбан ыранос*). По-якутски он изъясняется плохо, а жена и дети говорят только на родном языке. Оленей у него нет, передвигается по реке на ветке. Летом питается рыбой и птицей, а зимою занимается звериным промыслом и обменивает шкурки на чай, на хлеб у нельканских купцов. Стреляет белку кремнёвой винтовкой, у которой сломавшуюся пружину он удачно заменяет лучком из упругого дерева. Недавно он нашёл в своей *кулёме*¹ уже полуизгнившего медведя. Своевременно он не мог проникнуть к месту засады, благодаря большому половодью. Кости и куски шкуры, сложенные в двух берестяных посудинах (*тордуя*, по-якутски), висят тут же на лесине около шалаша — дар тунгусскому богу охоты *Сибики*. Кажется, трудно представить себе более первобытное существование, чем образ жизни этой семьи. В.Е. сделал с неё фотографический снимок в том виде, в каком мы нашли её, причалив к берегу.

Ниже *Цыпандинского* станка² проезжаем скалу *Сергалах*, на которой люди видели железные полозья с восемью железными же копыльями. Как они туда попали, никому не известно. С давних времён лежат они там, и никто их не трогает. Отсюда и название горы, так как *Серга* по-якутски значит *сани*. Далее, там же правым берегом начинаются скалы

¹ Кулёмой (по якутскому произношению «*кулумен*») называется засада для медведя; устраивается таким образом: делается сруб, представляющий две стороны треугольника: третья его сторона остаётся открытой. На известной высоте её приспособляется тяжёлое бревно, которое легко падает, как только сдвинуть поддерживающую его подпорку. Медведь хватает приманку (куропатку или кусок мяса), привязываемую верёвочкой к подпорке, последняя выскользает из-под бревна, которое, обрушиваясь, придавливает зверя.

² Т. е. местоположения бывшего станка.

Кыллах, т. е. *Зверины*¹. На одном из выступов этих скал виднеется древний рисунок, — так называемое фигурное письмо. Рисунок, сделанный красной краской, изображает сцены охоты на разных зверей. Камень выветрился, краска потускнела, и в настоящее время ясность изображения сохранилась лишь на краю левой части рисунка. Здесь можно явно различить три человеческих фигуры, из коих одна, расположенная во второй строке, — просто черта с утолщением в верхнем конце, пересечённая большей и меньшей дугами: остальные, в третьей и четвёртой строках, похожи на букву Т с вилообразным раздвоением нижнего конца вертикальной черты; затем видны лисица, с недурно схваченным типом этого зверя, а перед ней изогнутая линия, — вероятно, натянутая тетива лука. Другие изображения настолько побледнели, что с высоты 5-6 саженей кажутся лишь едва заметными бесформенными пятнами. Наш рабочий *Багылай*, видевший рисунок на близком расстоянии при проезде генерала Светлицкого (1886 г.), когда вследствие необычайно большой воды двигались здесь при помощи багров, указывал мне медведя и оленя, за которыми гонится человек с собакой. Но я не мог распознать ничего, сколько-нибудь напоминающего эту сцену (см. рисунок I). Кыллахский рисунок имеет много сходства с известными минусинскими писаницами². Прежде всего бросается в глаза тождественность в изображении людей; звери как здесь, так и там обращены в правую сторону и нарисованы красною краской. Это обстоятельство само по себе не служит, однако, основанием заключать о принадлежности майских и енисейских писаниц одному и тому же народу. Такая элементарная форма письмен, начертанных или высеченных дикарями на скалах, встречается и в Северной и в Южной Америке, и в Австралии. Принцип их, говорит Тейлор, везде один и тот же, где бы мы их ни находили. Что касается краски, то вещество её, по всей вероятности, то же, которым исчерчены утёсы р. Оки. Химический анализ его, произведённый в 1867 г. в Иркутске А. Ломоносовым, показал, что оно состоит из окиси железа и извести. Такое вещество есть ничто иное, как красный мел, легко исчезающий от действия воды: по заключению А. Ломоносова, оно должно быть смешано с каким-нибудь жирным веществом, чтобы глубоко пропитать известковую массу и не подвергаться ни размыву, ни выветриванию.

¹ Кыл по-якутски значит зверь.

² См. Известия Сибир. Отд. И. Р. Г. О. 1872 г., т. III. №№4-5. Н.И. Попов.

Место за Кыллахскими скалами считается особенно трудным для прохода на бичеве. Здесь сходятся русла пяти протоков, которые наносят массу коряг и до сажени возвышающиеся над водой навалы гальки с совершенно ровными краями, как бы отсечёнными по направлению быстрин и неожиданных поворотов течения. Рабочие разбрелись по воде на предварительную рекогносцировку; собравшись, они долго совещались насчёт выбора направления и в конце концов решили вернуться назад с тем, чтобы попытаться обойти это место новой, несколько лет тому назад образовавшейся протокой. Но и тут, протащив лодку на руках через несколько шиверов, попали в быстрину, против которой не могли совладать: нас понесло вниз и прибило к длинной галечной насыпи. Обогнув её на двойной бичеве и шестах, выбрались, наконец, в более спокойное место, за несколько часов почти не подвинувшись вперёд от пункта нашей ночёвки. Рабочие довольны, что так скоро и легко отделились, ибо товарные лодки нередко маются здесь по целым дням.

В семи верстах вверх от *Цыпандинского* станка сделали остановку (14-го июля), чтобы посетить знаменитые пещеры *Абыгы-Джиэ*, что значит «жилище чёрта». Они находятся в горах левого берега, возвышающихся саженью на 50 над рекой. Чёртово жилище состоит из семи обширных камер, из коих три, наиболее дальние, соединены между собою длинными узкими ходами. Отец В. Мальцев, посетивший пещеры по поручению епархиального начальства, первый представил их описание, нигде, впрочем, насколько мне известно, не опубликованное. Широкое аркообразное отверстие расположено саженью в 5 от берега на 1 сажень выше уровня воды; проезжающий мимо может не заметить его, так как оно скрыто отчасти деревьями, отчасти торчащим у самого входа огромным обломком скалы. Передняя пещера представляет удлинённую, расширяющуюся вглубь и несколько спускающуюся вниз камеру саженью 8 длины. Высота её в начале от 1½ сажени достигает в конце более 4 саженью, а задняя обледенелая стена длиной саженью 6. Заиндевший потолок усеян ледяными сосульками наподобие сталактитов; дно завалено валунами, между которыми залегают затвердевший снег и тонкие, в вершок или в два, ледяные плиты, нанесённые сюда рекой. Света достаточно, но ходить приходится с большой осторожностью, шагая по скользким камням и предварительно испытывая палкой прочность льдин, предательски маскирующих глубокие трещины и ямы. Почти в конце, под правой стеной зияет провал, заполненный льдом; при вторичном нашем посещении 25-го сентября лёд растаял, образовав на

дне ямы озерко. В левом углу под нагромождением каменных глыб — узкая щель, в которую можно пролезть только на четвереньках. Это и есть коридор, ведущий к задним камерам. В день нашего осмотра щель была завалена льдинами, помешавшими нам открыть её существование. Это обстоятельство привело нас к ошибочному заключению о неверности чертежа о. Василия. В сентябре льдины оттаяли, но остановившись на этой мысли и торопясь в обратный путь, мы уже не искали здесь прохода, в уверенности, что такового не существует. Таким образом, в трёх самых отдалённых пещерах нам так и не довелось побывать. Саженях в 3-х от входа, правая стена обрывается, образуя широкий проход, направляющийся подъёмом вверх в следующую камеру овальной формы, гораздо более обширную, высотой в некоторых местах саженей до 7. Первая половина её занята целой скалой, на которую мы взбираемся по мокрой вязкой глине. Скала, надо полагать, свалилась сверху, так как рельеф её и направление её оси более или менее соответствует очертанию углубления в своде. Сноп слабого света падает с потолка, проникая в воронкообразную, выходящую наружу отдушину. Свыкнувшись несколько с полумраком, вверху, почти под самым сводом, можно различить постепенно спускающуюся вдоль правой стены галерею, вроде церковных хор. Подняться на неё никто из нас, однако, не решился: нависшие с потолка каменные глыбы, казалось, готовы ежеминутно обрушиться и вызывали жуткое чувство при мысли о подобной возможности. Пробираясь под правой стеной, наталкиваемся на глубокую яму с круто спускающимся вниз тесным коридором, выходящим в переднюю камеру почти тотчас же у её входа. На противоположной левой стороне, у подошвы скалы открывается пропасть, на дне которой можно разглядеть воду. Следуя отсюда вдоль левой стены, проходим мимо вертикальной трещины, соответствующей коридору Z на чертеже о. Василия, теперь совершенно непроходимому, благодаря завалившим его камням. В этой части пещеры уже настолько темно, что потребовалось зажечь свечи. Направляясь далее под задней стеной, встречаем щелевидное отверстие, которое отвесным спуском около сажени длины ведёт в третью камеру. Кругом густой мрак, не позволяющий при пяти свечах охватить глазом всего пространства. Спускаясь ниже по склону, составляющему продолжение скалы предыдущей пещеры, замечаем отблеск свечного пламени как бы на гладкой, полированной поверхности. Я швырнул камень: полоска отражённого света задрожала, и слы-

шался плеск воды. Освещая перед собой путь и ощупывая палкой глубину мокрой глины, подходим к озеру. Растянувшись цепью по его берегу, определяем длину его в 7-8 сажений, а ширину около 5-6 сажений. Оно занимает чуть не половину дна пещеры. Уровень его, судя по отмытым от глины камням, бывает выше настоящего четвертей на 5. Со стороны скалы оно мелко, но далее всё глубже и, вероятно, достигает наибольшей глубины на противоположном берегу, где задняя стена отвесно спускается в воду. Там, ближе к левому углу, виднеется чёрная пелена мрака. Это есть, по объяснению о. Василия, проход в четвёртую камеру, куда он мог проникнуть в декабре месяце, перейдя озеро по льду. Дно пещеры, находящееся, по его мнению, ниже уровня самой малой майской воды, всё заполнено озером. Направляясь обратно по обломкам скалы к правой стене, попадаем в коридор, который неожиданно вывел нас под хоры предыдущей пещеры. Обходя её, мы не заметили этого хода, и весьма может быть, что это не единственный, оставшийся незамеченным нами.

Мы проходили два часа, но кроме камня, глины, воды и нескольких палок, очевидно, брошенных сверху в отдушину, ничего не видали. Возможно, что под каменными грудами нашлись бы остатки каких-нибудь животных и даже человека, но раскопки отняли бы у нас немало времени, а нам необходимо было дорожить каждым днём. Образование этого лабиринта пещер, несомненно, есть результат действия вод, просачивающихся через горные породы, характер которых — известняки и гипс¹ — принадлежит к легко растворимым в воде. Расширение некоторых полостей достигло уже того предела, когда им угрожает провал. При восхождении на «Чёртовы горы» я нашёл воронкообразную дыру в 2½ сажени в диаметре, образующую отдушину 2-й камеры, а П.А. видел другую, являющуюся такой же отдушиной в одной из отдалённых камер, посещённых о. Василием. Внутренний вид *Абыгы Джиэ* производит впечатление величественной мрачности, и не удивительно, если тунгусы не решаются заходить далее передней светлой пещеры. Но после того, как мы вернулись здоровыми и невредимыми, при вторичном посе-

¹ Образцы в Якутском музее.

щении на обратном пути из наших рабочих нашлись три смельчака, отважившихся проникнуть вместе с нами в обиталище чёрта¹. (См. рисунки 2-й и 3-й)².

Пошли холодные северные ветра. Рабочим теплее идти в воде, чем по суше. Парусом мы почти не пользуемся вследствие постоянных изгибов и поворотов, какие приходится делать из-за мелей и шиверов. Известную худой славой скалу *Эриу-хаята*³ (правый берег) обошли без всяких приключений. В полую воду здесь почти непреодолимый бой. Бурилин, доверенный якутского купца Силина, вынужден был покинуть тут свою лодку до спада воды, а сам ушёл до Нелькана пешком. Г-жа Надеина провозилась с утра до поздней ночи, чтобы обойти один выступ скалы на протяжении каких-нибудь 20 саженой. Теперь, при уровне малой воды, течение значительно ослабело, так что нам при помощи паруса, не пришлось даже удваивать бичеву. Скалы состоят из известковых сланцев то горизонтального, то вертикального и вообще беспорядочного слоения; точно их встряхнуло землетрясением. Местами обнажения представляют компактную массу мелкозернистого гранита, выпятившуюся к воде и изрезанную в три-четыре яруса глубокими перехватами — следы размывающего действия береговой волны при разных уровнях воды. Отсюда на дне реки преобладает белая галька, наносимая впадающей несколько выше с правой стороны речонкой *Дихтенге*⁴. Из такой же белой, как мел, дресвы образовался целый остров с наваленными кучами обуглившегося горелого леса. Минуя правобережную скалу *Огодёх*⁵, на

¹ Из прилагаемых рисунков о. В. Мальцева и моего обращает на себя внимание значительное их сходство. Это обстоятельство, в некоторой по крайней мере степени, объясняется тем, что о. Василий был в пещерах четыре года тому назад, а, как выяснилось из наших бесед, размыв и обвалы придали с тех пор деталям несколько иной вид.

² Показания барометра 25-го сентября.

Место наблюдения	Время	Барометр	Термометр
У берега Май при входе в пещеру	2 ч. 10 м. п. п.	743,8	3°С
У озера первой камеры	2 ч. 23 м.	743,5	3,4°С
У большого озера 3-й камеры	2 ч. 40 м.	743,6	4°С
У берега Май	3 ч. 18 м. п. п.	744,2	5°С
На горах Абагы-хаята	3 ч. п. п.	740	6°С
У воронкообразного провала (отдушина 2-й камеры)	3 ч. 10 м. п. п.	741,5	6°С

³ *Эриу* по-якутски скрученный, винтообразный.

⁴ Тунгусское слово. Значения рабочие не знают.

⁵ Тунгусское слово. Значение его рабочим не известно.

противоположной стороне рабочие указывают место, где были поселены староверы¹ и в числе их нынешний первой гильдии известный якутский купец Кушнарёв. Теперь никаких следов поселения не осталось. Брошенные дома поносило водой, расчищенные места заросли ельником и тальником, а берег загромождён огромными наносами плавника из толстых тополей вершков в 12-14 в диаметре. Не любит «Старуха Мая» русских людей, говорят наши рабочие. Из прежних станичных обитателей никого не осталось, не сохранилось даже никаких признаков строений. Староверы ушли на Лену, скопческие поселения опустели, поселившийся недавно здесь Бурилин погиб, случайно выстрелив в себя из ружья, Староверка Решетникова этой весной нечаянно застрелена своей дочерью, и дом её теперь никем ни обитаем². Но если благорасположением Маи пользуются одни лишь тунгусы, то этого нельзя сказать относительно тех из них, которые посвящают себя ремеслу лямовщика. У Тимофея и старика появились на ногах гноящиеся раны, на пятках кожа разъедена; Пётр вот уже второй раз падает в обморок, другие испытывают внезапные головокружения и спешат в таких случаях погрузиться с головой в воду. Все эти болезненные явления составляют на тяге обычную вещь и вызываются, надо полагать, постоянным пребыванием нижней части туловища в воде.

С приближением к р. *Маймакану* в гальке начинают преобладать разных оттенков зелёные цвета — мрамор, порфир, яшма — породы, наносимые этим вторым по величине притоком Маи. Быстрины становятся всё более частыми и стремительными; о силе их можно судить по тому, как вода катит по дну камни в изрядный кулак величиной. Берега покрыты всё той же лиственницей, изредка по скату холмов растёт сосна. На островах преимущественно красное дерево: высокоствольная прямая талина вершков до 8 толщиной, ольха, осина, берёза, тополь, рябина, черёмуха. Некоторые из этих видов имеют немаловажное утилитарное значение для населения. Не говоря уже о берёзе, столь ценной для всевозможных в домашнем обиходе изделий, кора ольхи употребляется при дублении кож, а ягоды черёмухи занимают не последнее место в числе пищевых продуктов инородцев³.

¹ Крестьяне теперешнего с. Павловского в 20 верстах выше Якутска.

² На правом берегу в урочище Догуэр, на 13-й версте вверх от бывшего Цыпандинского станка.

³ Ягоду вместе с косточкой толкут в ступке, — получается кашицеобразная масса, из которой выделывают лепёшки, подсушивают их на солнце или у костра и едят с чаем вместо хлебных лепёшек. Из черёмухи готовят даже настоящую муку, размалывая хорошо высушенную ягоду на ручных жерновах. Такую муку можно найти в продаже в базарных лавочках г. Якутска.

У устья речонки *Хахыр* расположена усадьба переселившегося сюда из Нелькана усть-майского крестьянина Соловьёва. На правом высоком берегу — новый дом с амбаром, на левом — юрта и хотоны для скота. Хозяин уплыл в Якутск с чайными паузками. Дома одни бабы: хозяйка с дочерью и сестрой. Ещё издали в бинокль можно было видеть, как они суетятся, шмыгают на аккуратной крашеной лодке с одного берега на другой, вытаскивают из дому какие-то вещи, раздувают на дворе огромный самовар. Наше появление не было для них неожиданностью: дней десять тому назад они уже слышали от тунгусов, что едет много начальства — исправник, заседатель и доктор. И вот с тех пор бабы ежедневно наряжаются, держат наготове самовар и выглядывают, не покажется ли, наконец, лодка. Принимая нас у себя, они были крайне взволнованы, тараторили все разом, задавали тысячу вопросов, неоднократно извиняясь за «очумелость» и оправдываясь тем, что редко видят русских людей. Живут Соловьёвы в полном довольстве. Отзываются о своём месте даже с восхищением: «всего много: молока, рыбы, дичи, ягод — не знают, куда девать». Только в хлебе с весны испытывают недостаток, потому что, вследствие плохого сбора сена в прошлом году, хлеб вышел на подкармливание зимой скота. Главное занятие — доставка чаёв из Аяна в Нелькан, постройка паузков, сплав их до устья Алдана, торговля среди тунгусов и в небольших размерах хлебопашество. Под земледелие на правом берегу места очень удобные, на левом же почва каменистая с весьма слабым земляным покровом: хотя и тут на небольшом унавоженном клочке из окна можно видеть зеленеющую полосу недурной ржи. На той стороне созревает уже пшеница. Там же, на левом берегу, затопляемом только в исключительно большую воду, какая была в настоящем году, пастбища, сенокос и огороды с картошкой, свёклой, капустой, морковью, репой, огурцами, горохом. Всё растёт хорошо, а, по словам хозяйки, на Юдоме, где она выросла и где жил на станке её отец, земли ещё плодороднее: и хлеба, и овощи вырастали на славу. Сам хозяин в постоянных разъездах по чайным делам. Скот (олени, лошади, коровы), домашнее и полевое хозяйство на попечении женщин. Есть два работника-тунгуса, но и сами они работают, не покладая рук. Семья Соловьёвых — образец энергичных сибирских людей. Три года как они поселились здесь, и ежегодно на них обрушиваются несчастья, но бодрость и деятельность их от этого не ослабели. В первый год старшая (теперь замужняя) дочь пропала без вести, заблудившись в тайге. Для розыска её родители подняли на ноги всех ближайших тунгусов, платили

каждому по 1 рублю в день на своих харчах, истратились, измаялись от беспокойства, запустили работы по хозяйству. Только на 25-й день она нашлась. Страшно исхудалая, почти безумная, она вышла, сама того не сознавая, к дому убитой Решетниковой (в 50 верстах вниз по течению). Придя в себя через некоторое время, она могла рассказать впечатления своих блужданий только за первые три дня, что было потом, в её памяти ничего не осталось, и ей кажется, что её скитание в тайге длилось не дольше этих трёх дней. Удивительно, как её не загрызли медведи, которые своими частыми посещениями усадьбы Соловьёва заставили всю семью в течение лета переезжать на ночь на ту сторону реки в юрту. На второй год в отсутствии хозяина, уехавшего на паузках с чаями, пожар уничтожил только что отстроенный дом. На третий год наводнение потопило весь мелкий скот. Однако, энергия и предприимчивость Соловьёвых не всегда выгодно отражается на интересах тунгусов. По всему пути слышатся жалобы на захват ими, а также их зятем К—м, покосных мест при бывших станках. Эти места принадлежат казне, и пользование ими никем не регулируется: косит всякий, кто успеет раньше других, но К—н предъявляет на некоторые из них право исключительного пользования, ссылаясь на имеющееся будто бы у него разрешение областного начальства.

В трёх верстах выше Хахыра с левой стороны впадает *Маймакан*. Мы идём протокой, а потому не видим его устья, ширина которого, по словам лоцмана, саженой 100. Река мелководная, с постоянными мелями и шиверами и изменчивым руслом. Берега её безлюдны. Бродячие тунгусы редко посещают её; из полуоседлых жителей известен по течению этой реки только один Никита Захаров, проживающий верстах в 120 от устья¹. Пройдя с большими задержками и трудностями целый ряд шиверов и вступив затем в сдавленное высокими наносами гальки русло

¹ Член-сотрудник Сиб. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. А. Павловский, командированный на Учурскую ярмарку за сбором ясака с тунгусов в 1857 г., так описывает эту реку: «15-го числа (июня) отправились мы вниз по Маймакану в трёх берестяных ветках, привязав к бокам их небольшие брёвна для того, чтобы они не могли опрокинуться. Эта предосторожность была необходима, потому что течение Маймакана очень быстро. Огромные груды сухого леса, наваленные на низменных его берегах и по островам, и множество деревьев, вымытых с корнем и снесённых течением, свидетельствуют об опустошительных его действиях во время разливов. Местами образует он так называемые пороги, особенно на крутых поворотах, которых здесь много, потому что течение его очень извиристо. В этих местах бывает особенно быстрое течение и притом по разным направлениям, так что ветку бьёт и вертит очень сильно. Долина Маймакана очень широкая и ровная: река разливается в весеннее время почти по всей этой долине, так что ширина её доходит до 1 версты и более. На ней находится множество

саженей 50 ширины, подходим к возвышающейся на правом берегу скале *Холтанг-Тас*¹. Вершина её усеяна множеством тонких шпилей, ниже в виде пояса тянется узкая лента лиственничной поросли, и далее гора спускается в форме растопыренной оборчатой юбки. Гладкая блестящая её поверхность, выше — красного, ниже — зеленовато-серого цвета, представляет выветрившийся и измельчённый глинистый сланец, масса его несколько жирная на ощупь, свободно набирается на лопату; просеянная сквозь сито и сваренная с конопляным маслом, она даёт хорошую краску, которую скопцы употребляют в дело.

Один из рабочих, майский тунгус Андрей, сменивший несколько дней тому назад рассчитавшегося Багылая, бредя в воде, наткнулся на острую корягу и сильно поранил себе ногу. Он не может идти в лямке, его взяли в лодку и поручили стряпать лепёшки. Это парень 24 лет со скуластым лицом, с большими чёрными и вовсе не характерными для монгольского типа глазами. Пользуясь его сравнительным бездействием, я расспрашиваю его, как он живёт. Их три брата. Он старший, женат третий год. Отец после женитьбы выделил его, но он ещё не кончил постройки своего «балагана»² и живёт пока в отцовской юрте, как «дюкак»³, т. е. ведёт своё хозяйство совершенно отдельно от отца и даже

островов, землистые берега которых сильно подмыты, так что дёрн, покрывающий их, частью свешивается. Эти острова покрыты превосходным и очень густым тополёвым лесом, к которому примешиваются тальники, берёза и иногда черёмуха... Горы состоят по-прежнему из амфиболита, который ближе к устью Маймакана исчезает, вместо него является известняк серого цвета и изредка глина. Жителей по Маймакану мало. Все они тунгусы Аянского Ведомства. Несколько урас, встреченных мною на пути, не представляли ничего привлекательного. Небольшой огонь посредине этих жилищ составляет лучшее их украшение; около него грелись люди и собаки. Между здешними жителями очень много заик; почти в каждом семействе, которых посетил я при своём проезде, находилось их по несколько. Чем ближе подплываем мы к устью Маймакана, тем тише становится его течение. Причиной этого служило, кажется, сильное повышение воды в р. Мае. которая ныне весною несколько раз разливалась так, что затопляла всю свою долину и заставляла крестьян, живущих на устье Маймакана, спасаться от наводнения на крышах своих домов». (Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку. А. Павловского. Записки Сиб. Отд. Им. Р. Г. О. книжка VI, 1863 г.).

¹ *Холтанг* — голый, *тас* — камень.

² *Балаган* — т. е. юрта, позаимствован у якутов. Устройство его известно. Этот вид жилища среди майских и аянских тунгусов вытеснил, как зимнее помещение. национальную урасу, которая осталась только, как летник.

³ У якутов в одной юрте вместе с её владельцами часто помещается чужая семья, а то даже и две. У богатых такое сожителство обыкновенно соединено со служебными отношениями к хозяевам. Но у средних и у бедных ничего подобного не бывает. Живут вместе, чтобы зимой меньше дров уходило, живут потому, что чем больше скота в хотоне, тем ему теплее; наконец просто затем, чтобы быть всегда в компании, ибо якуты народ чрезвычайно общественный. В таких случаях поселившийся в чужой юрте ведёт своё хозяйство непременно отдельно, отдельно пьёт и ест и называется дюкак.

ест и пьёт чай вместе с женой отдельно от прочей семьи. За жену он заплатил калым, состоящий из 10 оленей. 2 коней и 1½ ведра водки, а жена принесла с собой в приданое 7 оленей, посуду (медный чайник, котёл, берестяные турсуки и чибишахи), одежду для себя и для него и ровдужную урасу¹. Жил с женой около года невенчанный, но часто случается, что живут и по несколько лет без венца. Родившемуся ребёнку дают своё имя, которое нередко остаётся за ним на всю жизнь, несмотря на то, что священник при крещении даёт другое. Андрей жену бьёт, «если она в чём провинится». Жена присматривает за скотом, доит коров и оленей, гоняет на пастбище, сдирает с убитого зверя и выделывает шкуру, шьёт одежду и обувь. Муж в её хозяйственную область не вмешивается. После смерти отца Андрей обязан кормить мать, сестёр и братьев, пока они малолетки. Но как выделенный при жизни отца, он уже не может участвовать в наследовании остающегося от последнего имущества. Ни он, ни отец хлеба не сеют, так как в их месте, близ бывшего *Карпильского* станка, земли худые — либо мокрые, либо слишком каменистые. Главное его занятие — звероловство, и наши рабочие утверждают, что Андрей по справедливости считается одним из лучших промышленников по Мае. Он белкует, расставляет много самострелов на зайца, лисицу, сохатого, ходит на медведя с пальмой. У него четыре охотничьих собаки, из которых каждую он ценит в доброго коня. По его словам, всякий тунгус, промысливший зверя или рыбу, считает своим долгом поделить половиной добычи с первым встречным, будь то свой брат или «омук», иноплеменник. На вопрос: в случае ссор или каких-либо споров к кому обращаются с жалобами? Андрей отвечал: если это братья, — к отцу, если родственники, — к почётному члену в их роде. Но и те и другие нередко также обращаются к священнику, потому что «агабыт»² у них «смирный» (*сымнагас*)³, справедливый, что дают, то и возьмёт, а бедных и сам ещё наделяет. В случае болезни кого-либо в семье или болезни скота зовут шамана. Всякая болезнь от злого духа (абагы), поселяющегося в человеке или скотине, а злой дух может быть изгнан только шаманом. Последний получает оленя, несколько ровдуг, обувь — всё лучшее на выбор. Тунгусы не любят, чтобы покойник лежал

¹ Сшитый из многих выделанных оленьих шкур полог, которым окутывается остов урасы, т. е. конусом оставленные жерди.

² Священник, буквально — *наш отец*.

³ «Сымнагас» — лучшая похвала, какой якут награждает русского человека.

в жильё, его тотчас же выносят вон; после похорон балаган или урасу покидают и перекочёвывают на другое место.

(19-го июля). За горой *Сели-Хаята*¹ (левый берег), покрытой редкой сосной, река разветвляется на семь протоков, по числу их и место называется по-якутски *Сиеття-ёсь*². Пошли, чуть не сплошь загромаждая оба берега, огромные наносы толстых лесин, делающие бичевник невозможным. Но глубины часто не позволяют идти в воде: лямовщикам приходится перебираться на четвереньках с лесины на лесину, рискуя ежеминутно свалиться и изранить себя о торчащие во все стороны сучья. Северная протока, по которой мы направлялись, извивается, как змея, и В.Е. едва успевает ориентироваться, нанося реку на планшетку. При соединении протоки с главным руслом образовался бурный шивер с значительным уклоном падения воды, и мы употребили немало времени и усилий, чтобы подняться по водопаду, цепляясь баграми за лесины, в то время, как другие тащили бичеву, карабкаясь по грудам плавника³. Остальную часть быстрины преодолели, навалившись на вёсла по четыре руки на каждое. 20-го июля проезжаем *Ватом*⁴, предпоследний, считая вверх, из наиболее значительных притоков Май. вливающийся в неё с Левого стороны тремя рукавами. Рабочие говорят, со слов бывавших на ней тунгусов, что это крайне беспокойная, бурная речка с частыми водоворотами, шиверами и изменчивым руслом. По ней даже на ветке далеко не везде можно проехать. Вёрст за 250 вверх от её устья проживает зимой одно только полуоседлое семейство Ивана Антонова, богатого, бывшего много лет старостой, тунгуса⁵. От Ватома мели и отмели занимают всё более обширные пространства, часто суживая фарватер до 5-6 сажений. За горой *Громкинг* (тунгус.) река делает крутой изгиб на северо-восток, растягивая полувёрстное прямое расстояние (по чертежу В.Е.) на три версты. Низкие береговые обнажения уже не представляют красивых причудливых картин, и наслоения песчаниковых и известковых пород не имеют прежней, как бы искусственной,

¹ *Сели* по-якутски костяной мозг.

² *Сиеття* — семь, *ёсь* — протока.

³ Упомянутый выше Бурилин везде поджигал этот хлам, чтобы очистить берега под бичевник. Это необходимо и ввиду того, что скопление наносных деревьев, сверх того, вызывает завороты и вообще неправильности в течении, а также служит препятствием для движения гальки, вследствие чего образуются внезапные уклоны в падении воды, мели и перекаты.

⁴ Более распространённое его название, нежели *Ватонга* географических карт. Последний из больших притоков Май — Уй, впадает вёрст на 100 выше Ватома.

⁵ летник его близ устья Ватанги.

кладки правильных плит. В обломках скал, усеивающих берег, попадаются кувшиновидные, с концентрическим слоением камни красноватого или зеленоватого цвета с бурыми прослойками¹.

Чем ближе к Нелькану, тем чаще встречаем тунгусов, занятых кошением сена по подряду для нельканских купцов. У раскинутых на берегу шалаша или урасы — лодки с сетями, а на жердях развешена юкола — главная пища этих людей. То тот, то другой из наших рабочих не упускают случая забежать в шалаш «покапсекать» и угоститься вяленой рыбой.

21-го июля перед нами открылся, наконец, вид Нелькана, этой столицы Майского края. Десятка два строений в беспорядке раскинулись на правом берегу по отлогому склону холма у устья речонки Чуи. Между ними выделяется высокий жёлтый дом с красной крышей — помещение почтовой конторы при Российско-Американской К^о и несколько пакгаузов для склада чайного груза. После 25-тидневного плавания почти по безлюдной реке вид этого невзрачного поселения производит на нас впечатление большого города. Наша команда засуетилась: казаки нарядились в праздничные блузы, наш повар, колымский якут Онисим, надел белый гуттаперчевый воротничок и новые этербесы с красными отворотами голенищ. Подняли флаг и по принятому в Сибири обычаю сделали несколько ружейных залпов. Нам отвечали с берега тем же приветствием. В числе пяти-шести человек, вышедших на берег встречать нас, местное население представлял собой казачий пятидесятник-вахтёр, остальные состояли из Осипова и скотогонов-якутов. Пристать к Нелькану дело нелёгкое: нужно преодолеть сильный шивер, который товарные лодки обыкновенно обходят, подымаясь под левым берегом саженой на 200 выше, затем пересекают реку и спускаются к местечку правым берегом.

Итак, мы заканчиваем водную часть своего путешествия. Из всего виденного и слышанного, а также заметок, занесённых в дневник на обратном пути, здесь уместно сделать общую характеристику реки и обитающего в её долине редкого населения.

Мая — самый могучий приток Алдана, как по длине (около 1200 вёрст), так и по объёму воды. Множество мелких горных речек, в пору

¹ Образцы в Якут. музее.

нашего плавания в большинстве представлявших жалкие ручейки или просто обсохшие каменистые русла, весной переполняют её своими водами, повышая её уровень до 4-5 сажений. Но репутация Май, как чрезвычайно быстрой реки, преувеличена, Измерения посредством поплавков некоторых проходимых нами быстрин, не считая, разумеется шиверов, при среднем уровне воды сравнительно с высотой весеннего половодья, упавшим сажени на 3, дали максимум скорости 9,5 вёрст в час, а в местах тихого течения — 1,9 вёрст/час. Река вскрывается в первых числах мая¹. Замерзание происходит в первой половине октября; наиболее раннее, как то случилось в настоящем (1894 г.) — 2-го октября, наиболее позднее — 26 того же месяца. Нередко после прохода первой шуги река очищается на неделю и более, но во вторую шугу окончательное замерзание наступает через 2-3 дня. Шуга двигается прежде всего с Юдомы. затем с Аима. Случается, что в нижнем течении уже сплошной лёд, тогда как вверх от Лима река ещё на много дней остаётся совершенно чистой. Алдан близ впадения Май стаёт дня на 3, на 4 позже последней. Обыкновенно проснувшаяся Мая заливают его своей водой и напором течения будит ещё спящий Алдан, разрывая его ледяное покрывало. Полное неустройство бичевника, неустройство, вследствие почти ежегодных разрушительных разливов, едва ли устранимое, превращает ремесло лямовщиков по Мае в невероятно тяжёлый, истинно скотский труд. Отвесные стены прибрежных скал, у которых можно пройти только с помощью железных багров, цепляясь за выступы и расщелины камня; подмытые низкие материковые или островные берега с повалившимися в воду деревьями, преграждающими путь бичеве, нагромождения плавника, с небольшими перерывами на целые вёрсты заваливающие берег; засорение русла завязшими в гальке dna скрытыми в воде или торчащими наружу корягами; заросли, требующие подчас нелёгкой, надолго задерживающей движение прочистки бичевника топором. При таком состоянии берегов лямовщики не менее трети всего пути вынуждены тянуть бичеву в воде, что вызывает у них головокружения, обмороки, опухоли и язвы на ногах. Но условия их труда становятся ещё более жестокими в конце августа и в сентябре, когда им приходится нести свою службу на тяге товарных лодок от устья Алдана при температуре воды этого времени. Тем не менее рабочие, в сравнении с которыми из воспетых Некрасовым волжских бурлаков можно назвать

¹ В редкие годы, как 1895, даже в конце апреля.

аристократами, с поразительным терпением делают своё дело, относясь ко всем трудностям и физическим страданиям, как к неизбежным и вполне нормальным условиям своего ремесла. Не удивительно, если гужевой способ движения по Мае обнаруживает только дурные стороны этой реки, оставляя о ней преобладающим неблагоприятное впечатление. Тунгусы называют её *уохтах эмяхсин Мая* — сердитая старуха Мая. В действительности она вовсе не так уж зла, как кажется несчастным лямовщикам, и едва ли хуже многих рек, по которым существует даже пароходное сообщение. Мы возвращались в последних числах сентября в самую малую воду, какая, по общему отзыву, бывает далеко не ежегодно. На этот раз мы, разумеется, не имели надобности держаться берегов и большей частью плыли фарватером. Наша лодка, сидящая в воде на 3 четверти и 2 вершка, была задержана на несколько часов всего двумя мелями. Одна из них могла быть обойдена при большей внимательности лоцмана; через другую саженой 5 мы перебрались, расчистив гальку лопатами и углубив таким образом русло. Нет основания предполагать, чтобы не глубоко сидящий пароход, как например, «Громовский» в 4 четверти, мог встретить более серьёзные препятствия в среднюю воду, чем наша лодка в малую. До малого уровня вода в Мае падает в конце лета¹, в начале осени она обыкновенно прибывает, достигая горизонта средней, а случается — и более высокой воды. Лейтенант Забойко в своих записках (в начале 50 годов) говорит: «сделанный по рекам *Мае, Алдану и Лене* промер показывает, что можно завести здесь пароходное сообщение при глубине судов в 3 фута»². Мы не имели времени заняться промером глубин, но приведённый отзыв не теряет своего значения и для настоящего времени, ибо нет никаких причин допускать обмеление с тех пор Маи. Девственные леса на всём пространстве её бассейна остались такими же нетронутыми, как и столетия тому назад, а широкие ложа с высоко изрытыми и подмытыми берегами хотя и высыхающих к половине лета её притоков свидетельствуют об огромной массе вливающейся в неё весной воды. Препятствия, могущие представиться для пароходного движения по Мае, заключаются в изменчивости её фарватера вследствие подвижности мелей и наносов гальки, перемещающихся с места на место. Но эти неудобства могут быть устранены: стоит лишь иметь на известных пунктах проводников из местных

¹ Большая вода начинает быстро спадать при бездождии с Петрова дня.

² Записки Гидрограф. Департ. Мор. Мин. 1846 г.

тунгусов, обыкновенно хорошо знакомых с состоянием реки во всякое данное время. На перекатах же не представляет трудности углубить дно посредством выемки мелкой, легко подвижной гальки. При всём том, если насчёт пароходства по Мае в среднюю воду возможны всё-таки некоторые сомнения, то большая вода не представляет для этого решительно никаких оснований. Время же стояния большой воды — с половины мая до двадцатых чисел июня — более чем достаточно, чтобы доставить чайный груз из Нелькана в Якутск. Наиболее сомнительными местами фарватера можно считать следующие четыре пункта:

- 1) верстах в 4-х выше ст. Кумахинской,
- 2) ниже Цыпандинского ст. на 3 версты,
- 3) ниже устья р. Ханчика на 1¼ версты и
- 4) у бывшего летнего ст. «*Семь Проток*», где река делает крутой изгиб, и русло суживается до 30-35 саженьей.

Долину Маи можно назвать пустынной, так как на протяжении не менее 600 вёрст мы встретили всего 11 пунктов оседлости, из коих только на Кумахе живут два тунгусских семейства и одинокий русский крестьянин, в остальных — по одной семье. С упразднением аянского почтового тракта и переселением станочных крестьян вся береговая полоса на пять вёрст по обе стороны реки осталась за казной, — обстоятельство, являющееся одной из немаловажных причин её пустынности. Майская долина не отличается особенными богатствами природы, но она совмещает все условия, обеспечивающие существование тунгуса: зверь, птица, рыба¹, есть и пастбища для скота, есть и годные для хлебопашества места. Всех этих даров в отдельности не Бог весть какое изобилие, зато всё это под руками. Вот почему, как мы слышали, а отчасти и сами убедились, стремящиеся уже к оседанию тунгусы тяготеют к этой реке, и мы нашли бы её более населённой, если бы не формальности, установленные для занятия казённой земли. Прочное обоснование задерживается опасением потерь, сопряжённых с возможным выдворением, а получить законное разрешение, при отсутствии почти всяких сношений даже с заседателем, а также при полной юридической беспомощности населения, фактически является делом непреодолимой трудности.

¹ Майская стерлядь считается лучшей в Якутске.

Об удобствах долины Маи для культуры хлебных растений можно говорить лишь с большими ограничениями. Преобладающий грунт омываемых Маей берегов — камень, или обнажённый, или едва прикрытый незначительным слоем почвы. Места, пригодные для расчисток под пашни, встречаются оазисами, эксплуатация коих далеко, конечно, не исчерпана наличным количеством населения. Острова и низкие береговые места с достаточным слоем растительного перегноя большей частью затопляемы водой, от которой освобождаются не ранее июня и сверх того сплошь заносятся древесным хламом. Но долина Маи во всяком случае может вместить на своём протяжении население, во много раз превышающее размеры, необходимые для поддержания правильного трактового сообщения. Почвенное и топографическое разнообразие исключает возможность обработки больших площадей, вследствие чего не существует и условий для возникновения значительных сплошных пунктов населения. Последнее по необходимости должно будет сосредоточиваться здесь мелкими посёлками, чтобы избежать неудобства чрезмерной удалённости пашен от места жилища. Надо полагать, однако, что этот край ещё надолго останется при том же разобщении с остальным миром, в каком он пребывает теперь. Здесь, поэтому, наиболее целесообразным и нормальным является тип хозяйства, рассчитанный, по возможности, на всестороннее удовлетворение потребностей производителя с его семьёй; а для такого хозяйства тунгусская семья представляется элементом более подходящим, чем русская. Производство для обмена получает у тунгуса второстепенное значение, лишь настолько, насколько он нуждается в чае, в дабе и в деньгах для уплаты казённых повинностей; для этой же цели ему нужен не хлеб, которого продать некому, а нужна пушнина, спрос на которую предъявляет к нему купец. Деятельного, с наживательской предприимчивостью русского человека натуральное земледельческое хозяйство не может удовлетворить. Русский человек, заброшенный среди полудикого инородческого населения, всегда стремится занять более благодарную, в интересах быстрой наживы, роль торговца. Это мы и видим во всех русских пунктах оседлости по Мае, в которых хлебопашеством или совсем не занимаются (как в Нелькане), или, живя главным образом мелкой торговлей и подрядами, сеют всего по несколько пудов, и то ввиду дороговизны хлеба, обусловленной ничтожным пока производством его самими тунгусами. Вот почему стремление тунгусов к оседанию по этой

реке требовало бы предпочтительного поощрения и прежде всего путём ослабления сопряжённых с этим формальностей.

Климатические условия для земледелия по Мае более благоприятны, чем в прилегающих к Якутску районах. Заморозки, губящие хлеба, а также засухи случаются здесь, как весьма редкое явление. Таких врагов земледелия, как кобылка и овражки, майские хозяева совсем не знают. Отсюда и колебания урожаев не так резки, как, например, в Намской долине¹. Там на новой чистке или на заливной пашне может родить и сам 40; но Мае нигде не приходилось слышать об урожае на таких же участках свыше сам 25. Зато средний урожай здесь стоит весьма высоко и даже на давно утилизируемых скопческих землях определяется в сам 10.

Сравнительно с якутским скотоводство развито весьма слабо, благодаря недостатку в покосах, на что по Мае жалуются повсюду. Летние кормовища недурны: хорошая трава растёт даже по полуголённому камню на самом ничтожном земляном покрове. Но луговые места, годные для сенокосения, встречаются незначительными пространствами. Расширение сенокосных угодий может быть создано искусственно посредством расчистки некоторых островов и осушения прибрежных озёр, — дело, нуждающееся не столько в поощрении, сколько в устранении необходимости всякий раз обращаться при этом к областному начальству.

Глава IV

Нелькан — Деятельность его жителей — Состояние «казённой» дороги — Маильская тундра — Путь к истокам р. Быранджы — Быранджа — Нингмагичангский перевал через Джугджурский хребет — Перевал Кынгачанг-Альдома, или «Казённый» — Дорога по Альдомской долине — Перевал через Уйский хребет — Прибытие в Аян — Характеристика Джугджура — Движение чайных обозов — Приаянские бродячие тунгусы.

Географическое положение Нелькана определяется 57° 39' с.ш. и 153° 54' в.д.². Население его состоит из шести русских семейств, прожи-

¹ По левому берегу Лены на север от Якутска.

² При определении (за точность не ручаюсь) полуденной линии в Нелькане склонение магнитной стрелки оказалось 8° 30' к западу.

вающих здесь в качестве постоянных доверенных от крупных купеческих фирм — Громова, Кушнарёва, Приамурской Компании и Силина. Вся жизнь этого местечка, все его интересы сосредоточены около чайного дела. Выгруженный в Аяне в августе и в сентябре чай в течение зимы перевозится запрягаемыми для этого тунгусами в Нелькан. Здесь он складывается в амбары и ждёт вскрытия реки. В конце зимы начинается заготовка паузков, постройка которых ещё с осени сдаётся по подряду известным тунгусам (они же обыкновенно и лоцманы). В это время в Нелькане скопляется до 200 рабочих из якутов, тунгусов и амгинских крестьян. Обычная плата за постройку паузка и сплав на нём чая до устья Алдана 700-750 руб., причём подрядчик все продукты для прокормления своих рабочих и вообще всякий нужный ему товар забирает у доверенного в счёт этой суммы по установленной цене¹. Паузок строится из елового леса (сосны нет, а лиственница, как тяжёлое дерево, не годится); он вмещает 400-420 мест чая. Сплавливают в 3-4 дня до устья Майи и далее до устья Алдана — в 4-5 дней. Доставив в Якутск чай, доверенный покупает здесь лодку, нагружает её товаром и, запрядив на Алдан обыкновенно тех же лоцмана и рабочих на тягу, возвращается в Нелькан во второй половине сентября², употребляя на этот путь от 50 дней до 2 месяцев с лишком. Лоцман получает от 45 до 65 руб., лямовщик 20-25 руб. за весь путь на хозяйских харчах. Пайков не полагаются, едят столько, сколько хотят (чай, хлеб, масло, мясо). Якут или тунгус без обильной пищи решительно не способен к сколько-нибудь напряжённой работе даже на короткое время; якутский купец хорошо это знает и просто считает нерасчётливым скудно кормить своих рабочих. Порция водки выдаётся обыкновенно через день и сверх того — в особенно трудных местах, когда рабочим приходится подолгу возиться в холодной воде. Привезённый товар расходуется в обмен на пушнину, на подряды по перевозке чаёв из Аяна и на постройку и сплав паузков следующей весной. Доставка пуда из Якутска обходится от 2 руб. до 2 руб. 50

¹ А именно: *мясо конское* 5 руб. пуд; *масло* (тымтайное, т. е. худшего качества) — 15-16 руб. пуд (в Якутске запрягается по 6-8 руб.); *мука яричная* — 3 руб. 50 коп. - 3 руб. 80 коп. пуд (у Усть-Майских скопцов покупается по 1 руб. 80 коп. - 2 руб. пуд); *чай кирпичный* — по 1 руб. кирпич (покупается в Аяне по 32-34 руб. место в 72 кирпича); *спирт* (плохой) бутылка от 2 до 3 руб. (в Якутске по 14-16 коп. градус, т. е. 70-80 коп. бутылка в 88°); *табак черкасский* от 60 коп. до 1 руб. фунт (в Якутске 25 коп. фунтами); *дабы* штука 3-го сорта 3 руб. 50 коп. - 4 руб. (в Якутске 2 руб. - 2 руб. 50 коп.); *ситец* худшего сорта по 25 коп. аршин (в Якутске 10-12 коп.).

² Причём доверенные, отправив лодки с верными людьми, сами едут нередко по сухопутью до Нелькана: на почтовых до Амгинской Слободы и верхом далее до Усть-Маи, а отсюда верхом скотогонной тропой, по которой Осипов гнал наших коней.

коп. Чтобы судить о размерах получаемых барышей, достаточно взглянуть на приведённые в сноске цены.

Всё мужское население и часть женского почти круглый год находится в разъездах то между Нельканом и Аяном, то между Якутском и Нельканом, совершая тысячевёрстное путешествие верхом на коне при отсутствии всяких дорог, а зимой на оленях в нартах через трудно проходимые перевалы Джугджура. Женская половина по энергии и предприимчивости не уступает мужчинам; г-жи Н—а и Ф—ва, доверенные крупнейших фирм Громовской и Приамурской К°, ведут самостоятельно свои дела; но, к чести их сказать, формы их наживательства отличаются большей порядочностью и мягкостью, чем приёмы их собратьев по профессии мужчин. К сожалению, крайняя узость интересов этих людей и специализация их деятельности исключительно на торговле лишает их в культурном отношении всякого положительного значения для края. Нелькан ничего не производит. Он только посредничает и барышничает. Хлеба здесь не сеют, огородных овощей также. При существовании станков на левом берегу были пашни, но теперь заросли лесом. Заниматься земледелием нет никакого расчёта, раз есть дело более лёгкое и в то же время гораздо более прибыльное. Рогатого скота во всём Нелькане 3 коровы. Вследствие недостатка сена предпочитают держать лошадей¹, которые остаются здесь на подножном корму и продолжают жиреть на траве *сибикте*² до половины ноября. Лошади идут на мясо и на перевозку вьючным способом запоздалых чаёв от тех пунктов, откуда стаявший уже снег делает дальнейшую езду на нартах невозможной.

На основании правил о продаже населению северных округов Приморской и Якутской областей предметов продовольствия, пороха и свинца, в Нелькане имеется казённый хлебный магазин, соляная стайка и пороховой погреб. Эти продукты доставляются сюда из Владивостока через Аян. Выдача местному населению ссуд из казённого магазина допускается лишь целому инородческому обществу под их круговой порукой в исправной уплате долга при первом сборе ясака. Отдельным лицам продукты отпускаются не иначе, как на наличные деньги или за белку по казённой оценке (в настоящее время 24 коп. шкурка). Мука (ржаная) продаётся 3 руб. 50 коп. за пуд, соль — 2 руб. пуд, 1 фунт пороха

¹ До 40 рабочих, у одной доверенной есть штук 50 оленей.

² Вид хвоща.

и 1 фунт свинца («пара») 1 руб. 20 коп. Муки ежегодно доставляется в склад 50 пудов. Из них 24 пуда идёт на пайковое довольствие вахтёру, для инородцев остаётся всего 26 пудов — количество, далеко не удовлетворяющее всех нуждающихся при недостатке в пище, испытываемом обыкновенно тунгусами к концу зимы. Запасный магазин истощается в это время очень скоро, и голодающий тунгус вынужден обращаться к торговцу, который, пользуясь отсутствием конкуренции казённого хлеба, подымает цену на свой. В июле 1894 г. в наличности имелось соли около 50 пудов, пороху 6 пудов и свинцу — 5 пудов; муки совсем не было, и сам вахтёр оставался без пайка пятый месяц. Хлеб вышел ещё в феврале, а новый запас может быть получен не ранее октября или ноября. Во время нашего пребывания в Нелькане была полная бесхлебица, и нам пришлось оставить местным жителям 12 пудов займы до прихода товарных лодок. Всего пороха полагается 18 пудов и свинцу 36 пудов. По заявлению вахтёра и бывшего старосты наслега этого количества оказывается недостаточно для зимнего промысла тунгусов, и это обстоятельство неблагоприятно отражается на добыче белки, а следовательно — и на ясачной платежности населения. У купца, конечно, можно достать, но только тем, которые обязуются доставлять всю добытую пушнину ему.

Хранением и отпуском продуктов заведует вахтёр, пятидесятник Якутского казачьего полка. В этом собственно и заключаются его обязанности, но за отсутствием в крае других властей¹ окружное полицейское управление поручает ему исполнение и полицейских функций. Мало того, ему приходится фигурировать и в ещё более несвойственной его званию роли. Так, он крестит младенцев в том случае, если ребёнок заболит, и родители не хотят, чтобы он умер некрещённым². Однажды вахтёр был позван для освящения брака, и он счёл возможным не отказаться от этого, потому что, как объясняет он, «случай был не вполне христианский». У тунгуса хворала жена; ему надоело ждать её смерти,

¹ Заседатель (2-го участка) живёт за 800 вёрст в Амгинской Слободе.

² Священник, почти круглый год разъезжающий по своему необъятному приходу, бывает в Нелькане к Пасхе. Совершать вовремя крещение, браки и хоронить умерших он, конечно, не имеет никакой возможности. Случается, что заболевший, не желая умирать, не исповедавшись, посылает родственника к бабушке «за поясом». Больной должен произнести покаяние в грехах, опоясавшись бабушкиным поясом и через это получает отпущение. Если над умершим хотят совершить отпевание, везут комок земли с могилы к священнику: последний совершает молитвословие, и комок возвращается обратно на могилу. Рассказанные мне случаи этого рода относятся, впрочем, ко времени предыдущего священника. Бывали ли подобные примеры в служении о. Василия Мальцева, мне, к сожалению, осведомиться у него не удалось.

да и хозяйство без хозяйки приходило в расстройство. Он высватал себе другую жену, заплатил калым и привёз её в свою урасу. Старая жена жила ещё несколько месяцев при молодой и, по словам рассказчика, относилась весьма одобрительно к поступку мужа.

Весной к Пасхе в Нелькан съезжается до 100 и более тунгусов на «ярманку», которая вместе с тем является «сугланом». т. е. собранием родичей для решения общественных вопросов и выбора должностных лиц. Тут же происходят сделки по подрядам на перевозку чаёв будущей зимой, взнос ясака и расплата с долгами пушниной, (белка, лисица, медвежья шкура, ровдуга и в небольшом количестве горностаёй) значительная часть которой пропивается и проигрывается в карты.

Для дальнейшего путешествия нам нужен был подходящий человек в качестве проводника. В Нелькане проживает 90 летний старик тунгус Данило. Он работал при проведении пути Российско-Американской К^о и известен своего рода подвигом: строитель-подрядчик вызвал охотников втащить на высокую крутую скалу (Бам-Тас) тяжеловесный крест и водрузить на её вершине. Данило взялся сделать это один и, несмотря на то, что под конец восхождения у него носом и ртом хлынула кровь, успешно выполнил задачу. Генерал Светлицкий расспрашивал его, как хорошо знающего местность, о разных путях между Нельканом и Аяном. Но теперь старик настолько одряхлел умственно и физически, что беседа с ним не дала нам никаких полезных указаний. Слепой, бездомный, прокармливающийся из милости у местных жителей, он не имеет семьи и никогда не был женат. На вопрос: почему? отвечал: «я худой человек и не в состоянии был бы прокормить жену и детей»¹. Другой рекомендованный нам тунгус Иван Антонов, нарочно вытребованный нами с Ватанги, также не мог сообщить нам ничего интересного, так как бывал только по двум давно известным перевалам. Он указал на Василия Карамзина, который, кочуя со своим оленьим стадом по Джугджуру, лучше, чем кто-либо знает места по этому хребту. В таком же смысле отзывались о нём и русские нельканские обыватели. В настоящее время Карамзин кочует по ту сторону Джугджура, но где его разыскивать, об этом можно было узнать только в Аяне, куда мы и решили отправиться, чтобы ознакомиться прежде всего с состоянием старой дороги. Местом склада нашей провизии и прочей клади мы избрали указанный нам опу-

¹ «Мин кугаган кигибин кыяан итем суга эте оиохпун огобун».

стелый балаган по р. Челасин, почти на половине пути между Нельканом и Аяном. Со стороны людей в этой пустыне не могло быть ни малейшей опасности, но мы предпочли закрытое помещение в видах большей сохранности продуктов от медведей, от которых несколько лет тому назад сильно пострадал г-н Баллот, странствовавший здесь в поисках за золотом. Он устроил склад своей провизии на помосте, укрепленном на высоких столбах. Медведи ухитрились расшатать столбы, помост обрушился и все продукты или были уничтожены, или приведены в совершенно негодное к употреблению состояние. Мука, сухари, сахар, чай, жестянки с консервами и т. д. — ничто не осталось нетронутым: всё было съедено, рассыпано, разломано и разбросано.

По дальнейшему плану экспедиции В.Е. Горинович, имея при себе казака и трёх рабочих при двух лошадях, должен был пройти старый путь полуинструментальной съёмкой (с цепью и гониометром). Осипову с одним рабочим была поручена перевозка кладки на Челасин с тем, чтобы по окончании этого дела оба они присоединились к партии В.Е. Гориновича. П.А. Сикорский и я с казаком и двумя рабочими при шести лошадях отправлялись на исследования уже известных и розыски новых перевалов. 26 Июля мы переправились на левый берег, где уже двое суток наши кони стояли привязанными на выстойке. Кроме шести наших собственных, купленных по пути до Усть-Маи¹ и пригнанных в Нелькан на 9 дней раньше нашего прибытия, мы наняли здесь 8 лошадей по 25 руб. за всё время предстоящего путешествия. Нельканские лошади, крупные и жирные, всё лето прогулявшие в тайге на подножном корму, прежде чем пойти под вьюками, должны были подвергнуться трёхдневной голодовке. Во всей Якутской области выстойка коней считается обязательной; зимой перед далёким путешествием их держат на привязи по пяти, шести дней, подбрасывая лишь на ночь по небольшому клочку сена. К выстойке в несколько часов прибегают также на ночлежной стоянке, прежде чем подпустить коня к корму. Такая система обращения с лошадьми объясняется отчасти характером якутского скотоводства. Кобылицы никогда не употребляются для езды. Они весь век свой проводят с жеребцом на свободе. В приручении вылавливаемого из табуна молодого коня к домашним работам наследственность не имеет, таким образом, почти никакого значения. Всё дело сводится к одной лишь дрессировке. Вне работы якутская лошадь поэтому чрезвычайно

¹ У якутов на станках от 35 до 45 руб.

быстро дичает. Чтобы смирить её, сделать опять возможной к езде, ничего не остаётся, как проморить её несколько дней голодом. Но этот приём получает смысл не только, как средство обуздания; он необходим и в предупреждение порчи животного: лошадь, и в особенности сытая, взятая в работу без выстойки или без надлежащей выстойки подпущенная к корму после езды, болеет, становится слабосильной, сильно потеет и быстро устаёт. Вьюки наши состояли из обычных, употребляемых в Якутской области для перевозки клади принадлежностей: деревянные узкие высокие ящики, обтянутые кожей, кожаные сумы и перемёты и большие деревянные фляги на 2½ пуда топлёного масла каждая. Сверх того, «на приклад» для уравнивания груза шли постели, палатки, инструменты. Всё это, упакованное в расчёт от 6 до 8 пудов на лошадь и увязанное ремнями, прицепляется на петлях к вьючным сёдлам, называемым по-якутски *хонхó*. Потники (*ботó*), вроде русских соломенных матиц, приготавливаются из особой, весьма крепкой, тонкой и мягкой травы *няльбяхта*¹, растущей на кочках и считающейся самым плохим кормом для скота. После многочасовой и нелёгкой возни с навьючиванием одичалых коней мы, наконец, распростились с В.Е., который уже принялся за работу, обучая своих сподручных, как тянуть цепь, втыкать шпильки, провешивать и т. д.

Мы двинулись смешанным лесом по усеянной камнями и заросшей травой тропе: я и П.А., сидя на высоких, с непривычки крайне неудобных широких якутских сёдлах, а наши спутники — по способу пешего хождения, ведя вьючных коней на поводу. У Нелькана левобережные горы уходят далеко в сторону; подъём на хребет начинается вёрст через пять и тянется изломанной линией версты четыре. Более крутой спуск по юго-восточному его склону устлан недавно отремонтированной жердевой настилкой, которая подходит к достаточно сохранившемуся мосту, проложенному через узкую болотистую долину с изливающейся по ней речонкой *Малый Доннах*². Тронувшись в 6 часов пополудни, в этот день мы сделали каких-нибудь 7-8 вёрст. Два коня никак не хотели примириться с неприятным ощущением тяжёлой ноши на спине; то и дело они принимались урусить, сбрасывали с себя вьюки, вырывались из рук рабочих и смирились только тогда, когда их стали тянуть, захватив узлом повода за верхнюю губу. Ночь (на 28 июля), проведённая на открытом

¹ *Hordeum jubatum* (?).

² Левый приток Май.

воздухе, оставила о себе недобрые воспоминания: кажется, ещё не приходилось выдерживать нападения такой массы свирепых комаров; ни тюлевая сетка, ни тщательная закупорка в одеяла не помогали. Только под утро разогнал их внезапно ударивший мороз, заставивший нас сильно продрогнуть. Вставши в 5-м часу, мы нашли воду в котле покрытой льдом в сантиметр толщиной.

Местность к востоку от реки Май представляет постепенно поднимающуюся к Джугджуру гористую поверхность, изрезанную множеством речек, бурно текущих по каменистым руслам в узких болотистых долинах. Вследствие этого дорога, или, вернее, жалкие остатки вьючного пути, проведённого в начале 50-х годов Российско-Американской Компанией, пролегает по непрерывно чередующимся спускам и подъёмам. Некоторые из них по своей крутизне крайне утомительны и нередко превращены в глубокие рытвины, тянущиеся на протяжении целых вёрст. Дорога идёт по каменистому грунту, большей частью совершенно обнажённому размывами и лишь кое-где прикрытому ничтожным пластом глинистой, изредка песчаной почвы. Мосты и жердевая настилка или разрушены водой, или сгнили. Через речки переправляются вброд, а по болотам пришедшие в невозможное состояние гати обходят стороной. Просека, более или менее уцелевшая среди крупного леса по мелкоколесью заросла настолько, что дорога сохраняется лишь в виде едва заметной тропы. Почти в каждой речной долине дело не обходится без приключений: проваливающиеся лошади местами не в силах выкарабкаться из трясины без помощи людей, которым приходится самим перетаскивать на себе вьюки. Причины такого состояния дороги заключаются в полном пренебрежении самыми элементарными требованиями дорожного искусства, а также в материале, каковым везде при её построении служило дерево, вместо повсюду имеющегося в изобилии камня. Вот почему и ремонтные работы (брошенные на 11-й версте от Нелькана¹), произведённые всего четыре года тому назад на средства якутского купечества, оказались бесполезными: два вновь построенные моста подняты водой и целиком снесены в сторону, а брёвна настилов, не очищенные от корья, уже начинают гнить и проваливаются под ногами коней. Единственным, обещающим долговечную прочность, памятником этих работ остаётся прибитая к лиственнице² доска

¹ И на 6-й от Аяна.

² У дороги, почти на середине длины накатника через долину р. Доннах.

в выжженной на ней красноречивой надписью, которую не лишнее будет здесь привести: «Прийдите странствующие и блуждающие к сей пути и найдёте себе спасение. Сия путь не мало приняла нашего человеческого труда, и печально место отягощало нас своею тяжёлой, сырой и пасмурной погодой. Не знали и не радовались к приходящим великим праздникам, только и радовал нас вечерний звонок колокола, который придавал нам радость и отдых в ночной тиши. Сей вечер дожидали с отрадой, как приходу великому празднику, 1890 года. Сентября 1 дня»¹.

Обрывки верёвок, китайские плетёные камышовые ящики, олени рога, обломки нарт — всё это свидетельствует, что мы идём по чайной дороге. Время от времени попадаются остовы урас, состоящие из конусообразно установленных жердей; около них на сучьях деревьев навешены цельные и полуизломанные нарты. Подобное место означает, что с этого пункта санный путь прекращался, чайный груз поэтому подвергался переупаковке для дальнейшего следования вьючным способом частью на оленях (по 2-2½ пуда), частью на лошадях (по 6 пудов).

В тайге господствуют хвойные виды: преимущественно лиственница, затем ель — в низких мокрых местах, сосна на вершинах холмов и изредка стелющийся кедровник² с мелкими созревающими уже шишками. Попадает также крупный, толстоствольный можжевельник³, хвою которого инородцы подмешивают для аромата к курительному табаку. Из лиственных деревьев часто встречается ольха, осина, тополь, рябина и тонкая низкорослая берёза. Благодаря каменистому грунту с глинистым или суглинистым надслоем всего в четверть и не более двух толщиной, корни обыкновенно распространяются горизонтально, охватывая своим полуобнажённым переплётom огромное пространство вокруг основания ствола. Не обладая, вследствие этого крепкой устойчивостью, дерево легко валится бурей, и мы постоянно натываемся на вырванные с корнем массивные лесины, загораживающие нам путь. Иногда господствующая над окрестностью вершина холма вся усеяна павшими деревьями, и вывороченные сажены до двух в диаметре сетки корней не оставляют никакого сомнения о причине такого опустоше-

¹ Работы производились под наблюдением мещанина г. Якутска Охлопкова два года, с мая по октябрь включительно. Первый год работало 60 человек, второй — 110. Большинство состояло из амгинских крестьян и якутов. Из 29 ссыльных 1 умер, и остальные разбежались. (Распросные сведения).

² Балбыкта по-якутски (*pinus pumila*).

³ Кытын-от по-якутски (*Juniperus communis*).

ния. Из ягодных растений, кроме всюду зеленеющей, с ещё незрелыми ягодами, обыкновенной брусники, бросается в глаза красная ягода вороньей брусники (*турах-улах-отону*¹), голубица (*сугун*) и изредка княженика (*кись-тингилеге* — что значит *соболья пятка*). Но характерным растением является мох многоволосник; он устилает на четверть и более толстым ковром не только низины, но и склоны холмов, препятствуя испарению почвенной влаги и способствуя тем образованию топей и мокрых мест. Животный мир почти не подаёт никаких признаков жизни. Пернатые удалились в чащу для вывода птенцов и линяния, четвероногие распугиваются звоном колокольцев и шаркунцов наших коней. И если случится за целый день услышать звук птицы или быстро взбегающего по лесине бурундука, мы все обращаем на это внимание, как на нечто необычное. Однако, край этот не даром сльвёт медвежьим царством; свежие следы зверя попадаются постоянно: то кал, состоящий исключительно из кедровых орехов и голубицы, то отпечатки ног, чрезвычайно похожие на человеческую ступню, то разрытая муравьиная куча.

29-го июля мы более или менее счастливо перебрались через Маильскую тундру. Говорю «счастливо» потому, что проезжавший здесь недели за две ранее нас один нельканский житель потерял на ней свою лошадь. Стараясь выкарабкаться из трясины с вьюком на спине, она сломала себе позвоночник, и теперь валяются лишь её кости, обглоданные и разбросанные медведями. Это самое «гиблое» место по своей топкости и значительному расстоянию (1 верста и 50 сажений). Обойти его негде: широкая долина, которую необходимо пересечь, представляет сплошной бадаран, поросший мелколесьем и замаскированный мхом. Некогда здесь был проложен накатник, ныне сгнивший и размётанный разливами. Мы разбрелись в разные стороны, разыскивая, каждый в отдельности, сколько-нибудь возможные проходы. Гуськом идти по бадарану хуже. Там, где передовой конь кое-как проскочит по целине, задний по тому же следу обязательно провалится. Мы с П.А. ушли вперёд, конечно, пешком, последний — ведя своего верхового коня на поводу, а я — отпустив своего на свободу. Этот конь, скоро привыкший ко мне и

¹ *Arctostaphylos alpina*, толокнянка альпийская.

следовавший за мной, как собака¹, отличался замечательной способностью выбирать удобопроходимые места по болотам, но и он то и дело тонул по брюхо в трясине, из которой выбирался лишь после отчаянных порывистых усилий. Вымокшие и выбившиеся из сил, мы дотащились до Маиля. Мелкая, немного выше колен, речка, всего саженой 5-6 ширины, шумно бурлит по валунам, устилающим её дно. Перейдя её вброд — что я сделал, держась за хвост своего коня, чтобы не быть сбитым с ног быстринной — снова попали в бадаран, по которому, после многократных провалов и прыжков с кочки на кочку, достигли, наконец, суши. Сняв перемёты и расседлав измученных коней, спешим развести костёр и обсушиться. Но отставшие рабочие что-то долго не показываются. Отправляемся узнать, что с ними; встречаем обливающегося потом, покрасневшего казака Жиркова с ящиком на спине. Оказалось, что вьючные лошади привалились так глубоко, что не в состоянии вытащить на себе вьюков; нужно было поснимать с них кладь и по частям переносить её через бадаран на руках. Три часа длилась эта история, и только под вечер мы могли приняться за пищу и успокоить таким образом, как выражаются якуты, давно *говорившее брюхо*². Починив лопнувшие подпруги и порвавшиеся поводья, рабочие легко забыли все злоключения и со смехом вспоминали за чаем критические положения, в которые каждому из них не раз довелось попадать. Этот отвратительный («кусагон») Маиль несколько севернее сливается с *Хатынах-Маилем*³ и под общим именем впадает с левой стороны в Челасин. Перевалив через их водораздел, подходим к высокой лысой горе, за которой сближаются вершины Маиля и *Игникана*. Первый пошёл на северо-восток, второй на северо-северо-запад, чтобы соединиться с Маей.

Мы проходим не более 25-27 вёрст в день. Останавливаемся на ночлег то ещё до заката солнца, то уже в темноте, смотря потому, где встретим подходящее кормовище и воду. При плохой траве отпускаемые на волю лошади уходят далеко в поисках хорошего корма, и наутро приходится терять много времени на их розыски.

30-го июля после морозной ночи мы подошли к *Аимчану*⁴ (77 вёрст), одной из наиболее значительных речек по пути, шириной саженой 25.

¹ Тем не менее он неизменно старается укусить меня, когда я стягиваю его брюхо подпругой или закладываю ногу в стремя, чтобы вскочить на седло. Эта скверная манера у якутской верховой лошади встречается очень часто.

² *Брюхо капсе* — употребляется в смысле: я голоден

³ *Хатынах* значит *берёзовый*, т. е. с берегами, поросшими березняком.

⁴ Также левый приток Челасина.

Найдя мелкое место, мы перешли её в брод по перекасту, не замочив вьюков, и вступили в аймчанскую тундру, по которой на расстоянии 250 саженей тянутся остатки разрушенного накатника. Благодаря сухому лету мы здесь не испытали никаких особенных затруднений и во всяком случае гораздо меньшие, чем по иным ничтожным речонкам, каковы, например, пять или шесть так называемых *Варнаков* между 40-й и 50-й верстой от Нелькана. Перебравшись через бадаран по толстому слою красного и жёлтого мха, а местами по густой мелкорослой заросли ёрника, поднимаемся на холм, с вершины которого из-за зелёных челасинских гор перед нами показались серые мрачные громады Джугджура. Это уже настоящие горы с общим видом, напоминающим дикие места Швейцарии. Отсюда спуск ведёт в широкую (около 2-х вёрст) долину Челасина, где на 104-й версте, не доходя версты 1½ самой реки, мы покидаем так называемую казённую дорогу, направляющуюся наперерез реки и сворачиваем вверх её течения на юг. Это путь к *Быранджийскому* перевалу, по которому уже лет 15 как совершается передвижение всех чайных грузов. Здесь более явственные следы езды, чем по совершенно заросшему казённому пути. Чтобы задняя партия не сбилась с своего направления, мы ставим на повороте крест с пояснительной запиской для В.Е., вложив её в конверт из бересты. Пройдя около одной версты вглубь тайги, мы нашли два балагана, построенные срубом; один из них с уцелевшими дверями и потолком был избран нами для склада провизии, о чём Осипов должен был узнать по надписи на свежем затёсе лесины. По барометрическим данным приблизительная абсолютная высота настоящего пункта 525 метров. Далее за этими балаганами всякие признаки дороги исчезают, так как зимой ездят по льду Челасина. По его берегам и по островам между протоками появляется высокий массивный душистый тополь, какой до сих пор по пройденным речкам не встречался. Лиственница и ель становятся заметно крупнее, но последняя часто обезображена увешивающим её сверху до низу бледно-зелёным паклевидным лишайником, от которого дерево погибает, а вместе с тем засыхает, чернея, и сам паразит. Встречавшиеся и раньше на лиственнице выпячивания ствола в форме бородавки¹ достигают здесь более аршина в диаметре. Вывороченные корни павших лесин обнаруживают грунт из довольно обточенной и, следовательно, наносной гальки, покрытой четверти на две сначала глиной, а сверху

¹ Из этих наростов вытачивают посредством изогнутого ножа чашки («кытыя» по-якутски).

растительным перегноем. По склонам холмов желтеют пятна до сих пор редко попадавшегося ягеля. Мы переходим на правый берег реки и приближаемся к новому, хорошо отстроенному, крытому тёсом русскому дому, вид которого, замелькавший из-за деревьев в этой глухой тайге, производит впечатление чего-то волшебного, вызывая в памяти обрывки каких-то слышанных в детстве сказок. Он принадлежит якуту Багаянтайского улуса *Тóкую*, простому рабочему в Аяне при Русско-Американской Компании, разбогатевшему потом на перевозке чаёв. Дом заперт, окна заколочены досками; хозяин живёт в нём только зимой, а летом кочует со своими оленями по приморским склонам Джугджура. Река бурлит здесь с шумом, далеко ещё привлекавшим наше внимание. Наполовину обсохшее русло, саженой в 50 ширины, усеяно массой огромных лесин — вещественные доказательства её разрушительной деятельности в пору разлива. От дома *Тóкуя* проторённая оленья тропа идёт вглубь тайги, поднимаясь по склону горы по мокрой, засорённой валежником почве. На ночлежном привале (31-го июля) вёрст в 7 от дома *Тóкуя*, среди небольшой лужайки, окружённой непроглядной стеной высоких тёмных елей, я взобрался на соседнюю сопку. Гора покрыта осыпью, кое-где заросшей жиденьким брусничником. По нижнему поясу склона валяются обгорелые змеевидные стволы кедровника толщиной до четверти в диаметре. Дальше к вершине начинается молодая поросль этого стланика, дающая уже вполне развившиеся шишки. Заострённая гребнем голая вершина состоит из каменных глыб почерневшего песчаника, между которыми словно нарочито вдвинута уцелевшая от пожара одинокая лиственница. Перед мною расстилалась вёрст на 25 долина Челасина. Солнце не совсем ещё скрылось за противоположным хребтом. Красивая лента долины с тёмными пятнами елей по светло-зелёному лиственничному фону, с просвечивающими порой серебристыми полосками реки, вьётся в узкой ложбине, окаймлённой высокими, на половину почти обнажёнными хребтами. Видимая для меня западная их цепь прерывается четырьмя распадками: по одному из них несколько южнее моего наблюдательного поста врывается в Челасин значительный приток его *Архай*. К северо-востоку перспективу замыкают мрачные великаны Джугджура. Нигде никаких признаков живого существа; камень, лес, да глухой рокот сердитой реки. 7 час. 51 мин., барометр показывает 680 при температуре 17°C. Последние лучи померкли; как-то быстро стало темнеть. Рабочие пугали возможностью

встречи с медведем, любителем кедровых орехов, и я поторопился спуститься вниз. Вылетающие из глубины чащи искры от нашего костра указывали мне более или менее прямое направление. Через 16 минут скорее бега, чем быстрой ходьбы, я был у подошвы. Барометр 691. Т-ра 18°C. Следовательно, относительная высота этой сопки около 137 метров.

Проведя ночь на мягком сыром мху, на который нужно было настлать толстый слой еловых веток, чтобы не промочить постелей, мы двинулись под правобережной горной цепью в расчёте попасть в распадок Быранджы. Путаясь справа налево в густой заросли, местами прочищая себе путь топором, спускаясь с обрывистого берега к реке и идя по скользкой гальке её русла, переходя с протоки на протоку часто по колени и выше в воде, мы проколесили таким образом до полудня и остановились, наконец, в недоумении: находимся ли мы уже на Бырандже или всё ещё на Челасине. Между Петром и Тимофеем возник на этот счёт спор; они решили взобраться на возвышенность, чтобы с высоты обозреть местность. Мы обратили внимание, что до сих пор зелёная галька дна реки (порфирит, мрамор) сменилась светлыми цветами с преобладанием розового: и действительно в результате рекогносцировки Пётр оказался правым: мы вышли в долину Быранджы. Оба рабочие ездили здесь только зимой с чайными обозами руслом реки, и немудрено, если летом в гущине леса, через который, как поётся в песне, «не пройти, не проглянуть», они не могли ориентироваться сразу. Продолжаем плестись черепашьям шагом то по островам между протоками, то, если растительность не давала прохода, прямо водой. Лошади с чрезвычайной осторожностью ступают по мокрым отполированным камням дна, а в заросли постоянные остановки, то для того чтобы очистить от ветвей лежащую поперёк дороги лесину, то наладить зацепившийся о дерево и съехавший на брюхо коня вьюк, то связать лопнувшую подпругу. В воде мелко, но — водовороты, быстрины и то и дело изменяющиеся уклоны русла. Такого пути мы сделали за целый день не более 10-12 вёрст. Река, разбившаяся на несколько узких протоков, течёт в тесной глубокой лощине саженой 200, много — $\frac{1}{2}$ версты шириной. Древесная и травянистая растительность приобретает более роскошный вид: ели в аршин в диаметре, тополь и того толще; ёрник настолько густ, толст и высок, что пробраться сквозь него невозможно без топора; кусты жимолости в рост человека с крупными, но горьковатыми ягодами. Изредка попада-

ющиеся лужайки поросли пышным пыреем (*ыэлонг* по-якутски), перемешанным с лиловыми цветами *курум-травы*¹, охотно поедаемой лошадьми. По склонам гор, в особенности в падах, разбросанный островками олений мох становится обычной растительностью. Чем далее, тем долина всё более суживается. С стеснивших реку голых сопок сбегает множество явных и скрытых ручьёв, заглушающих своим шумом звон колокольцев и бубенчиков.

Мы у урасы Карамзина (2-го августа), покрытой лиственничным корьём, где обыкновенно обозы, перевалив с той стороны Джугджура, останавливаются для кормёжки оленей. Она стоит на уровне вчерашней сопки, следовательно, на расстоянии 15-17 вёрст мы поднялись приблизительно всего лишь на 65 саженей. Высота пней деревьев, срубленных для свободного проезда нарт, указывает на глубину выпадающих здесь снегов, достигающую до 2-х аршин. У урасы раздавшаяся долина разветвляется на два рукава; левый, кажущийся издали узким ущельем, ведёт на северо-восток к перевалу *Крестях*; мы направляемся по юго-восточному распадку, который через 1½-2 версты суживается до 50 и до 40 саженей. Подымаемся руслом реки то по воде, то по прибрежным камням, покрытым иногда багрово-красным налётом, — вид лишайника, который легко стирается и размешанный в воде оставляет на бумаге красную краску. Через час пути от урасы (версты 3½) распадок превращается в ложбину от 15-ти до 20-ти саженей. Древесная растительность исчезает, остаётся лишь кедровый стланик, реже ёрник и ещё реже мелкий ольховник, да кое-где уродливая карликовая лиственница. Река становится ничтожным ручьём, журчащим в узком корытообразном вместилище, образуемом схождением двух параллельных горных подошв. По крутым откосам ещё уютится оазисами жалкий кедровник и белеют пятна седого мха. Местами в морщинах залегают полосы снега. Я прохожу по сползшей вниз снежной глыбе длиной в 12 саженей. Снег слёгшийся, плотный и скользкий, точно лёд. Тут же, на расстоянии какого-нибудь аршина в сторону по голому камню растут на тонких стебельках белые цветочки с красными пестиками и тычинками. Попадает миниатюрного вида обыкновенный щавель. Через 3½ часа ходьбы (14-15 вёрст) от Карамзинской урасы мы выходим из узкой ложбины на площадку саженей 50-80 ширины, устланную довольно толстым мохо-

¹ *Epilobium angustifolium*, кипрей, иван-чай.

вым ковром. Площадка замкнута гольцами и прорезана множеством переплетающихся ручейков, которые и служат истоком речки Быранджы. Влево, на северо-восток, между гольцами открывается глубокая седловина; мы направляемся к ней по тонкому, мокрому мху и, поднявшись на незначительное возвышение, останавливаемся на верхней точке перевала, приблизительная абсолютная высота которой около 956 м. Здесь в груду нарочито сложенных камней воткнут кол, увешанный приношениями путников духам в благодарность за благополучное восхождение: пучки волос конского хвоста, разноцветные тряпички, несколько медных монет и одно серебряное кольцо. Было прохладно и сыро. Вокруг нас клубились облака, застилая вид окружающего ландшафта. В нескольких саженях ниже, у подошвы седловины расстилается озеро саженей до 200 длины и от 50 до 80 ширины. Мрачно, дико и голо: нигде никакой растительности, кроме жалких кустиков кедровника, то там, то сям приютившихся по склонам скал. С обеих сторон озеро ограждено высокими крутыми гольцами (100-150 саженей высоты), под осыпью которых шумят многочисленные стекающие в него ручьи. Из противоположного конца озера вытекает речка *Нингмагичанг*, через несколько саженей спускающаяся вниз ущельем, теряясь под огромными валунами, загромаждающими его дно и образующими уступы до 2 аршин высоты. Эти-то валуны, навороченные весенним низвержением воды с высоты озера, делают летний проход здесь до крайности затруднительным. Попытка пройти по террасообразному выступу правого гольца оказалась тщетной: мы наткнулись на почти отвесный обрыв и должны были спуститься в ущелье, т. е. в русло реки саженей 3-5 ширины. Проход здесь на расстоянии около версты сопряжён с такими мучениями для лошадей, которые отобьют всякую охоту подвергать их вторично такому же испытанию. Лошадь вынуждена взбираться с глыбы на глыбу, скользит, надаёт и, наконец, останавливается и упорно не хочет двигаться дальше. Приходится пускать в ход палку, причём один тащит коня на поводу, а другой напирает на него руками сзади. Провозившись таким образом с каждой лошадью в отдельности, при первой возможности спешим выбраться из этого адского места на откос правого берега, но здесь скоро встречаем непроходимую заросль крупного кедровника; прорубить сквозь неё путь оказалось безнадежным делом, и нам ничего не остаётся, как снова вернуться в ущелье. Стараясь обходить валуны по усеянному более мелким камнем откосу левого берега, достигаем, наконец, давно манившей нас внизу зелёной площадки,

поросшей березняком и ольховником. Здесь, верстах в 2½ от озера и метров на 800 ниже его уровня мы раскинули свою палатку и провели более суток в ознакомлении с характером этого перевала и его окрестностей. Крутизна спуска с уклонами в разных местах в 30° и 35° далее от нашей стоянки становится менее чувствительной и более удобной для ходьбы. По пологим скатам замыкающих долину гор среди чащи кедровника, сменяющегося вскоре лиственничным лесом, сделана просека. Лошади ступают по плотной мелкой дресве. На 6-й весте стоит пустой балаган (сруб), известный под названием *Аркадиевой юрты*, — пункт, откуда можно считать начало подъёма на перевал. Следы, оставленные на лесинах трением полозьев нарт, указывают на глубину выпадающего здесь снега, достигающего до 2½ аршин. Чем ниже спускаемся, тем роскошнее кормовища, но ещё на 2-й версте от вершины появляется сносная травяная растительность, а на месте нашей стоянки лошади уже несколько не испытывали недостатка в траве. За юртой Аркадия долина суживается; круто спускающиеся горы ограничивают узкую береговую полосу сажень 25 с одной и до 15 с другой стороны. Но ближе к устью долина расширяется до 1 версты. К хвойным деревьям в изобилии примешивается берёза, тополь, осина; лес до непроходимости засорён ваlejником, и мы идём руслом мелководной реки, быстро несущейся по крупным зелёным и красным камням (по-видимому, порфирит). Место слияния Нингмагичанга с *Альдомой* (около 240 метров над уровнем моря) представляет обширную ровную, точно искусственно вымощенную камнем площадь, перерезанную несколькими бурлящими рукавами, на которые разбилось в эту пору устье реки; но весной и в начале лета эта площадь превращается в широкое водное пространство, а зимой здесь большие, трудно проходимые наледи.

Мы провели на Нангмагичанге ещё одни сутки (4-5-е августа), чтобы осмотреть два других перевала, пади которых выходят в его долину. Один из них направо (к югу) привлёк внимание П.А. Сикорского казавшейся издали пологостью подъёма. Но экскурсия, предпринятая им в сопровождении Тимофея, показала полную негодность этого ущелья для проезда. Оно занято речкой, падающей в одном месте совершенно вертикально с высоты 4-5 сажень. Благодаря возвышающимся с обеих сторон водопада каменным стенам, обойти его нет возможности.

Другой перевал налево, к северо-северо-востоку от Нингмагичангского, называемый «Крестях»¹ возвышается над уровнем устья реки на 755 м.² Хотя он значительно круче и выше первого саженой на 20, но имеет некоторые свои удобства: тунгусы в летних перекочёвках с оленями предпочитают этот путь, так как подъём здесь не представляет особенных неровностей, а почва везде плотная, усыпанная мелкой дресвой. Перевал этот, как уже упомянуто выше, ведёт к уресе Карамзина и сокращает расстояние отсюда до Альдомы, сравнительно с Быранджийским направлением, почти вдвое. Седловина его ограничена с обеих сторон гольцами: мы взобрались на западный из них, возвышающийся метров на 300 над уровнем перевала. Благодаря крупной острорребристой осыпи, постоянно сползавшей под ногами, предприятие оказалось чрезвычайно утомительным. Камень — гранит с примесью полевого шпата, обломки которого в кулак величиной белеют повсюду, разбросанные по щебню. Отсыпь на поверхности покрыта каким-то тёмно-серым, почти чёрным, налётом, который с трудом соскабливается даже заострённым ребром камешка³. Ближе к вершине явственно заметны убитые тропы каменного барана (чубуку, по-якутски), в чём не оставляют никакого сомнения следы помёта этого животного. С верхней точки вертикально обрывающегося к долине Нингмагичанга гольца открывается великолепный по своей мрачной дикости вид: широкий горизонт заполнен разнообразных форм сопками с конусовидными, куполообразными, пирамидальными и кратерообразными макушками. Вся эта серая, голая гористая поверхность испещрена чёрными пятнами глубоких ложбин и пропастей, желтеющими морщинами размывных водой рытвин и кое-где отливающих серебром снежными полосами. Безжизненный, угрюмый характер картины напоминает поверхность луны, какой она представляется наблюдателю в телескоп. Небо прояснилось. 12 ч. 30 м. Барометр — 648,5. Т-ра 20°C. (4 августа). Под нами расстилается лощина Нингмагичанга, сливающаяся на восток с зеленеющей долиной Альдомы. Остатки разбитой солнцем армии туч, спустившись вниз, медленно ползут, в виде клочьев тумана, путаясь и извиваясь в густой поросли кедровника. Вершины противоположных гольцов усеяны по краям зуб-

¹ на вершине его водружён крест.

² Приблизительная абсолютная высота 996 м.

³ Этот налёт встречался, впрочем, и ранее, как по некоторым горам по Мае, лишённым растительности, так и по пути от Нелькана.

цами, которые кажутся нам издали толпой тунгусиков, сбежавшихся поглядеть на невиданных ещё пришельцев. Тунгусики с изумлением и тревогой глядят на странных людей, которые карабкаются по крутизнам, осматривают в бинокль окрестности, измеряют расстояния, что-то рисуют и записывают. Но первая ласточка не делает весны, и прежде чем в этот мертвецки спящий край ворвётся чуждая им беспокойная новая жизнь, тунгусики успеют дожить свой век и под разрушительным действием ветра, мороза и воды рассыплется в мелкую осыпь.

Обратный путь, как и всегда в таких случаях, был для меня несравненно труднее восхождения. Чтобы сократить расстояние к месту нашей стоянки, мы пошли по возможности напрямик, выбрав с высоты наиболее удобопроходимое направление. Но обвалы, нагромождения камней, крутизны спусков и подъёмов оказались в действительности далеко не столь незначительными, как представлялись издали. В некоторых местах я иначе не мог спуститься, как лёжа на спине, предоставив увлекать себя сдвигавшемуся подо мной щебню. П.А., для которого, в противоположность мне, истинное мучение составляет взбираться вверх, далеко опередил меня, а Тимофея, прыгавшего как серна с камня на камень, я давно потерял из виду. Добравшись до русла какой-то речонки, то падавшей каскадами с уступа на уступ, то терявшейся под коркой затвердевшего снега, я спустился по ней к Нингмагичангу. Сопка, вершину которой я теперь с сожалением покидал позади себя — высшая точка, на которой нам довелось побывать по Джугджуру. Приблизительная высота её над уровнем моря 1283 м.

Далее от устья Нингмагичанга мы повернули на северо-запад вверх по течению Альдомы, чтобы осмотреть «казённый» перевал, но описание этого пути я начну с того пункта у р. Челасина (на 104-й версте от Нелькана), где мы свернули на Быранджу¹.

31-го июля мы перешли вброд мелководное русло и несколько проток Челасина и поднялись по сохранившемуся искусственному подъёму на правый возвышенный берег к развалившемуся срубам. Это бывший станок. Отсюда горелым лесом просека идёт слабым спуском, уклоняясь несколько от реки на юго-восток. Грунт — обнажённый камень, местами прикрытый ничтожным слоем глины. Спуск (на 111-й версте) ведёт в долину речки Кынгачанг (правый приток Челасина), шириной около 1 версты, топкую и заросшую густым мелким ёрником, место,

¹ Этим путём мы направились вторично на «казённый» перевал для нивелировочных работ.

представляющее зимой большие наледи. Долиной этой реки по уцелевшей просеке среди крупного лиственничного леса, мы незаметно подымаемся на Джугджур. Встречающиеся по мокрым местам накатники давно сгнили и поросли хвойным молодняком, талиной, жимолостью и красной смородиной. Из травянистых растений в изобилии растёт в низинах до сих пор редко попадавшийся кустистый щавель, по размерам листа не уступающий малороссийскому махорочному табаку¹, а также другое растение, русское название которого мне неизвестно, с огромным вырезным листом в 2½ четверти в ширину и в 1½ от основания до вершины. Тунгусы называют его по-якутски *абаагы-таняга*, что значит *чёртов костыль*². На 124 версте вступаем в так называемый *Бом-Тас* — теснина между двумя голыми скалами саженой 50 ширины. Мы находимся здесь на абсолютной высоте приблизительно на 785 м. Левая (северная) чрезвычайно угрюмого вида голая гора с кратерообразным углублением покрыта осыпью; на вершине её, едва заметный, возвышается знаменитый Данилов крест. Правая — значительно ниже, напротив, представляет единственный встреченный нами случай скалы из плотной каменной массы. От бывшего Челасинского станка (20 вёрст) мы поднялись всего метров на 250 м. Здесь на расстоянии 135 саженой дорога идёт частью по огромным каменным глыбам, искусственно выровненная мелким щебнем, частью по естественно гладкому плитняку. Эти глыбы твёрдого кристаллического сланца грязно-зелёного цвета с бурыми прожилками³ разбросаны по сторонам и нагромождены в таком виде, как будто бы свалилась и разбилась при своём падении верхушка южной скалы. Из-под камней в глубоком русле вырывается речонка Кынгачанг, разрушившая и разметавшая брёвна проложенного некогда через неё моста. В этом узком проходе богатая доселе растительность вдруг совершенно исчезает. Лишь несколько одиноких кустов кедровника ухитрились как-то приютиться в расщелинах валяющихся обломков скалы. Затем начинается мшистая болотистая почва с небольшими, но глубокими и прозрачными, как хрусталь, озёрками, и сразу же появляется настоящий лиственный лес, Следы размытой водой дороги остаются лишь кое-где в виде просеки. Река скрывается под камнями, изредка пробиваясь наружу журчащим ручейком. Но сухое теперь русло её вместе с протоками раздвинулось почти во всю ширину узкой долины

¹ *Аахта* по-якутски, употребляется инородцами, как приправа к *таp'у*.

² *Heracleum barbatum* (Борщевик бородатый)?

³ Образцы доставлены в якутский музей.

(от 40 до 60 саженей). Изрытые берега и раскиданные стволы деревьев — ясные знаки её разрушительной весенней работы. Сколько-нибудь заметным подъём становится близ Бом-Тас'а (122-124-я верста), затем уклон его ослабевает и делается чувствительным (0,2 метра на сажень) лишь версты за 1½ до перевала. Здесь уже крупная растительность уступает полное господство кедровнику, отчасти ёрнику. За ½ версты и эта кустарниковая поросль редееет, принимая жалкие карликовые формы. Вершина перевала (130-я верста) представляет голую, кое-где поросшую жиденьким мхом площадку. Длина её между двумя на 100 и на 120 саженей возвышающимися гольцами от 30 до 40 саженей при почти такой же ширине. Площадка обрывается крутизной с уклоном в 40°-50°. По её скату примостился сердцевидного очертания ледник в 17 саженей длины, из-под которого невидимо, под камнями, с шумом стремится вниз речка *Альдома*¹. Высота наиболее крутой части спуска 90-95² саженей при длине наклонной линии по прямому направлению в 250 саженей. Угол наклона в некоторых местах превышает 40°, так что в общем горизонтальное проложение = 185 саженей. По высоте (приблизительно 990 м.) этот перевал несколько ниже крестяхского. Зимой спуск от наносимого сверху снега становится почти отвесным, а по краю седловины наматывается на сажень и более выступающий вперёд снежный навес. В нескольких саженях от истоков реки по сторонам уже появляется растительность, превращающаяся вскоре в непроходимую заросль кедрового сланца, затем такой же гущины ёрника и ольховника. Долина вначале до 30 саженей ширины. С правой стороны, возвышаясь над её уровнем саженей 20-25, открывается обширная терраса, окаймлённая полукругом высоких гольцов, придающим ей вид огромного амфитеатра. То суживаясь, то расширяясь, лощина доходит на 3-й версте от перевала до другого, *Альдомского Бом-Тас'а*, где горы стиснули её до 6 саженей. Тут она вся занята почти обсохшим руслом реки. Отсюда уже начинается лес: хвоя, берёза, ольха, а ещё ниже тополь, но недурная трава начинает расти не далее версты от перевала. Горы саженей в 200 и более высоты, прерываясь распадками, по которым вливаются в Альдому обыкновенно скрытые под осыпью ручьи, продолжают оставаться обнажёнными, что придаёт ландшафту обычный по Джугджуру суро-

¹ Собственно один из её истоков.

² По моим вычислениям на основании барометрических показаний.

вый, безотрадный вид. Начиная с вершины, дорога извивается зигзагами узкой тропой по крутому скату левого (северного) гольца. Далее, спустившись в долину, она то сохраняет следы своего существования в густой заросли кустарника, то исчезает без всяких следов, смытая разливами реки.

Этот перевал, получивший название *Казённого* или *Альдома-Дабан*¹, давно заброшен. Здесь проезжают летом только нельканские торговцы и подрядчики, отправляясь в Аян к приходу пароходов для приёмки чаёв. Зимой же по своей крутизне и при постоянных, свирепствующих вообще по этому хребту, жестоких ветрах, он представляет для чайных обозов величайшие трудности и задержки. Когда П.А. при осмотре его выразился, что «он не так страшен, как его малюют», Тимофей заметил: «послушал бы я, чтобы ты сказал, если бы увидел его в пургу».

Дорога, продолжая идти долиной Альдомы, или, как её называют в этой части течения, *Таалы*, более чем где-либо заросла кустарником, размыта водой и загромождена целыми баррикадами наносных и повалившихся деревьев. Наиболее уцелевшей она остаётся по так называемым *кычам*², т. е. по террасам, не хитро, но всё же с некоторым искусством, сооружённым по откосам девяти скал, тянувшихся по левому берегу бурной и стремительной здесь Альдомы. Следы её буйного весеннего помешательства видны повсюду. С остервенением кидается она то к той, то к другой скале, отрывая куски их каменистого мяса. То выворотит с корнем целую группу аршинных тополей и швырнёт их поперёк русла, то наворотит кучу гальки и скачет через эту преграду, вздымаясь белой пеной. Ширина Альдомы вниз от впадения в неё Нингмагичанга от 25 до 60 саженьей. Длина всего её течения до 100 вёрст. Пройдя, или точнее было бы сказать — промчавшись, вёрст 36 в юго-восточном направлении и встретив на своём пути преграду в отрогах Уйского хребта, она сворачивает на северо-северо-восток и изливается в Охотское море в бухту, названную её именем. Побережные её горы с отвесными боковыми обнажениями покрыты лесом. Зелёная долина, от устья Нингмагичанга шириной от 250 саженьей до одной версты, с высоты кычам выглядит весёлой и радостной.

¹ *Дабан* по-якутски значит крутой подъем.

² *Кычамы* — террасообразный выступ по откосу горы.

Альдома — самая широкая и наименее удобопроходимая речка на всём пути. Её приходится пересекать два раза, и благодаря незначительной ширине её долины и многочисленности изливающихся в неё горных потоков и речонок, достаточно двух-трёх дождливых дней, чтобы уровень воды в ней поднялся до полной невозможности перейти её вброд. В таких случаях путникам ничего не остаётся, как расположиться на берегу и выждать спада воды. Зимой она покрывается огромными наледями саженой до 2-3-х глубины, которые образуются вследствие незамерзания быстротечных горных потоков, покрывающих водой реку поверх её ледяного покрова. Между урочищем *Едреево* (в 4-х верстах ниже устья Нингмагичанга) и устьем Одору, где долина сжимается высокими крутыми горами до 200 саженой ширины, наледи затопляют всё русло от одного берега до другого. Древесная растительность та же, что и по ту сторону перевала, но чаще попадаются более крупные экземпляры ели, тополя, лиственницы. Обращает на себя внимание разнообразность последней не более 6 вершков в диаметре, чрезвычайно стройная и высокая, с гладким голым стволом, увенчанная шапкой зелени, почти-что у самой вершины. Лес из этой хвойной пальмы получает своеобразный, не свойственный сибирской тайге, характер. В нём чувствуешь себя точно среди колоннад готического собора: полумрак, тишина, отсутствие всяких звуков живого существа, и слышно лишь шипенье сердитой Альдомы, напоминающее гуденье разбитого органа.

У бывшего Альдомского станка (39-я верста от Аяна) дорога пересекает реку и идёт вверх по речке *Малый Кений*, постепенно поднимаясь по её долине на *Уйский хребет* — отрог Джугджура, направляющийся с юго-запада на северо-северо-восток. Чем ближе к вершине перевала, тем почва становится более болотистой и топкой, растительность мельчает и редееет, постепенно, как и на Джугджуре, вытесняясь кедровником и мелким ёрником. Река превращается в сеть ручейков, изрезающих в разных направлениях прикрытую толстым слоем мха каменистую почву. Склон Уйского хребта в сторону моря довольно крутой, в миниатюре напоминающий своим характером «Казённый» перевал. Спуск представляет ложбину саженой 35 ширины, ограниченную по бокам невысокими возвышенностями (обломки серого гранита). Высота самой крутой части спуска около 48 саженой, длина его с изгибами около версты; приблизительное положение верхней точки над уровнем моря 413 м. Широкая, достаточно удобная тропа извилистой линией тянется по скату левой горы искусственными «кычамами», уцелевшими

от обвалов, благодаря окаймляющей их густой крупной поросли ольховника и кедрового сланца. Уйский перевал¹ ниже «казённого» через Джугджур более чем на ½ версты.

Спустившись вниз, дорога идёт по весьма топкому бадарану (саженной 100) с многочисленными мелкими водоёмами, которые дают начало речке *Уй* или одному из её истоков. Как сама долина, так и склоны примыкающих к ней холмов ещё версты на 2-3 продолжают носить болотистый характер, благодаря преобладанию мохового покрова почвы, свойственный вообще всему Уйскому перевалу. Повсюду в изобилии растёт не попадавшаяся по ту сторону *морощка* со сладкой, необычно крупной ягодой. Дорога покидает долину *Уя* и через незначительный водораздел направляется севернее по речке *Нячанг*, тихой, местами даже подёрнутой плесенью и протекающей среди ядрёного леса высоких лиственниц и елей. Пышная заросль пырея по толщине стебля и ширине листа походит скорее на просо, чем на простую траву. Мы переходим ещё несколько незначительных речонков или просто ручьёв с разрушенными мостами, со сгнившей жердёвой настилкой в низких местах; но большей частью просека проложена по холмам, и кони легко и уверенно ступают по плотной глинистой, перемешанной с древесной, почве. Спустившись с холма, выходим из лесной чащи в широкое — около версты — открытое пространство, усеянное голым камнем, и видим, наконец, море. Мы снова, таким образом, в долине *Уя* недалеко от его устья. *Аян* расположен севернее вёрст на 6, за прибрежными горами, у подножья которых течёт речонка *Сивокчан*. За две недели своих странствований мы впервые встретили здесь людей. В нескольких разбросанных урасах из лиственничного корья и ровдуг живут тунгусы, занимающиеся промыслом рыбы (кета, горбуша, кунджа). По *Сивокчану*, разлившемуся близ своего впадения в устье *Уя* в целое озеро, пасётся пригнанный из Якутска рогатый скот. Повернув влево (на север), дорога пересекает эту речку и переваливает далее через две горы, поросшие хотя всё ещё крупной, но часто кривоствольной, корявой лиственницей и мелким березняком. Два моста, отстроенные в 90 году, стоят невредимо на месте. Со второй горы спуск ведёт к самому морю в узкую береговую полосу бухты: к северо-северо-востоку перед нами рукой подать

¹ Зимой через этот перевал не ездят, предпочитая несколько более северный по р. Ипсы, сливающейся с Малым Кением.

Аян, но подойти к нему берегом невозможно: путь заграждён небольшою вдающейся в море, отвесной скалой, под которой проходят только в малую воду и то в отлив. Чтобы обойти эту скалу, мы пошли обычной дорогой, через устье речки *Аянки* и, перевалив третью высокую гору, восточным склоном её спустились в падь, в которой расположен Аян. (10 августа).

Итак, мы побывали на трёх известных перевалах; здесь я нахожу своевременным сделать общую характеристику Джугджура и способа передвижения через этот хребет чайных обозов. Джугджуром называется та часть главной оси Станового хребта, где он наиболее приближается к восточной окраине Азиатского материка, т. е. у Охотского моря. Близко подступая к морскому берегу, Джугджур спускается к востоку обрывисто; этот скат его слишком короток, благодаря чему и берущие отсюда начало реки незначительны по длине, но отличаются бурным и стремительным течением. Далеко растянувшийся западный склон, напротив, полог, уступая уклоном спуска некоторым из своих предгорных кряжей между Челасином и Маей. Он не представляет ни особенной высоты — в общем едва ли более полутора вёрст над уровнем моря¹ — ни каких либо чрезвычайных трудностей для проложения через него пути. Это не Кавказский хребет и не Швейцарские Альпы. И тем не менее слава о трудной проходимости Джугджура далеко не пустая молва. Но она основана не столько на неудобствах его рельефа, сколько на метеорологических свойствах прибрежной полосы азиатского материка. Характеристика его с этой стороны, данная Миддендорфом, вполне подтверждается как расспросами местных жителей, так и нашими, правда, кратковременными наблюдениями. «Летние муссоны, дующие с моря, чрезвычайно насыщены водяными парами; все предметы покрываются плесенью под влиянием постоянных туманов. В период господства этих ветров берега Охотского моря всегда окутаны облаками, которые беспрестанно разряжаются дождём и снова собираются массаами». Зимнее же движение воздушных токов совершается здесь с сентября по апрель с северо-запада, т. е. от Ледовитого океана к Тихому. Направляясь от пояса высокого барометрического давления к поясу низкого, эти токи принимают характер яростных ветров, несущихся с вершин хребта в расстилающуюся внизу долину. В снежную бурю или пургу «люди и

¹ Не принимая во внимание некоторых отдельных его вершин, как, например, Мохоту-Хаята, подымающуюся, вероятно, более чем на 2 версты.

вьючные животные тщетно пытаются по целым дням взобраться по скату гор против свирепого ветра: путники и лошади опрокидываются, вьюки срываются и скатываются в пропасть». Характерным свойством здешнего ветра является его порывистость. То он стихнет на некоторое время, порождая уверенность в наступлении благоприятной погоды, то вдруг неожиданно налетит шквалом, от которого нельзя устоять на ногах, как это мы испытали на себе. В течение двух недель наших нивелировочных работ на хребте (с 31 авг. по 15 сент.) ветер бушевал, не прекращаясь. Он валил нас на землю, рвал нашу палатку, а при астролябии нужно было держать специально одного человека, а иногда и двух, чтобы удерживать инструмент от падения. Но, по утверждению тунгусов и местных русских людей, этот ветер — пустяки в сравнении с зимними пургами. Обозы из ста и более нарт обыкновенно начинают отправляться из Аяна в конце октября или в начале ноября, смотря по снегу, и в лучшем случае достигают Нелькана в 20 дней. Но сплошь и рядом этот путь в 200 вёрст совершается в месяц, а бывали примеры — и в полтора. Добравшись с большими проволочками и затруднениями, вследствие широких и глубоких наледей по Альдоме, до юрты Аркадия, возчики располагаются выжидать, пока Джугджур не соблаговолит пропустить их на ту сторону. Они сидят здесь нередко по целым неделям, а известен случай выжидания в течение целого месяца. Проскочив перевал, что не всегда удаётся всем нартам сразу, и достигнув устья ложбины перевала Крестях, где стоит зимняя ураса Карамзина, обоз уже находится вне господства свирепых ветров. Отсюда 105 вёрст до Нелькана проходят в 4 или 5 дней. Надо, впрочем, сказать, что некоторая доля этой невероятной медлительности движения должна быть отнесена на счёт неторопливости самих возчиков, а также на счёт свойств перевозочного животного, т. е. оленей. На каждой стоянке олени, отпускаемые на свободу, в поисках корма разбредаются во все стороны; сгонять их в одну кучу, вылавливать каждого арканом и искать всякий раз потерявшихся — это возня, отнимающая немало времени. Подрядчик Василий Карамзин, сам сопровождающий свои обозы, меняя по пути усталых оленей на свежих, успеваает сделать в течение зимы три оборота, тогда как другие, менее расторопные или предоставляющие обозы на попечение бедняков-возчиков, — не более двух. Пара оленей везёт три места, т. е. около 15 пудов. На каждые четыре или пять нарт полагается один ямщик, получающий в проезд туда и обратно на хозяйских харчах 20 руб. Семейные отправляются в путь со всей семьёй; дети

сидят на нартах, жёны бóльшую часть дороги идут пешком. Доставив кладь в Нелькан и прожив здесь от 3 до 5 дней, ямщики отводят оленей на устье Быранджы, где крайне исхудалые животные остаются на кормовищах дней 10, а люди в это время занимаются починкой изломавшихся нарт и заготовлением новых, так как около Аяна годной для этого берёзы нет. Таким образом, при благоприятных условиях обоз достигает Нелькана и возвращается в Аян в 40-45 дней. В последний оборот (в марте или апреле) обоз, успевший перевалить через Джугджур, далее часто уже застигается распутицей. В таких случаях кладь подвергается соответствующей переупаковке для дальнейшего следования вьючным способом на лошадях, которых пригоняют из Нелькана.

Ни оседлого, ни кочевого населения в районе между Нельканом и Аяном нет. Малочисленные бродячие тунгусы этого края, составляют три наслега: *Мяхагырский, 1-й и 2-й Эжанские*, избирающие одного общего старосту. В первом из них официально считается 182 мужского (женского неизвестно), во втором — 243 обоёго пола и в третьем — 409 обоёго пола. В действительности же эти числа должны быть сильно поубавлены. По словам старосты, вместе с которым мы долго странствовали и на правдивость показания которого можно положиться, в наслеге *Мяхагы* 53 платёжных души, во 2-м Эжанском 17 душ, а в 1-м — он сам не знает. Ему известно только, что за последние годы до 30 человек перешло в пределы Амурской области, и всего в его наслегах в настоящее время едва ли наберётся до 100 ясачных душ. Места не изобилуют оленьими кормовищами, вследствие чего и оленеводство, по сравнению с Охотским¹ округом, развито слабо. В названных трёх наслегах у старика Карамзина вместе с его вдóвой сестрой Парасковией насчитывают до 3000 голов, у Марка Дьячковского до 1000, у остальных двух «богачей» от 300 до 500. В роде *Мяхагы* 16 семей совсем не имеют скота и прокармливаются у богатых родовичей, состоя при них в качестве челяди. Падежи этих домашних животных бывают главным образом от *джака*, осо-

¹ Там есть владельцы, насчитывающие у себя до 10.000 голов. Но эти богачи не берутся на перевозку чаёв, во первых, за неимением езжалых оленей, а во вторых, по предрассудку, в силу которого употребление оленей на это дело влечёт за собой кару духов в виде падежа стад.

бой болезни копыт: в месте раздвоения копыта появляется ранка, которая начинает всё больше и больше гноиться¹. Ноги около копыта распухают, животное не может ходить и. проболев дней 20, издыхает. Но, зная неизлечимость этой болезни, или, вернее сказать, не зная от неё никаких средств, тунгусы часто убивают заболевшего ею оленя. Замечено, что там, где олени дошли от *джака*, прибывшее даже через год новое стадо подвергается тем же заболеваниям. Быть может, это объясняется сохраняющейся в почве истекающей из ран заразной жидкостью. Другая опустошающая оленьи стада болезнь — *татар* состоит в том, что тело оленя начинает сильно зудить: олень вечно чешется о деревья, от чего шерсть слезит, и оголённые места покрываются струпьями; но животное умирает медленно, продолжая болеть года два-три². Олени в приаянском крае преимущественно езжалые и, ввиду большого спроса на перевозочные средства, ценятся очень дорого. Средняя цена оленя по охотскому тракту 15 руб., здесь же 30-45 руб., а есть олени, отличающиеся крепостью, выносливостью и быстротой бега, которых и за 100 р. не продадут. По этой же причине тунгус убьёт оленя разве только в крайнем случае. Летом он питается главным образом рыбой и птицей, а зимой потребность в мясной пище удовлетворяет промыслом на зверя, которым богат этот край (сохатый, дикий олень, медведь, каменный баран, кабарга); из морских животных — виды тюленя нерпа и ларга. Незаменимым помощником при этом служит для него собака, небольшого роста, с лисьей мордой, обыкновенно чёрного цвета, с заострёнными, стоячими ушами. Хорошую собаку тунгус и за лучшего оленя не променяет. Для рыбного промысла население откочёвывает к устьям мелких речек, впадающих в Охотское море. Ловятся лососёвые виды: *кунджа*, *горбуша* и главным образом *кета*, которую заготавливают впрок в виде юколы, т. е. очищают от костей и внутренностей, вялят на солнце и подкапчивают у костра. Солёной рыбы не любят; соль из нельканской и аянской стаяк покупают не столько для собственного потребления, сколько для кормёжки оленей. По обилию улова особенно славится устье *Лантара*. Но в последние годы размножившиеся волки, опустошающие оленьи стада, заставили тунгусов покинуть эту реку, и теперь

¹ Возможно, имелся в виду *некробактериоз*, или *копытка* — инфекционное заболевание северных оленей, при котором поражаются нижние части конечностей. — прим. OCR.

² Г-н Михалевич, перевозчик чаёв Амурской К°. по охотскому тракту, с успехом излечивает *татара*, счищая струпья ножом и натирая больные места нефтью. Мало-помалу оголённые места снова зарастают шерстью, и животное выздоравливает.

наиболее многолюдный осенний промысел сосредоточивается у устья Альдомы.

Аянские тунгусы, будучи обитателями Приморской области, состоят в ведении якутской администрации и, в частности, числятся за Майским Ведомством. Но за отдалённостью расстояния в выборе головы они участия не принимают и сношений с ним почти никаких не имеют. До 1890 г. с них ясака давно никто не требовал, так что они успели уже забыть об обязанности ежегодного его взноса. В означенном году заседатель А—в. проезжая в Аян, не только напомнил об этом старосте, но и взыскал с него¹, как с представителя самого многочисленного рода Карамзиных, в погашение недоимки 2600 р., предоставив ему самому уже рассчитываться с родовичами. Но, по наивному убеждению тунгусов, платить им не за что: «Люди мы бедные, — говорят они — от казны ничем не пользуемся, земли не роём и судить нас никто не судит». Староста, хотя и не прочь возместить уплаченную им сумму, считает, однако, этот довод достаточно основательным, чтобы не прижимать родовичей, и не предъявляет на них никаких претензий. Он просит только, чтобы порох из аянского погреба выдавался тунгусам в долг: наличные деньги водятся лишь у немногих состоятельных, отчего выходит так: у кого денег нет, тому ни есть, ни платить нечего, потому что нечем стрелять, а нельканский купец даёт порох не иначе, как с условием сбывать всю добычу ему, что промышленнику не выгодно.

Глава V

Аян — Его местоположение, климат, жители — Портовая деятельность Ляна — Тунгусский тойон Василий Карамзин — Пляска тунгусов у устья Уя — Путь к устью р. Одору — Стойбище Карамзина и его оленьё стадо — Перевал через Джугджур по Одору — Келлах — Перевал Одору — Алланджя — Путь к истокам р. Челасина и далее к месту нашего склада — Ход работ В.Е. Гориновича — Направление тележной дороги, предлагаемое Карамзиным.

¹ и с его отца, по 1300 руб. с каждого.

Географическое положение Аяна определяется, как $56^{\circ} 28'$ широты и $128^{\circ} 17'$ долготы. Он расположен на высоте 20 м.¹ в пади перешейка, соединяющего вдающийся версты на 3 в море узкий полуостров с материком. Юго-западный берег полуострова почти на половине своего протяжения образует выступ, называемый *Входным мысом*, и заканчивается утёсом, который носит название мыс *Поворотный*. Между этими двумя точками, несколько ближе к последней, из недр моря выдвигается *Чаячий камень* — скала в форме пирамиды, вертикально отсечённой в сторону моря. При входе в бухту есть риф — *Ларга-Ангра́*, что значит лежбище тюленей; местоположение его резко обозначается вздымающейся и пенящейся полосой. Суда, направляющиеся с юга, минуют риф и входят в бухту под Поворотным мысом, затем заворачивают к противоположному её берегу, где бросают якорь близ пакгауза купца Силина. Небольшая бухта Аяна — около $1\frac{1}{2}$ -2 версты длины и от $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ ширины, хорошо защищена от северо-восточных ветров высокими горами полуострова, из коих господствующая вершина *Ландор-Неготни* подымается над уровнем моря, по определению П.А. Сикорского, на 225 сажени². Глубина бухты, по словам местных жителей, при обыкновенной воде 4-4 $\frac{1}{2}$ сажени, при большой — 6 сажени³. Пароходы свободно подходят к берегу на 200 и на 150 сажени, тогда как в Охотске они останавливаются не ближе 4-5 миль, в Гижигинске и Удском на 14 миль от берега в открытом рейде, доступном всем ветрам. Бухта начинает покрываться льдом во второй половине ноября, но окончательное замерзание происходит не ранее первых чисел декабря. Вот данные на этот счёт за три последние года:

	Вскрытие	Замерзание
1891 г.	5 июня	5 декабря
1892 г.	21 мая	4 декабря
1893 г.	26 мая	3 декабря ⁴

Зимы в Аяне сравнительно не холодные: средняя температура самого холодного месяца $-20^{\circ},9\text{C}$, зато средняя самого тёплого всего

¹ По Реклю, вероятно, у церкви. Ближе к морю у дома и. д. полицмейстера по моим измерениям высота 10,3 м. при малой воде.

² П.А. Сикорский взбирался на неё с anerоидом Гольдшмидта.

³ По запискам капитан-лейтенанта Завойко при входе — глубина 7 сажени, а в самой бухте 2 $\frac{1}{2}$ сажени.

⁴ По записям и. д. аянского полицмейстера г. Попова.

+13°,4С.¹. Зимние месяцы, по заявлению обывателей — лучшее время в Аяне. Лето слишком сырое, дождливое и туманное², так что попытки разведения огородов в открытом грунте оканчивались неудачей. За отсутствием достаточного тепла и вследствие избытка влажности, при постоянно облачном небе, овощи не вызревали. Глубокие снега, выпадающие главным образом в марте, апреле и даже в мае, достигают более 2 аршин. Нередко снега сразу выпадает такая масса, что сообщение между домами прекращается на несколько дней, пока рыхлый, проваливающийся покров не уляжется и не уплотнится настолько, чтобы можно было ходить по нему на лыжах. Три или четыре года тому назад 21 мая замёрзло трое рабочих. Они ушли в летней одежке на охоту за ушканими и были застигнуты повалившимися вдруг необычайной густоты крупными снежными хлопьями; их нашли мёртвыми в какой-нибудь четверти версты от Аяна под слоем снега в 94 сантиметра³. Земля освобождается от своего зимнего одеяния лишь в половине и даже в конце июня, как то было, например, в настоящем (1894) году.

Древесная растительность в окрестностях Аяна утрачивает свою массивность: жидкие ели, увешанные истощающим дерево паразитом — паклеобразным лишайником; искривлённые стволы сучковатой лиственницы; мелкая корявая берёза с грязно-серого цвета корой; только южный склон полуострова окаймлён снизу густой бахромой крупного стелющегося кедровника. Кормовые травы, далеко уступающие пышностью кормовищам альдомской и нячангской долин, отличаются зато особенной питательностью. Исхудалый за дорогу пригоняемый из Якутска на убой скот пожирает их с жадностью и хорошо откармливается в две-три недели. В самой пади был некогда искусственно разведён, в настоящее время жалкий, пришедший в запустение, сквер; но между кустами ольховника и можжевельника растёт довольно разнообразных видов травянистая растительность, из коих некоторые не попадались нам по пути: крапива, ромашка и другие, а ближе к берегу по гальке стелются неизвестные мне ползучие стебли с толстыми, мясистыми листьями, которые могли бы служить красивым комнатным

¹ С октября 1890 г. в Аяне существует метеорологическая станция под наблюдением А.Ф. Попова. В Якутске (под 62° 02' широты и 85 м. высоты) приведённым цифрам соответствуют 40°,8С и +17°,1С. (по Реклю), а в Иркутске — 20,8°С. и 18,4°С.

² Количество выпадающих дождей за три летних месяца около 1 метра, а в Якутске — 25 сантиметров (по Реклю).

³ А.Ф. Попов.

растением. На фоне этого зелёного ковра вырисовывается оригинальный, не напоминающий ничего русского, маленький городок.

Внешний вид Аяна свидетельствует о его сравнительно ещё недавнем благоустройстве. Разбросанные в беспорядке аккуратные домики с высокими красными крышами из деревянной американской черепицы; стройная кокетливая церковка; на берегу прочно сложенные красивые и вместительные пакгаузы; тут же паровой катер под навесом, поставленный как памятник купца Филиппеуса, спасшегося на нём после крушения какого-то судна, а рядом на подмостках, в полнейший диссонанс с общей картиной, две допотопных российских пушки, извлечённые из земли, куда их заботливо зарыли в 1856 году в ожидании неприятельского нападения. При Российской-Американской Компании в Аяне насчитывалось свыше 200 душ постоянного населения. В настоящее время здесь живёт: одинокий старичок священник, и. д. полицмейстера, доверенный торговой фирмы Вальш, казак и 10 человек рабочих. Всего с семьями до 40 человек. Всё это население, не исключая священника и полицмейстера, находится на иждивении американцев братьев Вальш, к которым, по прекращении деятельности Российской-Американской Компании перешли её обязательства по содержанию айнского порта. Для обеспечения себя в этом безлюдном крае постоянным контингентом рабочих, компания старалась прикрепить их к Аяну выгодными условиями существования. В этих видах семейным оказывалось предпочтение. Женатый рабочий пользовался отдельным помещением в обширных, удобно устроенных казармах. Сверх жалованья, он получал полуторное, или, смотря по размерам семьи, двойное пайковое содержание натурой, тогда как холостому полагался один паёк. Те же условия в общем сохраняются и поныне: рабочие получают от 10 до 20 руб. в месяц на готовом довольствии при вполне достаточном пайке в 11 руб. стоимостью (мясо, рис, мука, чай, соль). Помещаются они в значительно уже обветшалых казармах, но всё ещё, можно сказать, с комфортом, которому позавидовало бы многое множество наших фабричных и заводских рабочих. В комнатах, расположенных по обе стороны коридора, обстановка сразу кидается в глаза былой уютностью и довольством: мебель заграничного изделия, теперь уже полуизломанная, обои, теперь уже полинявшие и обтрепавшиеся, японские часы, посуда, картины... Общая хлебопекарня, прачечная, баня, когда-то содержимые в порядке и чистоте. Большое здание больницы, при которой состояли врач и фельдшер, теперь стоит пустым. Помещение мастерских, прекрасный

колодец... Всё это вызванное к жизни, созданное и устроенное под влиянием иностранцев, — покинутое и опустелое под влиянием нашим, вызывает досадное и обидное для россиянина горькое чувство¹. Почти весь состав теперешней артели полурусского, полуякутского происхождения (тунгус всего один). Некоторые родились здесь и выросли. Главная их работа — выгрузка чаёв, весной — уборка гавани, летом — косьба сена для двух-трёх коров и заготовка дров на зиму².

За всем тем остаётся не мало времени для промысла рыбой, птицей, лесным и морским зверем. В этом году в окрестностях Аяна посредством стрихниновой отравы и американских капканов³ добыты 101 лисица. *Нерна* (от 18 до 25 пудов), *ларга* (около 10 пудов) доставляют мясо и жир, употребляемые в пищу, а шкура, с серебристой с тёмными пятнами шерстью, идёт на приготовление сум, перемётов, ремней, чрезвычайно прочных и удобных при далёких путешествиях. Оба эти вида тюленя заходят в бухту в большую воду: опытный глаз охотника издали замечает высунувшуюся над водой голову животного и бьёт его пулей, редко делая промах. Оригинален способ ловли и собирания яиц морской птицы *гагары*, а также утилизация её шкурки. К северу от перешейка есть скала, возвышающаяся, как и Чаячий камень, из глубины моря в некотором расстоянии от берега. Пологий скат её со стороны материка и часть вершины покрыты мелким березняком, к морю она обрывается отвесной стеной, и здесь на выступах камней стаи гагар кладут свои яйца. Тунгус (или аянский рабочий) подымается на скалу, обвязывает себя верёвкой и, прикрепив конец её к дереву, спускается вниз по отвесному боку скалы. Вися, таким образом, в воздухе, он подбирает яйца и кладёт их за пазуху. В другой руке у него сетка вроде той, какая употребляется для ловли бабочек, но гораздо больших размеров. Рой гагар вьётся над самой головой охотника, издавая отчаянные крики. Тунгус хватает птицу сеткой, быстро сворачивает ей голову и прицепив к поясу, ловит другую. Нагрузив себя яйцами и унизав пояс гагарами, он взбирается по верёвке обратно на вершину. Из выделанной шкурки этой птицы, а также из чёрной с сизым отливом морской вороны

¹ Приятное впечатление производит школа, обязанная своим существованием и. д. полицмейстера Попову, безвозмездно учительствующему в ней 8-й год. Благодаря ему, молодое поколение рабочих говорит по-русски, читает и пишет. В 1801 г. всех учащихся было 5 мальчиков и 2 девочки — якутка и тунгуска. Фирма Вальш даёт от себя помещение и отопление, учебными пособиями снабжает жена владивостокского прокурора г-жа Бушуева.

² Сено, дрова и воду таскают на собаках. Упряжка в 12 собак везёт пудов 10.

³ У каждого рабочего, кроме хорошего ружья, имеется один или два таких капкана по 2 р. штука.

(урьлá) шьют шапки и одеяла, окаймляя по краям полосой из золотисто-зелёных утиных головок. Подобные изделия, лёгкие, тёплые и изящные, можно, впрочем, встретить и у других инородцев Якутской области.

Рассказывают, что во времена Российско-Американской Компании в Аяне можно было достать каких угодно американских и японских продуктов и изделий. Теперь не то: есть лавка, но скудный товар её рассчитан на ограниченный и неприхотливый спрос тунгусского населения. Рис, крупчатка¹, дрель (простой прочный сорт бумажной материи), топоры и некоторые другие железные орудия, благодаря своей дешевизне, при существовании порто-франко, постепенно входят в потребление инородцев. Но местная мелочная торговля почти всецело в руках нельканцев. Значение Аяна в этом отношении весьма ничтожно.

В течение почти круглого года городок остаётся отрезанным от всего мира. С центром Приморской области он сносится через пароход Добровольного флота, доставляющий сюда раз в год муку, соль, порох и свинец для казённого склада. С Якутском его сношения происходят через посредство нельканцев, отправляющихся туда с чайными паузками по вскрытии Маи. Кроме казённого парохода, в конце августа и к половине сентября приходят всего два иностранных парохода, зафрахтовываемые — один Вальшем, другой Приамурской К^о — для доставки чайного груза. Выгрузка, затем перевозка чаёв привлекает в Аян тунгусов, ищущих заработка при этом деле. Городок оживляется на целую зиму до весны, когда жизнь его снова замирает до осени.

Количество выгружаемых в Аянском порту чаёв с каждым годом возрастает. По официальным отчётам и. д. полицмейстера в 1892 г. было выгружено 4891 место, в 1893 г. уже 7240. а в 1894 заказано, по устным сообщениям, более 10.000 мест. Все эти цифры, однако, по имеющимся у нас частным сведениям, ниже действительных. Перевозчиками этого груза являются главным образом три-четыре тунгуса из крупных владельцев оленьих стад. Но у них всё-таки не хватает достаточного количества перевозочных средств: им приходится отчасти брать их «в тело» у других, отчасти сдавать по несколько мест от себя мелким владельцам. Ограниченность оленьих кормовищ не позволяет рассчитывать на значительное расширение здесь оленеводства. Поэтому возрастание

¹ Рис, пуд — 3 руб. 50 коп.; крупчатка 1-го сорта, кулёк (1 пуд 15 фунтов весом) — 5 руб.

подвоза чайного или иного груза при существующем бездорожье встретит затруднение в недостатке перевозочных средств для дальнейшей его транспортировки до Нелькана. По той же причине отчасти¹ Амурская К° вынуждена часть своих чаёв направлять в Якутск по Охотскому тракту. О полной замене оленей лошадьми в ближайшем будущем, по крайней мере, едва ли может быть речь. Для этого потребовалось бы подходящие места в тайге и по болотистым долинам превратить в сенокосы, о чём, при полной почти безлюдности этого участка, нельзя и думать. Заселение же пути между Нельканом и Аяном русскими крестьянами по почвенным и климатическим условиям не представляется осуществимым. Для создания прочных русских поселений необходимы благоприятные условия для земледелия, а таковых в данном районе не существует. Долины речек болотисты и на продолжительное время затопляемы водой, а возвышенные места каменисты, с недостаточной для хлебопашества толщиной почвы. Кроме того, снега сходят поздно, а в июле уже бывают заморозки. По ту сторону Джугджура к этому надо присоединить частые холодные туманы, которые будут задерживать своевременное созревание хлеба. Все эти соображения дают основание утверждать, что и с проведением настоящего тракта олень, как перевозочное животное, не потеряет своего значения, по крайней мере для зимней перевозки. Наличие этих животных, недостаточная теперь, окажется вполне достаточной при улучшенном пути, когда вместо 2-х, много 3-х оборотов представится возможным сделать их 4 или 5. Это обстоятельство, в связи с облегчением условий передвижения, не останется без влияния на удешевление чаёв. Теперь провоз места до Якутска обходится в 11 руб., причём большая половина этой стоимости приходится на расстояние от Аяна до Нелькана (6 руб. за 200 вёрст): тогда как по сухопутному тракту от Охотска до Алдана — 800 вёрст — провоз места оплачивается в 8 руб., т. е. в три раза дешевле, и этот путь (также на оленях) проезжают в 17-20 дней.

Для ознакомления с другими перевалами, нам необходимо было заручиться содействием тунгусского старосты Василия Карамзина. Ещё в Нелькане нам указывали на него, как на человека, славящегося даже между своими бродячими родовичами знанием мест по Джугджуру. С

¹ «отчасти», потому что тут имеет значение и возможность доставки чая в Якутск зимой того же года, а не летом будущего, как через Аян.

одной стороны, как крупный подрядчик по перевозке чаёв, он сам заинтересован в разыскании более удобных проходов через хребет, с другой — он и отец его, как богатые владельцы оленьих стад, вынуждены для прокормления их охватывать в своих переночёвках бóльшие пространства, чем мало-оленные. Нам посчастливилось встретить В. Карамзина в Аяне, куда он отлучался от места своего стойбища для закупки муки и риса. Это оказался весьма толковый и любознательный молодой тунгус, значительно опередивший культурностью своих собратьев. Мы были немало удивлены, когда он явился к нам, в квартиру полицмейстера, в чёрном сюртуке и не обнаружил ни малейшего подобострастия к приезжим чиновникам-тойонам, а вёл себя с достоинством, как гость у людей, себе равных. К сожалению, по-русски он только «мало-мало слышит»¹, но не говорит. Объяснение происходило через переводчика² на якутском языке, этом интернациональном диалекте среди инородцев северо-восточной Сибири, играющем здесь роль французского в Европе. Из всех известных ему перевалов он считает распадок по северному истоку речки *Одору* наименее затруднительным. Как перевозчик чаёв, он не пользуется им только потому, что за неимением людей не может собраться произвести расчистку зарослей и построить несколько зимних балаганов для остановок. Но когда ему случается ездить порожняком, налегке, он всегда предпочитает этот путь. Наше требование отправиться с нами проводником внесло некоторое расстройство в его хозяйственные планы. Он должен был изменить маршрут своего передвижения с оленьим стадом и, чтобы сделать необходимые распоряжения, уехал вперёд, рассказав Тимофею, отличающемуся способностью хорошо ориентироваться в тайге и в хребтах, где и как мы найдём его.

16-го августа мы покинули Аян, сожалея о невозможности дожидаться прибытия парохода. Мы выехали днём раньше срока, назначенного Карамзиным, а потому, хотя ещё было светло, решили заночевать у устья Уя, чтобы в последний раз полюбоваться морем. Версты за 1½ от нашей палатки доносился к нам его грозный рёв, и виднелись высокие белые гребни расходившихся волн. Над морем ясное небо, тогда как в долине облака ползут чуть не у подошвы холмов, разряжаясь временами мелким дождём. Обыкновенно, если пойдёшь на берег, обнажившийся сажень на 2 после прилива, находишь выброшенных мёртвых крабов,

¹ *Слышать* у русских в Якутской области употребляется в смысле *понимать*.

² Каковым в данном случае был у нас А.Ф. Попов.

блестящих перламутром раковин, совершенно похожих на студень звездообразных медуз, красивых водорослей, из коих оригинален вид в форме кисти крупного белого винограда, и. разумеется, прежде всего, массу морской капусты, кусты которой с жёлто-бурыми полупрозрачными, точно клеёнка, листьями до сажени длины достигают целого пуда весом¹. Но на этот раз море ничего интересного не подарило нам на прощанье. Иногда заметишь, что волна выкинула какой-то странный предмет, но пока добежишь схватить его, новый прибой слизнёт и унесёт с собой обратно. Море было неприветливо с нами: сердито обдавало оно нас холодными брызгами, и неоднократно обращались мы в бегство перед налетавшим свирепым валом, из опасения очутиться в его предательских объятиях.

Этот вечер (16-го августа) мы провели в сообществе тунгусов, которых я насчитал с женщинами и детьми человек 20. Улов рыбы, ради которой они сюда прикочевали, шёл плохо. По объяснению тунгусов, настоящий ход её с моря начнётся несколько позже. У каждой семьи свой отдельный участок в устье реки и свои сети. Ловится горбуша от 6 до 12 фунтов и реже — таких же размеров кета. Пласты этой рыбы, очищенные от костей, развешены на жердях у каждой урасы для вяления на солнце. Все собравшиеся здесь тунгусы безоленные, живут только рыбным промыслом, охотой на зверя и птицу, а также заработками при выгрузке чаёв с пароходов. У некоторых имеются ружья американского изделия. Мы воспользовались случаем, чтобы поглядеть на знаменитую их пляску *ходжо*. Тунгусы — страстные охотники плясать; как мы слышали, удские в особенности пользуются в этом отношении большой славой. Когда они приходят в Аян, без пляски, по словам полицмейстера, не обходится ни один вечер. Танцы начинаются с наступлением темноты и не взирая ни на какую погоду; днём никогда не пляшут. Дело обыкновенно устраивается без всякого предварительного сговора. Стоит одному выйти на двор и громко крикнуть «ходжо»! — как тотчас же со всех сторон слышится в ответ то же слово; с криком «ходжо» сбегаются мужчины и женщины, берутся за руки и, образовав круг, начинают вприпрыжку кружиться, произнося на распев известные слова. Занят ли тунгус каким-нибудь делом, или он уже улёгся спать, но раз до слуха его донёсся магический клич, он схватывается и бежит к пляшущей в темноте компании. Ездовые собаки, которых в Аяне привязывают

¹ Некоторые из этих предметов доставлены в якутский музей.

на ночь, поднимают отчаянный вой. вторя монотонным выкрикам плясунов, и эта раздирающая душу музыка продолжается нередко до рассвета, пока танцующие не выбьются из сил и окончательно не охрипнут. Круг мало-помалу радеет: одни, обливаясь потом и шатаясь, точно пьяные, расходятся по домам; другие в изнеможении падают тут же на траву и засыпают. И вот на устье Уя нам довелось самим наблюдать это зрелище, хотя не в таком азартном виде, как рассказывали нам в Аяне. Уже было темно, когда мы вернулись с берега моря в свою палатку. Моросил мелкий, но частый дождик. У огромного костра, разведённого нашими рабочими, грелось несколько тунгусов-рыболовов. Заранее подговорённый Тимофей отошёл в сторону и гаркнул вдруг во всю глотку: «ходжо! ходжо!» Два молодых парня первые кинулись к нему на этот зов, схватились за руки и стали топтаться втроём, медленно кружась на одном месте. Постепенно на их крики сбежались все обитатели урас, из коих большинство присоединилось к пляшущим, образовав круг человек 12-15, в том числе несколько женщин. Танец происходил под хоровое выкрикивание следующих слов:

Хóджо и У-ря — значения этих двух слов я не мог добиться¹.

Хá-ре (дурак).

Хум-ка (филин).

У-вай (не дуй).

Хи-ду? (где ты?).

Ама-хáй (морская утка).

Хариá (ель).

Все слова тунгусские, за исключением последнего, взятого из якутского языка; третье «харе» хотя мне назвали тунгусским, но оно сильно напоминает якутское *акáры*, имеющее то же значение — *дурак*. Каждое слово повторяется множество раз, пока кто-нибудь, стараясь перекричать весь хор, не выкрикнет другое, которое тотчас же подхватывается остальными и т. д. Круг вертится, то приближаясь к костру, то удаляясь в темноту. Иные обнаруживают особенное увлечение, энергично взмахивая руками вверх в такте произносимым словам и почти приседая к земле. Начали танец в этербесах, но скоро обувь была снята, мужчины поскидывали и верхнее платье, остались лишь в одних рубахах и штанах, нисколько не смущаясь дождём. Но состав круга часто меняется:

¹ Криком «хо-джо!» камчадалы побуждают ездовых собак поворачивать налево. (У. Гильдер «Во льдах и снегах»).

одни входят в цепь, другие выходят, усаживаются у костра отдохнуть или потянуть трубку. Случалось, что танцующих оставалось всего двое, и эти в конце концов опускались на мокрую траву и замолкали. Но опять кто-нибудь с вызывающим «ходжо!» отделялся от костра, и пляска начиналась снова. Это длилось часа три и наконец порядочно-таки нам прискучило. Мы прекратили пляску, предложив обществу угощение в виде чая с хлебом и табаку. Все разместились вокруг костра, образовав живописную группу, фантастически освещаемую ярким пламенем. Далеко не все лица представляли резко выраженные монгольские черты. Большинство носило явно смешанный характер; и действительно, по опросу оказалось, что многие из них якутско-русско-тунгусского происхождения. Некоторые, хотя плохо, но всё же достаточно понятно, могут изъясняться по-русски. Обращала на себя внимание одна молодая женщина, весьма недурная собой, стройная, с толстыми длинными косами, рождённая от русского отца. В танцах она не принимала участия, всё время сидела у костра, что-то шептала, простирая руки к небу или накрест складывая их на груди. Можно было принять её за молящуюся. На вопрос, что с ней? мне отвечали: «*дичает*» — выражение, которое в Сибири употребляется в смысле «*сходит с ума*». По объяснению одного тунгуса, это с ней приключилось от вселившегося в неё злого духа (абагы), с которым не может справиться местный маленький шаман, а большой живёт слишком далеко и не всегда доступен для бедных людей. После чая пожилой тунгус спел песню. Крайне несложный мотив её, состоявший из продолжительного вытягивания поочерёдно двух нот, напоминал несколько якутское пение. Содержание песни осталось для меня неизвестным: тунгус говорит по-якутски настолько плохо, что ни Жирков, ни Тимофей не могли понять его передачи. Я уловил только не раз повторявшееся слово *Сибики*. Этим именем называется могущественный дух, господин тайги. Дабы расположить его в свою пользу, охотник вешает ему на дерево беличью шкурку, обглоданную кость и вообще остатки своей трапезы. Наши рабочие переводят *Сибики* на якутский язык словом *Тангара* (Бог), а не *эрь* или *абагы*¹. Я просил спеть женщин, но — справедливо ли, или нет — мне заявили, что женщинам у тунгусов петь не принято².

¹ *Эрь* — дух, который может быть и злым, и добрым, *абагы* — только злой дух, чёрт.

² вероятно, при посторонних.

Через два дня ходьбы почти под непрерывным дождём мы были на Альдоме. (19 августа) На предыдущей ночёвке в долине Кения мы заметили двух собак, близко вертевшихся около нашего привала. Это были собаки Карамзина, которых он, как потом оказалось, выслал с тем, чтобы дать нам знать о близости своего стойбища. Его собаки хорошо дрессированы, и, если является надобность известить кого о своём местопребывании или разыскать какого-нибудь кочевника, Карамзин отправляет собак, которые, как утверждает он, отлично исполняют подобные поручения и возвращаются с каким-нибудь значком на шее, удостоверяющим, что найден именно тот, кто ему нужен. Он рассчитывал, что и мы догадаемся привязать к шее собаки записку, так как Тимофей должен был знать, что жена его, Карамзина, умеет читать и писать. Но нам не пришло в голову сделать это; мы отправили Тимофея на его розыски по следам убежавших собак, а сами решили воспользоваться ясным днём и заняться просушкой вещей. Всё было мокро: хлеб, сахар, чай, одежда, постели... Сумы и перемёты из коровьей кожи для упаковки провизии в дальних летних путешествиях совсем не годятся: в тайге и по бадаранам содержимое в них легко отсыревает даже без дождей; в ненастье же кожа растягивается настолько, что сумы превращаются в длинные болтающиеся по бокам мешки, увеличивая таким образом для коня тяжесть вьюка. Зимой, разумеется, всё равно, но в летнее время для провизии необходимо употреблять исключительно обтянутые кожей лёгкие сосновые или еловые ящики, или же нерпичьи, покрытые гладкой шерстью сумы, почти не пропускающие сырости, но зато стоящие значительно дороже.

Тимофей вернулся только на другой день. Он нашёл Карамзина в долине *Одору*. Речка эта впадает в Альдому с той же правой стороны, на которой мы дневали. Пройти к ней тем же берегом с лошадьми не представлялось возможным, благодаря крутым откосам надвинувшихся к самой воде скал. Чтобы обойти их, нужно было переправиться на правый берег, но и тут оказывалось непреодолимое препятствие: от дождей уровень реки сильно поднялся; за ночь вода, правда, спала четверти на две, но всё-таки, не смотря на поиски, менее 2-х аршин глубины у берега нигде не находилось. Ничего не оставалось, как повернуть назад в долину Малого Кения и искать прохода через довольно крутой, хотя и не высокий (около 210 метров от подошвы) водораздел между этой рекой и следующей за ней к югу — *Большим Кением*. Версты через

4 мы заметили сравнительно пологий подъём и, свернув на него, перешли через этот отрог Уйского хребта, спустившись с большими затруднениями по противоположному его склону, оказавшемуся значительно круче и покрытому непроходимой зарослью, потребовавшей прочистки пути топором. Перешедши мелкую, саженей 15 ширины, быструю речку, мы направились левым её берегом по необычайно пышной травяной растительности среди редкого смешанного леса с высокими кустами жимолости, крупные, не виданной ещё мной величины, ягоды которой соблазнительно манили к себе и то и дело заставляли нас соскакивать с седла. Вступив опять в долину Альдомы, переходим вброд устье более значительного её притока *Ниндагы*, берущей начало при соединении Уйского хребта с Джугджуром. Хорошо проторённая по сухому плотному грунту (дресва и глина) оленья тропа довела нас (2-го августа) через несколько вёрст к распадку, по которому стремится с джугджурских высот Одору. Характер речки, её долины и окаймляющих её горных возвышенностей — тот же, что и по другим, известным уже нам, перевалам. Идя большей частью по голому камню с постоянными переходами с одной стороны речки на другую, мы увидели, наконец, пробивавшийся сквозь ветви деревьев дымок. Это было стойбище Карамзина. Отсюда долина разветвляется на два рукава, которые служат ложем двум главным истокам реки — *Большой* и *Малой Одору* (приблизительная абсолютная высота — 320 м.). Около урасы, обтянутой американской бязью, толпилось несколько десятков белых, серых и почти чёрных оленей. В стороне на лужайке аккуратно в ряд разложены изящные маленькие вьюки, сделанные из бересты и обшитые сохатиной или нерпичьей кожей, разукрашенные узорчатой нашивкой из красного сукна и чёрного плиса. Каждый вьюк покрыт ковриком, составленным из разноцветных мехов. Развешенные по деревьям недоуздки унизаны крупным синим и красным бисером и такого же цвета лентами. Вьючные сумы, наполненные рисом, крупчаткой, чаем, посудой, одеждой, в дождь прикрываются плотными брезентами. Обстановка этого богатого тунгуса весьма комфортабельна. В урасе саженей 2 в диаметре вокруг небольшого слабо тлеющего костра помещается на ночь человек десять на медвежьих и оленьих шкурах. Укрываются байковыми и заячьими одеялами, а у хозяина сшитое из птичьих шкурок, с красивой каймой из зелёных, сизых и золотистых утиных головок. Ввиду торжественного случая, каковым являлся наш приезд, были извлечены из сум

эмалированные чайные чашки, тарелки, серебряные ложки. Как хозяйка, так и вся челядь разоделась в праздничные яркие платья, не национального, впрочем, а смешанного якутско-русского покроя. Вся эта картина в глухой тайге, окружённой дикими голыми скалами, производила впечатление искусственности, казалась, гораздо более уместной на театральных подмостках, чем в натуре. Глядя на это красивое довольство и даже роскошь, нельзя было не вспомнить картину противоположного характера — семью и хозяйство Уйбана Иранаса. И здесь более, чем где-либо, пришлось подсаживать на отсутствие у нас фотографического аппарата. Несмотря на значительную уже культурность этой семьи, в течение лета она ведёт такой же бродячий образ жизни, как и всякий другой оленевод. Зимой же, когда сам Карамзин занят перевозкой чаёв из Аяна в Нелькан, семья его живёт в недавно отстроенном русском доме на устье Быранджы. Сама хозяйка — молодая женщина, дочь русского аянского рабочего, обучалась в местной школе, но сколько я ни пытался завести с ней беседу, она упорно уклонялась от продолжительных разговоров и, если отвечала, то не иначе как по-якутски. В прошлом году Карамзин перевёз 950 мест чая, в настоящем он взял подряд на 600 мест. Часть оленей для этого (которых у него около 400 голов, из коих менее половины ездовых) он берёт «в тело» у отца и у тётки по 8 руб. «за нарту», т. е. за пару на один оборот; а некоторую часть поставляют ему бедные сородичи в виде расчёта за подати, внесённые им за весь свой род. Отец и тётка Парасковия, самые крупные в этом районе владельцы стад (3.000 голов), извозным промыслом не занимаются, живут по старине, русских чуждаются и осуждают сына за заимствования от них всяких новшеств и в особенности за женитьбу его на русской женщине.

Пять дней кочевали мы вместе с семьёй Карамзина и тут пришлось убедиться воочию, до какой степени вся жизнь кочевника находится в полной зависимости от его стада. Они передвигались с места на место почти ежедневно, сообразуясь с обилием и качеством оленьих кормовищ. Сборы начинаются с раннего утра. Мужчины расходятся в разные стороны сгонять оленей к уресе. Отовсюду слышатся странные горловые крики созывающих далеко разбредшихся животных, крики, похожие на хрюканье свиньи¹. Но олени вовсе не спешат идти на этот зов.

¹ Подражание рёву оленя. К тем из животных, которые находятся поблизости и которых хотят поймать, обращаются с зовом «чоу, чоу».

Пока женщины занимаются укладкой урасы и других вещей в перемёты, мало-помалу пригоняют по несколько штук, отправляясь снова — кто пешком, кто верхом за другими. Так длится иной раз до полудня. Наконец, стадо согнано в кучу, хотя всё-таки десятков двух-трёх не хватает. Одни продолжают их разыскивать, а другие принимаются вылавливать из стада посредством аркана езжалых. Арканом служит длинный, в несколько сажений, тонкий нерпичий ремень. Его собирают в кольца, так чтобы последние ложились друг на друга ровно и правильно. Придерживая левой рукой свободный конец ремня, правой швыряют связку колец по направлению избранного животного. Ближайшие к захваченному концу кольца разворачиваются на лету, а оставшиеся свёрнутыми падают на рога животного. Ремень собирают и тащат при этом к себе упирающегося оленя. Женщины надевают на него недоуздок, привязывают к дереву и приступают к седланию и навьючиванию. На спину у самой шеи, на лопатки передних ног животного накладывают без потника хонхо, сделанное из дерева или оленьих рогов, с мягким обтянутым кожей основанием. Поверх хонхо перекидывают перемёты, вмещающие от 2-х до 3-х пудов клади (например, муки), накрывают меховым ковриком и обхватывают стягивающейся под грудью подпругой. К каждому осёдланному под человека оленю привязывают цугом по несколько вьючных. Всё уже готово, а между тем пять или шесть оленей остаются не разысканными. Решаются, однако, сниматься с места, в расчёте, что потерявшиеся услышат движение стада и догонят его. Сначала умащивают на сёдла детей, затем усаживаются сами. Это тоже искусство, требующее сноровки, без которой никто из нас, не исключая и рабочих, не смог удержаться на седле. Олень, хотя бы даже из числа смиренных, не стоит спокойно и не даёт на себя сесть; и после того, как вам удалось на него вскочить, он старается освободиться от седока, наклоняясь на бок и выделявая разные неудобные для последнего движения. Седок в это время предохраняет себя от падения посредством палки, упираясь ею в землю, и в тоже время бьёт ногами в бока животного, которое очень скоро, однако, покоряется своей участи. Стремья нет; седло — без передней и задней луки, с круглой тарелкообразной подушкой, так что сидящий на нём не смыкает колен, а свободно болтает ногами. Оно прикрепляется всего одной подпругой и легко пошатывается с одного бока на другой; усидеть на нём непривычному человеку — дело мудрёное: необходимо всё время покачиваться соответственно движе-

нию животного. Тунгус балансирует с помощью палки и, потеряв равновесие, спешит прыгнуть на землю и тотчас же вскакивает обратно на седло. Оно помещается, как и хонхо, не на спине, а на зашейке, так как связь спинных позвонков оленя чрезвычайно слаба, и вследствие этого спина легко ломается от тяжести даже менее чем в 2 пуда. Наконец, караван трогается с места, за ним, подгоняемое сзади, бежит стадо свободных оленей. Во всё время пути не прекращаются крики мужчин и женщин, сзывающих разбегающихся по сторонам животных. Это шествие — очень красивая и оригинальная картина: олень идёт легко и быстро, грациозно подняв голову с огромными ветвистыми рогами; и нельзя не удивляться, как он ловко ухищряется нигде не задевать ими за ветви и стволы деревьев. Он бежит с такой же уверенностью по камням и по кочкам, как по ровной дороге, никогда не упадёт, никогда не споткнётся.

22-го августа, расположившись на днёвку верстах в 8 от вершины хребта, мы отправились пешком на осмотр Одорийского перевала, а на другой день перебрались через него с лошадьми и оленями. Подъём не представляет никаких затруднений, он так же незаметен, как и западный склон Джугджура. На протяжении всех этих 10-11 вёрст мы поднялись всего на 494 метра. Препятствием на нашем пути служила лишь непроходимая местами заросль кедровника, заставлявшая сновать с одного берега речки на другой и порой идти по плотному, превратившемуся в ледяную массу, скользкому снегу. Одна из таких снежных полос тянется на 200 сажений. Происхождение её может быть объяснено не иначе, как наносом снега с верхних поясов горы, наносом настолько толстым, что он не успевает в течение лета расплавиться действием солнечных лучей. Через 2½ часа ходьбы мы были у маленького озера, из которого вытекает один из двух ручьёв, образующих своим слиянием северный исток Малой или Озёрной Одору. От озера (на приблизительной абсолютной высоте 804 м.) сразу начинается значительная крутизна сажений в 47 высоты до верхней точки перевала, прерываемая почти горизонтальной площадкой сажений 8 длины. Но и на эту, наиболее крутую часть подъёма можно подняться с гораздо большей лёгкостью, если идти не по прямому направлению, а по пологому откосу горы с правой, северной стороны пади, откосу, который постепенно ведёт к площадке. Вершина перевала представляет два прохода: один прямо на запад с невозможной крутизной спуска; другой ниже первого, не-

сколько влево на юго-запад, спускается весьма полого, с приблизительной абсолютной высоты в 905 метров, к расстилающемуся внизу большому озеру. Озеро расположено ниже вершины перевала на 78 метров, оно растянулось версты на 4 при ширине от 200 до 400 сажень в глубокой котловине, окружённой обрывающимися к воде под уклоном в 40-45° высокими гольцами¹. Восточная его половина отличается большой глубиной. Зимой Карамзин опускал в ойбон (прорубь) фунтов в 20 камень, привязанный к трём нерпичьим ремням в общей сложности до 50 сажень и не мог достать дна. Как это его свойство, так и сильные пенящиеся волны, подымающиеся на нём в сравнительно небольшой ветер, напомнили нам «Святое Море» бурят, что и послужило поводом окрестить его *Байкалёнком*. В озере масса мелкой рыбы, преимущественно харюза. К Петрову дню сюда заходят две-три тунгусских семьи для рыбной ловли, которая производится посредством сетей, укрепляемых на длинных жердях. Из всех посещённых нами мест по Джугджуру это самое замечательное по своей своеобразной красоте. Трудно представить себе более величаво-мрачную и в то же время чрезвычайно живописную картину в сочетании стальной волнуемой поверхности воды с голыми, почти чёрными каменными громадами. Но эти-то красоты и составляют слабый пункт перевала, как летнего сообщения в его настоящем виде. Озеро на половину своей длины, благодаря почти отвесным гольцам, лишено и самой узенькой береговой полосы, по которой могла бы пройти лошадь. Карамзин для прохода своих оленей устроил извивающуюся на высоте сажень 20 и более тропу в виде «кычам», целесообразно расположив беспорядочно нагромождённые глыбы камня и заполнив неровности мелким щебнем. Мы должны были общими силами продолжать сооружение «кычам», чтобы провести своих коней. Это было весьма рискованное и сопряжённое с большой вознёй предприятие. Я был уверен, что без катастрофы дело не обойдётся, тем более, что даже олени, увлекаемые подвижной осыпью, сползали вниз, а один обрушился и не долетел до воды только потому, что встретил выступ, задержавший его дальнейшее падение. К счастью, всё обошлось более или менее благополучно. Лошади, освобождённые от вьюков, несмотря на отчаянное сопротивление, были проташены и отделались лишь порезами ног об острые рёбра камней, а кладь пришлось

¹ Сажень 200 и более высоты над поверхностью озера.

уже перетаскивать на руках. Этот памятный для нас переход, измучивший людей и животных, вдвойне стоил майльской тундры. Зато вторую половину озера можно уже свободно пройти по отлогому мелко-каменистому побережью. Пологая стена, замыкающая котловину с востока, имеет три седлообразных впадины; из них две северных ведут в один и тот же распадок к северным истокам М. Одору, а третий, к югу, чрезвычайно крутым спуском обрывается в другой, почти параллельный предыдущему. Он представляет собою небольшое разветвление мало-одорийской долины и служит ложем южному истоку той же реки. Мы спустились сюда, направляясь обратно к нашим палаткам, в первую свою экскурсию на перевал пешком. Все три речонки, появляющиеся на свет у западной подошвы стены, можно, кажется, принимать за подземные истоки нашего Байкалёнка, из которого вода проложила себе путь через расщелины каменной толщи. Принимая в себя по пути несколько мелких ручьёв и сливаясь далее в одном русле, они образуют Северный или Малый Одору.

Мало-одорийский перевал удлиняет расстояние между Аяном и Нельканом вёрст на 40; но по свойствам почвы¹, рельефу местности, незначительной высоте и пологости подъёма — самый удобный из всех осмотренных нами проходов для проложения по ним дороги. Значение его увеличивается ещё и тем, что при этом направлении устраняется необходимость двукратного пересечения реки Альдомы. Недостаток этого перевала, по словам того же Карамзина, заключается в незначительной глубине снега (2-2½ четверти), не везде сглаживающей неровности, что местами затрудняет езду на нартах. Правда, и здесь, как и повсюду на Джугджуре, свирепствуют ветра, сдувающие с вершин снег и образующие наносы и карнизы: но дорога могла бы быть проложена террасой по склону южных гольцов, менее подверженных заносам; а если бы она и не была достаточно защищена, то для зимы это обстоятельство не столь важно, так как движение с полным удобством может происходить по льду озера.

Миновав озеро, вступаем в долину реки *Большая Джегдакуинджа* — правый приток Ватанги. Верстах в трёх от её вершины мы расположились на днёвку с тем, чтобы осмотреть перевал по Большой или Южной Одору. Раздвинувшиеся горы образуют обширное, замыкаемое горами,

¹ На восточном (вернее, юго-восточном) склоне преобладает дресва и глина.

полукруглое пространство, называемое *Сиэль-ыябыт сире*¹. Здесь (ниже уровня озера на 35 м.) среди редкого леса — два-три остова урас с совершенно выбитой вокруг них землёй, густо покрытой оленьим калом. Это прошлогоднее стойбище старика Карамзина, владельца многочисленного стада. Осень уже начинает вступать в свои права. Лиственные деревья пожелтели, трава сохнет, зелень вороньей брусники приняла ярко-красный цвет, и склоны гор, усеянные этим растением, точно покрыты кровавыми пятнами. По утрам до восхода солнца за последние дни термометр постоянно показывает 0° и 1°, но днём температура доходит до 30°C. (не в тени). Комары давно исчезли, их сменила мошка, и трудно сказать, которое из этих двух зол меньше.

Распадок, ведущий к истокам Б. Одору, открывается от места нашей стоянки на юго-юго-восток и идёт по безымянному ручью, вливающемуся в Джегдакуинджу. Наша экскурсия туда, вёрст 5 на лошадях и вёрст 15 пешком, не привела к благоприятному заключению о перевале со специально-дорожной точки зрения, а потому о нём достаточно сказать несколько слов. Этот перевал, самый южный из посещённых нами, представляет седловину Джугджура, у которой сходятся истоки двух речек — *Яты*, принадлежащей к системе Альдомы, и *Алланджы*, направляющейся на северо-запад к Ватанге. Ятá считается притоком Б. Одору, но в сущности следовало бы считать наоборот: по обилию воды первая превосходит вторую, а слившееся русло обеих речек, составляет явственное продолжение Яты. По своей обрывистости и изрытой оврагами поверхности местность нельзя признать удобной для проложения пути; но, в вознаграждение за бесполезное и довольно утомительное путешествие, она доставила нам немало удовольствия своими оригинальными и красивыми видами. Ятá извивается в узком ущелье с отвесными, часто даже наклонившимися к воде, стенами массивного гранита, перемежающегося с кристаллическими сланцами, высотой в 20-30 сажени. В ущелье мрачно и холодно; глыбы обледенелого снега сохраняются от таяния точно в погребе; местами ширина ущелья не превышает 2½ сажени, сверху виднеется лишь узенькая полоска небесной синевы, и кажется — с верхушки одной скалы ничего не стоит перешагнуть на противоположную. После слияния Яты с Б. Одору общее течение падает вдруг с вертикальной высоты в 4½ сажени и, низвергаясь далее по уступам,

¹ Это значит — *место, где вешают гривы*, т. е. пучки конских волос в жертву местному духу за благополучное прохождение перевала.

пробивается в щель аршина в 1½, вздымая пену и наполняя этот грот шумом, из-за которого нужно кричать чуть не во всю глотку, чтобы услышать друг друга. У самого начала водопада, как-бы нарочито устроенное сиденье для туристов, плита гладкого льда в 2 аршина длины и 1¼ толщины. Каким образом очутилась тут ледяная масса таких размеров и такой правильной формы, для меня остаётся не ясным. Застрявшая глыба весенней шуги? Но на этой ничтожной речке не может образоваться ледяной покров подобной толщины. Скорее её происхождение обязано надуваемому сверху снегу уже по стоку весеннего разлива. Тунгусы называют это местечко, как и всякий вообще тесный проход между скалами, просто *Одору-Бом-Тас*.

На обратном пути, найдя, наконец, выход из тёмного промозглого ущелья на свет Божий, я обратил внимание на рисунок человеческой головы в натуральную величину, вырезанный на толстой лесине. Изображение по линиям пореза покрылось выступившей сильно затвердевшей смолой и бросается в глаза лишь на близком расстоянии. Это «портрет» убитого тунгуса. По заявлению Карамзина, такие портреты ему неоднократно приходилось встречать в тайге. Происхождение их старики объясняют так: в давние времена, когда тунгусы ещё не были крещёнными, между ними происходили частые междоусобицы и убийства. Убивший своего врага, чтобы избавиться от беспокойства и преследований духа убитого, вырезывал на стволе его лицо, чем как бы прикреплял мертвеца к дереву и лишал его таким образом возможности преследовать убийцу и причинять ему всяческий вред (см. рисунок 5).

По свидетельству Миддендорфа, даже в его время разбои и смертоубийства между тунгусами не были редкостью. Кочевники отваживались нападать не только на своих родовичей, но и на русских путешественников. Ваганов 1) и его товарищи во время сна были застрелены тунгусами, спрятавшимися в лесной чаще. Вскоре после того были ограблены и убиты члены астрономическо-топографической экспедиции, снаряжённой для исследования пограничного Станового хребта под начальством профессора Шварца. Ничего подобного давно не слышно между аянскими тунгусами. Личность, имущество, охотничья добыча пользуются здесь полной неприкосновенностью и безопасностью. На честности тунгусов, на их строгом выполнении ничем не гарантируемых обязательств основаны все сделки с ними русских и якутских торговцев. Что повлияло на смягчение нравов этого племени 2) — трудно сказать. Страх перед обуздывающей силой администрации едва

ли имеет какое-нибудь значение: в этом крае люди живут почти при такой же безграничной свободе, как и столетия тому назад, не чувствуя над собой никакой власти. Если бы *post hoc* всегда значило *propter hoc*, то пришлось бы приписать благотворное воздействие Российской-Американской К°, промышленные цели которой не лишены были и культурного гуманизирующего влияния (школы, больница, положение рабочих). Но я недостаточно знаком с её деятельностью, чтобы придавать ей это значение не предположительно, а в более категорической форме.

26-го августа мы двинулись к р. Челасин; Карамзин согласился сопровождать нас до нашего складочного балагана, куда по его определению оставалось от пункта настоящей нашей стоянки вёрст 50. Здесь мы расстались с его семьёй, которая погнала стадо на Быранджу кратчайшим путём через распадок, открывавшийся в северной цепи гор.

Наша провизия приходила к концу, обувь окончательно изорвалась. Лошади от постоянной ходьбы по голому битому камню исхудали и постирали свои копыта до мякоти, некоторые до такой степени, что обменять их на более свежих у В.Е. было обязательно необходимым; его же лошади, при медленности передвижения и к тому же по гораздо менее неудобным путям, не могли подбиться и обескопытиться, как наши и должны были быть сытее. Спирт вышел у нас ещё в Аяне, а при холодных ночах и наступавших осенних дождях без этого согревающего средства обходиться в путешествии трудно. Все эти обстоятельства заставили нас поспешить к нашему складу и заодно, вместе с тем, исследовать дальнейшее направление одорийско-челасинского пути. Он идёт сначала на запад по речке Джегдакуиндже до устья впадающей в неё Малой Джегдакуинджи, откуда, по долине этой последней, сворачивает на северо-запад и вступает в падь её притока *Нангысмы*. Мы незаметно поднимаемся по её руслу на один из отрогов Джугджура к истокам р. Челасина. Местность везде ровная, болот нет; сравнительно редкий, большей частью лиственный лес с прекрасной травой по твёрдому глинисто-песчаному грунту. Только на островах между протоками и по берегу у самых речек (М. Джегдакуинджа, Нангысмы и Челасина) более густая поросль смешанных видов: ели, тополя, талины, ольховника. Нередко можно видеть на тонких обломанных сучьях нанизанные шляпки сорванных с земли грибов. Это белка заготавливает для себя зимнее продовольствие. За незначительным возвышением (873 м. приближённой абсол. высоты), составляющим водораздел Джегдакуинджи и Челасина, одно за другим расположены два озера, из коих первое служит истоком

Челасина. а второе, гораздо больше, саженой 40 ширины и около полуверсты длины, можно рассматривать, как расширение этой реки. По менее высокому правому берегу, покрытому крупным лесом, тянутся весьма удобные «кычама», достаточно просторные для прохода, вьючных коней. Кычама устроены семьёй Карамзиных, которым часто приходится перекочёвывать по этим местам. Начиная от Б. Джегдакуинджи мы почти все время шли достаточно утоптанной их стадами тропой. 28 августа, после дождливого дня, ночью хватил мороз, заледенивший вымокшие палатку, одежду и сумы. Чтобы всё это сложить во вьюки, потребовалось предварительно разморозить над костром и хоть несколько просушить. На Джугджуре выпал первый снег, и, тронувшись в путь, мы вскоре увидели величественную вершину *Мохоту-Хаята* покрытой белой шапкой, которую, как утверждает Карамзин, она уже не скинет до следующего лета. Чем ближе к Бырандже, тем гуще древесная растительность, тем чаще попадаются болотистые и мокрые места с толстым моховым покровом, в котором кони погружаются до колен. Этот слой мха (многоволосник) впитывает и задерживает влагу, как губка, и надо полагать, он-то и обуславливает главным образом избыток сырости почвы, каковым вообще отличается район к востоку от Май и даже далее — от Алдана. Но по сухим местам белеет ягель, обилием которого славится район Быранджи. Мы переходим широкое, саженой до 70 устье этой реки, теперь почти сухое, с размытыми берегами, заваленное огромными деревьями, нанесёнными бушующей весенней водой. Берега поросли мелким тальником, сплошь покрытым белым, точно извёсткой, налётом. Версты 2 далее по Челасину и в таком же расстоянии от устья левого его значительного притока *Архай* — стоит¹ дом Карамзина, — большая русская изба с амбаром. Строили его три года четыре якута, работай в течение летних месяцев; русской печи они не умели сложить, так что дом согревается якутским камельком. Внутри шкаф, диван, столы, стулья, сделанные в Аяне и неимоверно уродующие физиономию японские зеркала. Если к этой обстановке присоединить некоторые вещи американского изделия, как, например, топоры, ружьё, то в обиходе этой тунгусской семьи мы найдём следы влияния четырёх самых разнообразных народностей.

В общем, весь этот путь от Озёрной Одору (Келлах-Одору) до бывшего Челлагинского станка гораздо удобнее соответствующего участка

¹ Ниже вершины Челасина на 277 м.

как по «казённой» дороге, так и на Быранджа-Нингмачигангский перевал. Мы сделали его без всяких препятствий и поздно вечером 28 августа подходили к складочному балагану. Мелькавший сквозь деревья огонёк указывал на присутствие здесь наших людей, быть может самого В.Е. Но нас встретил один лишь лоцман Александр, обнаруживший малосвойственное ему необычайно радостное волнение, причины которого, как оказалось, были вполне понятны: он был сослан сюда В.Е. не в качестве сторожа, в каковом не представлялось никакой надобности, а в виде наказания за строптивый нрав и дерзкое поведение, и прожил тут в полном одиночестве и бездействии девять дней. Мы нашли здесь письма В.Е., дающие сведения о ходе его работ. От 9 августа он пишет:

«27 и 28-го июля работа шла с ужасающей медленностью. Мне приходилось разов пять пробегать от угла к углу: то не так меряют, то не так вешки ставят. Послушавшись П.А., я брал румбы не на каждом угле, и вот, пройдя с трудом в два дня две версты (под дождём и комаром), я увидел, что румбы и углы у меня не сходятся. Признаюсь, что на меня напало даже отчаяние. 29-го опять прошли заново эти злополучные две версты + две новых. Нужно было кочевать на другое место, но коней не могли найти: нашёл их тунгус далеко вниз по Мае. Далее мы проходили в день версты по три, если не мешал дождь или не шалил компас. А наш угломер частенько-таки гадит нам. Вчера, например, два раза не сходились румбы с углом диоптр, почему мы и прекратили работу, чтобы пройти на другой день этот участок вторично. Теперь мои помощники уже обучились малость и не отдают шпилек раньше времени, меньше ошибаются вообще, почему и работа идёт успешнее. Третьего дня, несмотря на то, что была масса углов (на 4 версты 100 углов), мы прошли 4 версты. Вчера прошли бы 5 вёрст, если бы не дождь и гроза. Но более этого едва ли удастся проходить, благодаря массе углов. Инструмент мой очень плох. Разница коллимационных плоскостей верхних и нижних диоптр более 14', поэтому я навожу и беру углы только верхними, поверяю же угол гониометра углом буссоли, которые и записываю у каждого угла. Работа идёт тише, так как нужно ждать, пока успокоится стрелка буссоли. Кроме того, при маленьком даже дожде волоски диоптры ослабевают: приходится их подтягивать, волосок иногда лопаются. Как-то, за неимением лошадиного волоса, я заменил таковой волосом из собственной бороды, и этот волос служит мне до сих пор. Вечером, хотя ещё достаточно светло, становится настолько холодно, что стекло буссоли запотевают, зажимается своей обоймицей и надавливает на

шляпку стрелки — компас не действует, и работа приостанавливается. Рабочими теперь доволен и уже нытья не слышу. Пища у нас плоха, но так как и я её ем, то и рабочие не выражают неудовольствия. От 15 августа: Работаем по-прежнему, стараясь из всех сил. Ночуем вторую ночь на Маильской тундре. Последние дни опять идём страшно медленно из-за большой чистки, которую приходится делать по дороге. Мазаться дёгтем от комара, оказывается, мало толку. Я пробовал, но дёготь (даже с маслом) быстро всасывается, и комар опять облепляет лицо, как только начинаешь всматриваться в диоптры или нониус. О сетке же нечего и помышлять. Самое плохое у нас то, что все мы без обуви; из оставшейся у нас кожи вышло всего две пары подошв. Сидим без масла 4-й день. По ходу работ теперь уже с уверенностью могу сказать, что на Челасине будем не ранее начала сентября».

Но работа далее пошла скорее; В.Е. весьма кстати подошёл к складочному пункту 29-го августа, и мы имели удовольствие провести вместе две ночи. Кроме того, тут ожидала нас почта из Якутска, любезно доставленная Анной Егоровной Надеиной. Эта почтенная дама, доверенная торговой фирмы «Амурская компания», совершила путешествие от устья Май до Нелькана верхом на лошади по той же тропе, по которой были прогнаны наши кони. Из Нелькана, отдохнув 5-6 дней, она отправилась тем же способом в Аян для приёмки чаёв с парохода. Это одна из тех «героев» коммерческого дела, каких не редкость встретить в Сибири, и перед энергией которых не существует препятствий ни в холодах, ни в расстояниях, ни в отсутствии путей сообщения.

Нужно было торопиться с завершением нашей задачи. Пожелтевший вид обнажавшейся растительности, холодные ночи и утренники напоминали о близости зимы. В нашем распоряжении, (т. е. до замерзания Май) по общему утверждению рабочих, оставалось не более трёх недель. В.Е. нечего было и думать дойти съёмкой до самого Аяна. Оставалось заранее примириться с тем, что удастся сделать. Первоначальное намерение произвести нивелировку по всем перевалам, которые будут найдены более или менее удобными, за недостатком времени, представлялось неосуществимым. Поэтому для проектирования дороги необходимо было остановиться на каком-нибудь одном. П.А. отдал предпочтение перевалу Кынгачанг — Альдома («Казённый») в виду его расположения на кратчайшем расстоянии между Аяном и Нельканом.

С главной заботой по сборам — с починкой сбруи, вьючных принадлежностей и обуви кое-как управились. За нехваткой кожи, на обутки

для рабочих пошли в дело опроставшиеся от провизии сумы. Карамзин был отпущен, награждённый разными продуктами, из коих спирт имел для него особенно большую ценность, так как за 3-4 бутылки, предназначавшиеся им в подарок своей богатой родне, по словам рабочих, он получить не менее десяти штук добрых оленей. Этот умный, толковый тунгус, познакомившись за время нашего совместного путешествия с условиями, удовлетворяющими проведению грунтовой дороги, прощаясь с нами, рекомендовал наиболее удобным для таковой следующее направление: от Аяна на Уйский хребет не по пади р. Уя, ведущей к вершине Малого Кения. а по следующей за ней на юг к вершине Большого Кения. Здесь подъём положе, наледи значительно меньше, всего около полуверсты и то лишь посередине реки; а весной даже в большую воду берега не заливаются. Спустившись долиной этой реки, дорога пойдёт правым берегом вверх по Альдоме, пересечёт устье притока её Ниндагы и далее тем же берегом Альдомы завернёт в долину Одору. Поднявшись северным её истоком, или по Малой Одору (она же Келлах т. е. озёрная) на Джугджур, дорога обойдёт озеро южным берегом (кычамами) и вступит в долину Бол. Джегдакуинджы, следуя правой стороной до устья Мал. Джегдакуинджы. Не пересекая этой речки, направится по её пади (на северо-запад), а затем по пади её притока Нангысмы — к истоку Челасина. Далее, левой стороной долины Челасина, где мокрот меньше и местность более ровная, чем на правой, дорога перережет устье Архая и, держась того же направления, нигде не пересекая Челасина, вступит на «казённую» дорогу. Дойдя до Маильской тундры, свернёт на северо-запад к вершине реки Игникана (левый приток Май) и по левому берегу этой реки подойдёт к Мае вёрст в 7 ниже Нелькана. Часть этого направления была пройдена нами; остальная часть по Игникану заключает, по утверждению Карамзина, следующие преимущества: 1) здесь совсем нет бадаранов; 2) густой лесной поросли нет: места или совсем чистые, или мелкий кустарник по редколесью; 3) подъёмы и спуски гораздо ниже, положе и реже встречаются, чем по казённому пути; 4) речек значительно меньше, и самая большая из них *Джегдала* гораздо уже Челасина. Их весенние разливы далеко не столь опустошительны, как притоков Челасина и правых притоков Игникана. Если прибавить к этому относительные удобства одорийского перевала и устранение необходимости дважды пересекать такую реку, как Альдома, то удлинение расстояния вёрст на 40-50 при намеченном Карамзиным направлении с избытком окупилось бы указанными преимуществами.

Карамзину известны следующие перевалы через Джугджур, название которых я привожу с юга на север:

- 1) *Одору (Ята) — Аланджа.*
- 2) *Кёллэх Одору.*
- 3) *Нингмагичан — Быранджа.*
- 4) *Крестях дабан.*
- 5) *Альдома — Кынгачанг, или Казённый.*
- 6) *Нячанг дабан.*
- 7) *Мохоту дабан (Мохоту — правый приток Челасина).*
- 8) *Ильпагы дабан.*
- 9) *Джагдэг дабан (Джагдаг — левый приток Альдомы).*
- 10) *Танчы дабан (Танчы — левый приток Альдомы).*
- 11) *Уйбанча дабан.*

Относительно последовательного расположения последних шести я, впрочем, не ручаюсь, так как Карамзин, изрядно выпивший на прощанье, перечисляя их мне по порядку, сам сбивался на этот счёт¹.

Глава VI

Наши работы по «Казённому» перевалу — Проект дороги — Обратный путь в шугу по Мае — На берегу Лены в юрте якутского старосты. — Обличительно-наставительный документ — Переправа через Лену — Итоги экспедиции.

31-го августа мы снова расстались с В.Е. и двинулись по «казённой» дороге на Джугджур, на этот раз при 7 лошадях и четырёх рабочих.

1-го сентября в версте с $\frac{1}{4}$ от вершины перевала был избран пункт для стоянки, и мы принялись за работу. Нет надобности описывать ход этих работ; достаточно сказать, что задача заключалась в том, чтобы с вершины перевала проектировать грунтовую дорогу, которая должна спуститься вниз под уклоном, не превышающим maximum'a, допускаемого в дорожной технике. Понятно, что это требование может быть соблюдено при известном характере местности, позволяющем растянуть

¹ На пальме Карамзина я обратил внимание на надпись, если это только письмо, а не полустёршиеся узоры. Пальма, по заявлению её владельца, старинная, «узоры», на мой взгляд, сильно напоминают знаки монгольского или сходственного с ним маньчжурского письма, начертания букв которого мне знакомы. Я скопировал «надпись» возможно точно и прилагаю здесь в конце книги. См. рис. №4.

спуск на значительное расстояние. Этому условию более или менее удовлетворял склон гольцов, ограничивающих распадок истока Альдомы с юга¹. Перенос с места на место и установка инструмента, таскание цепи, реек и других нивелировочных принадлежностей по крутому, иногда градусов до 40, откосу, усыпанному мелкой осыпью, легко сползающей под ногами, всё это сопряжено было с немалыми неудобствами и затруднениями. Последние усиливались к тому же, как я уже говорил о том раньше, постоянными, всё время почти не стихавшими, жестокими северо-западными ветрами. С переменной же этого ветра на юго-восточный долина окутывается густым, клубящимся туманом, насквозь пронизывающим сыростью одежду. Разумеется, в таких случаях работа невозможна: доводилось приступать к ней только к полудню, а то и позже. Холода усиливались с каждым днём. Утром в 7-8 часов температура редко подымалась выше 0°. Вода в ручьях, а местами и в самой речке, за ночь покрывалась льдом, который с 7-го числа уже не оттаивал днём. 9-го сопки подёрнулись белым саваном, и куропатки, охота на которых доставляла нам мясной обед, также переменили своё серое одеяние на белое. Кедровка (по-якутски *оноло*) торопилась наполнить свою кладовую под камнем зимним запасом орехов². На работу выходим в полушубках и в тёплых перчатках. Ежевечерние восхождения на вершину перевала к месту стоянки дают знать себя своей утомительностью хуже работы. Приходишь к палатке весь мокрый от пота, но зато у костра вся усталость и все невзгоды дня сменяются самым приятным самочувствием, а ещё недавно угрюмые, дрожавшие от холода и ругавшиеся на своём языке рабочие приходят вдруг в благодушно болтливое настроение. Велика живительная сила огня в сибирских пустынях, и лишь тут, у костра, постигаешь не теоретически только, а всем существом своим возникновение культа огнепоклонничества, существующего в известных формах и поныне у тунгусов и якутов³.

¹ Вернее сказать — котловина, куда спускается несколько мелких распадков с сухими в эту пору руслами вершин р. Альдомы.

² *Nucifraga Caryocatactes*. Зимой этот её склад заносится глубоким снегом, но птица с замечательной точностью находит место его расположения и прочищает клювом и ногами ход к нему в виде коридора, иногда более полусажени длиной. (Сообщение тунгусов).

³ Шаман совершает своё священнодействие не при дневном свете, а при огне. Они произносит заклинания, обращаясь лицом к камельку. Первая рюмка водки, первая ложка сёрата, масла и всякого предлагаемого ему угощения преподносится духу огня. Такое же значение жертвы получает выбрасывание на пылающие угли камелька остатков пищи, что нередко можно наблюдать, посещая якутов в их юртах.

7-го сентября мы подвинулись с проведением линии пути версты на 4. Пора было перенести стоянку поближе к месту работ. Мы перекочевали на восточный подъём перевала и растянули палатку среди густого, крупного и высокого кедровника, стелющиеся стволы которого в нижней своей части достигают четверти в диаметре¹. Кормовища не богатые, но недостатка в них нет. Попадалась вечно зелёная *Сибикте* — коленчатое низкорослое растение из вида хвощей, которое якуты считают самой питательной осенней и зимней травой для лошадей.

14-го сентября работы были закончены. Проектная дорога, высоко извиваясь по откосам, вступает на обширную площадь полукруглой террасы и, лавируя здесь между холмами битого камня, глубокими рытвинами и оврагами, на 6-й версте и 300 саженой от вершины перевала спускается, наконец, к руслу реки. Рабочие чрезвычайно скептически относятся к нашей работе. Часто можно слышать, как они, в уверенности, что тойоны не понимают их речей, подвергают язвительной критике эту затею. Дорогу занесёт снегом, завалит обрушивающимися сажеными навесами, которые при своём падении увлекают за собой груды подвижной осыпи. Послушать их — так зимой от неё и следа не останется; никакие щиты, по их мнению, не помогут, разве что дорогу запрячешь в ящик».

— Что же ты думаешь: учёный тойон глупее тебя? — возражает казак Тимофею,

— В тайге да в хребтах всякий *нуча*, будь то сам генерал Муравьев², глупее тунгуса, отвечает он.

— *Кырджык даганы, догор* (верно говоришь, приятель). — поддерживает его Александр.

Надо сказать, что тунгусы и наши рабочие в частности, склонны преувеличивать всякие страхи. Но в данном случае в их пессимизме немалая доля резонных оснований, на которые, при возражениях о постройке дороги, следует обратить серьёзное внимание. Сохранение пути на Джугджуре в удобопроездном состоянии, несомненно, требует солидных сооружений. Конечно, это дело техники, справляющейся

¹ Шишки были уже настолько зрелы, что легко опадали на землю при встряхивании дерева. Однажды я наткнулся на целую кучу фунтов в 10 орехов, перемешанных с истёртой чешуёй шишек. Несомненно, это было дело лап медведя. Запасливый зверь прикрыл кучу травой, вероятно, в предохранение от расхищения её кедровками. Он очень любит орехи и предпочитает их ягодам. Желудок медведя, застреленного Карамзиным во время нашего посещения Одорийских перевалов, был набит исключительно орехами.

² Муравьев Амурской проезжал из Аяна в Якутск в 1849 г.

и не с такими затруднениями. Вопрос только в том, насколько проведение здесь тракта признавать настоятельной необходимостью. Решение же этого вопроса в благоприятном смысле, можно надеяться, не заставит себя долго ждать. Помимо интересов торговли, быстрый культурный, а в особенности военный рост наших восточных соседей требует скорейшего соединения Аяна с внутренними сравнительно населёнными районами области, с которыми этот лучший порт Охотского моря находится в настоящее время почти в полном разобщении.

Ввиду того, что проведение шоссейного пути обошлось бы чрезвычайно дорого, П.А. Сикорский в своём проекте, представленном Иркутскому Генерал-Губернатору, останавливается на устройстве грунтовой дороги, т. е. такой, материалом которой является грунт, имеющийся в каждом данном пункте, причём полотно остаётся ничем не покрытым. Прежде всего необходимо вырубить просеку в 20 сажень ширины для осушения дороги и устранения завалов её падающими деревьями, прорыть боковые и отводные канавы и сформировать полотно на ровных местах, на косогорах и крутых склонах гор. Помимо этих, общих для всей дороги, работ, потребуются в некоторых участках особые, — а именно: устройство на крутых склонах и в руслах речек, кроме насыпей, подпорных стен для поддержания полотна: на больших речках, как Альдома, Аимчан и Челасин, вместо мостов, стоящих очень дорого, проектируется переправа на карбазах; на остальных мелких речках предлагаются мосты или более дешёвые сооружения водоспуски, каковые необходимы также в сухих оврагах, переполняющихся водой, как в весеннюю пору, так и в обильные дожди среди лета. При таких условиях потребуются 25 мостов и 61 водоспуск, а вся дорога в 204 или в 206 вёрст обойдётся по приблизительной смете (принимая подёнщину в 1 руб.) в 400,000 руб. Но ввиду почти полного безлюдья края и необходимости подвоза съестных припасов издалека, эта цифра должна быть увеличена по меньшей мере в полтора раза. Удешевление могло бы быть достигнуто разве лишь при пользовании китайскими или корейскими рабочими, так как якут даже при усиленном напряжении отличается чрезвычайно малой производительностью труда, при безусловной, в то же время, необходимости для его организма обильного и хорошего питания (мясо и жир) в пору тяжёлых работ. Весьма вероятно, что Одору-Челасин-Игниканское направление оказалось бы во многих отношениях предпочтительнее

старой дороги. Но этот вопрос, конечно, не может быть решён на основании одних отзывов Карамзина. Путь должен быть исследован инструментально.

Последние дни разговоры рабочих постоянно вертелись на необходимости торопиться с отъездом. Все признаки погоды обещали, по их мнению, давно не бывалое раннее замерзание Май. Шуга, как они утверждали, должна появиться не позже 20-го числа. Нам это казалось невероятным, и запугивания нас рабочими мы склонны были объяснять их заинтересованностью в скорейшем возвращении, ввиду наступления сезона промысла на белку. Но в конце концов их явная тревога оказала на нас своё воздействие, тем более что перспектива добираться до Усть-Майского селения зимним путём не сулила ничего привлекательного. Поставив в конечном пункте проектного спуска столб с приличной случаю надписью, которую Александр не без изящества вырезал своим якутским ножом, мы немедленно же стали собираться в обратный путь. В.Е. Горинович, переваливший через Джугджур 9-го сентября, должен был также в этот день последовать за нами, закончив съёмку старой дороги на 136-ой версте.

Было облачно и сравнительно тихо. Но на половине крутого подъёма по зигзагообразной тропе внезапно повалил густой снег: в каких-нибудь 10 минут вся окрестность получила чисто зимний характер. На вершине с такой же внезапностью нас встретила сильная северо-западная пурга, против которой с великим трудом можно было устоять на ногах. Нельзя было поднять голову и открыть глаза: ветер швырял в лицо непрерывной струёй острых, как иглы, снежинок. Пока я успел вынуть из футляра барометр, руки окоченели так, что мне не удалось записать тут же его показаний, а между тем термометр при барометре показывал всего лишь $-0,5^{\circ}\text{C}$. Чем далее спускались мы по Кынгачангу, тем сила ветра всё более ослабевала, и у *Бом-Таса* в 8 ч. вечера, где мы расположились ночевать, он уже не в состоянии был помешать рабочим раскинуть палатки.

Прилагаю таблицу барометрических показаний за время нашего пребывания на перевалах Джугджура¹. Если незначительное число наблюдений в каждом данном пункте лишает их ценности в качестве метеорологического материала, то, быть может, они всё-таки не останутся

¹ Указанные барометрические таблицы в процессе распознавания опущены, т.к. вряд ли представляют сейчас какую-либо ценность. – прим. OCR.

бесполезными для сравнения с наблюдениями будущим исследователем этой части Станового хребта. К сожалению, значение их обесценивается ещё более отсутствием показаний температуры воздуха, так как — стыдно сказать — экспедиция позабыла захватить с собою термометр. Все приведённые в статье температуры составляют показания барометрического термометра. Нужно заметить, впрочем, что на стоянках на суше, а также в лодке по реке барометр обыкновенно оставался открытым достаточно долгое время (весьма нередко более часа), чтобы воспринять довольно близко внешнюю температуру. При вычислении абсолютных высот по полученным таким образом данным, ошибка, полагаю, будет всё-таки менее грубой, если для температур воздуха брать показания барометрического термометра, как это я делал, а не соответствующие показания аянской метеорологической станции, так как положение Джугджура относительно морского уровня должно сильно сказываться на разнице его в этом отношении с Аяном. Должен сказать сверх того, что у меня не было под рукой поправок к нашему anerоиду (Naudet №630), так что при вычислении они во внимание не принимались. Но и тут ошибка не может быть значительной: за время нашего пребывания в Аяне барометр на уровне моря показывал давление от 761 до 762 с десятыми, следовательно, поправка к нему должна представлять весьма ничтожную величину, которая может быть игнорируема без чувствительного ущерба для приблизительного определения высот.

21-го сентября. Мы прибыли в Нелькан. Местечко было значительно оживлённее, чем в первое наше посещение, благодаря только что приплывшим товарным лодкам с двумя-тремя десятками лямовщиков. Привезённые товары и продукты привлекли, кроме того, кочевавших поблизости тунгусов, спешивших заполучить муки и чая в счёт предстоящей добычи белки. Поиграв в карты и покутив здесь обыкновенно несколько дней, лямовщики возвращаются на берестянках на Алдан; но на этот раз им пришлось торопиться, так как не сегодня-завтра должна была показаться шуга. Мы продали своих лошадей и часть излишней

провизии по весьма сходной для покупателей цене¹ и 23-го сентября отчалили от берега на своём шитике, провожаемые ружейной пальбой гостеприимных нельканцев. «Почётный киги» Уйбан Антонов убедительно просил нас остановиться на ночлег в его юрте на устье Ватанги; мы согласились, и он уехал вперёд на ветке приготовиться к нашей встрече. Это приглашение не было бескорыстным. Он обращался к нам с просьбой выхлопотать ему кафтан за долголетнее служение в звании старосты и, хотя не получил никаких обещаний, но, очевидно, рассчитывал расположить нас к таковым своим приёмом и подобающими в таких случаях приношениями. Известно, что тщеславие и страсть к знакам отличий в такой же мере присущи дикарям, как и цивилизованному европейскому человеку; якуты и тунгусы, если судить о последних по примеру Антонова и отчасти Карамзина, также намекавшего нам на кафтан, не составляют в этом отношении исключения. Первые имеют особенное пристрастие к медалям, вторые, по-видимому, предпочитают кафтаны. Но, увы! надежды Антоновы разбились о шугу, внезапно хлынувшую уже поздно вечером вёрст за 10 до Ватанги. Ветку его раздавило льдинами, и сам он, выбравшись из воды на берег, поплёлся домой пешком. Та же шуга вынудила и нас причалить на ночлег, далеко не доезжая до его жилища.

24-го сентября. Шуга идёт. Рабочие говорят: ещё две-три ясных ночи — и ход запрёт. Подрядчик Соловьёв несколько лет назад застигнут был рекоставом 22-го сентября близ Карпиля, а купец Силин и того ранее — близ Селенды. Оба они покинули лодки, вернулись обратно в Нелькан и уехали оттуда на лошадях. По убеждению рабочих, та же перспектива предстоит и нам, а потому, говорят они, не лучше ли вернуться теперь же? Воды нынче так мало, как давно не запомнят.

25-го сентября. Шуги нет. Ночь была не холодная, облачная и такой же пасмурный день. (+4°).

26-го сентября. Ночью мороз. Утром в 6 ч. 20 м. -6°, но шуги нет. Гребём, что есть мочи, поочерёдно все, не исключая и нас, «маленьких тойонов», как зовут рабочие меня и В.Е. До половины восьмого сделали 100 вёрст. Вечером потеплело (+4°C). Небо затянулось тучами.

¹ По 30 руб. за лошадь. Они были отпущены на подножный корм в тайгу до Дмитриева дня, т. е. до 10 ноября; за это время настолько отъелись на *омноне* и *сибикте* (виды хвоща), что вполне были годны на убой (по 5 руб. пуд мяса). Для характеристики свойств якутской лошади не безынтересен факт, сообщённый мне прибывшими летом 1895 г. в Якутск нельканцами: мой конь, самый смирный в путешествии, настолько одичал за 1½ месяца на свободе, что его вынуждены были застрелить, так как, несмотря на все ухищрения, никаким образом нельзя было его поймать.

27-го сентября. Ночь тёплая. В 7 часов утра температура $+3^{\circ}$. Река чиста. С 9 ч. до 11 сидели или, лучше сказать, вертелись на мели. Это было верстах в 3-х, не доезжая р. Кумахи. Орудовали на все манеры, но безуспешно. Решили разгрести лопатами гальку и образовать таким образом канал, по которому, действительно, и вытащили лодку на глубину. Весь состав команды, не исключая и казаков, работал в воде, не скидывая обуви и штанов. К счастью, при облачном небе, мороза не было: термометр показывает те же $+3^{\circ}$. Тем не менее вымокшие люди дрожали всеми членами, и некоторым я должен был вливать в рот порцию спирта, так как они сами не могли этого сделать, не расплескав из чашки почти всю жидкость. Обогрелись и обсушились в доме Николая Бубякина. По его словам, мель, через которую мы пробились, растянулась при теперешнем, необычайно низком, уровне воды, во всю ширь реки, и обойти её нигде нельзя. Шуга здесь проходила третьего дня.

28-го сентября. С устья Юдомы прёт шуга. По словам Луки Бубякина, неделю тому назад пошла первая шуга из этой реки. В 9 ч. утра $t = -5^{\circ}\text{C}$. Всё кругом бело. Уже дней 10, как выпал снег, покрывший землю вершка на два. Забереги большие, саженой 8 и более. Лёд их настолько твёрд, что можно свободно ходить, не опасаясь провалиться. Свободные от льдин места покрыты «салом»; грести трудно, лодка идёт тяжело, тем более, что все эти дни дует противный северо-западный ветер. Дальше шуга всё гуще и плотнее. Сломали два весла.

29-го сентября. Ветер спал. В 9 ч. утра $-3,2^{\circ}$. Лавируем между льдинами, расталкивая их шестами. У устья Чабды увидели лодку, вытасченную на берег, и возившихся около неё людей. Это были мелкие торговцы якуты, отправлявшиеся с разным товаром по тунгусским стойбищам. Уже три дня, как они стоят здесь; забереги не пустили их идти далее на бичеве. Послали человека на Усть-Маю за лошадьми и пока принялись сооружать нарты. Проживающий здесь старовер утверждает, что при ясном небе Мая должна стать этой ночью. Но «ежели Бог помилует», то за завтрашний день ещё успеем проскочить до Алдана. Рабочие смущены; они предлагают высадиться на берег. Но мы решаем плыть, пока окажется возможным. Осталось всего 85 вёрст. Большие плотные льдины до 4 вершков в толщину шаркают о тяжело двигающуюся, облепленную застывшим «салом» лодку. Завидев впереди обширное пространство сплошной ледяной поверхности, мы налегаем на вёсла в четыре руки на каждое и, разогнав лодку, пробиваем сквозь него путь.

По мере наступления темноты рабочих начинает разбирать страх. Если случится наскочить на мель, — мы погибли: напор льдов перевернёт лодку. Лучше остановиться, говорят они, и идти до Усть-Маи пешком, а оттуда выслать за кладью скопческих лошадей. Эти люди, проводящие на реке чуть не половину всей своей жизни, при настоящих, казалось бы, ничего необычного не представляющих условиях, теряются, впадают в малодушие и преувеличивают опасность. Мы стараемся их успокоить, разъясняем и уверяем, что серьёзной опасности для нашей жизни не может быть... Но наши успокоительные речи действуют на них ненадолго. Как-то лодку повернули рулём наискось течения, чтобы обойти льдины: набежавшая глыба слабо толкнула её в бок. Рабочие загалдели на своём языке. Больше всего волновались лоцман и Тимофей. В.Е. понял, что они сговариваются сойти на берег и таким образом или заставить и нас сделать тоже, или предоставить нас собственным силам. Казаки молчат и, по-видимому, сочувствуют заговору. Мы спускаемся к себе под крышу и совещаемся насчёт тактики, какой следует держаться в данном случае.

Слышим: берутся за шесты, пихают лодку к берегу и разбивают забережный лёд.

— Вы чего это делаете?

— Хотим приставать. Мы не с тем нанимались, чтобы здесь погибать.

— Ладно, приставайте. Обойдёмся и без вас.

Взвалив на спину свои подстилки, первыми вышли лоцман и Тимофей.

— Ну, кто хочет высаживаться, — выходи скорей! Нам ждать некогда. В некоторой нерешительности потянулись ещё двое, трое.

— Расторгуев, Жирков! Остаётесь или едете с нами?

— Едем, ваше благородие?

— Ты, Онисим, чего ж не сходишь?

— Я тоже еду с вами.

— А вы, ребята, приходите на Усть-Маю, там получите расчёт, какой вам следует. Отчаливай!

Инициаторы заговора не ожидали такого оборота. Они были уверены, что, лишившись больше половины команды, тойоны не рискнут со слабыми силами двигаться дальше и должны будут подчиниться их решению.

— Ежели так, так и я не останусь, — говорить Александр, вспрыгивая поспешно в лодку.

— *Мин да акары буолбапын*¹ — следуя его примеру, заявляет другой. И пристыженные бунтовщики один за другим полезли в лодку.

30 сентября. 2 часа по полуночи, -2°C . Плывём всю ночь при тусклом свете подёрнутой туманом луны, воюя с льдинами шестами, баграми, а кто железными лопатами. В половине четвёртого остановились у Намудыра, укрепив лодку за вколоченные в толстые забереги шесты. Луна зашла, настала темь, и мы не рискнули двигаться дальше, не посоветовавшись с живущим поблизости тунгусом Христофором. Он советует обождать до рассвета: ниже пойдут места с большими скоплениями льдов: мороз не велик, и река, по его мнению, до утра ещё не станет. Так и решили поступить. Истомлённые тревогой и усиленной работой, рабочие, свернувшись калачиками, тотчас уснули.

6 часов утра. $-2,5^{\circ}\text{C}$. «Тур! Тур! Пора отчаливать!» У *Суон-Бесьтях* наткнулись на непроходимое нагромождение ледяных глыб. С трудом на шестах подались назад и подтянулись к правому берегу. Здесь льды стиснули лодку с боков и вынесли её у устья *Охтанды* на чистое место. К полудню ($t -1^{\circ}\text{C}$,) пошёл густой снег. Грести тяжело: сало пристаёт к бокам лодки и к вёслам, намерзая толстым слоем, который время от времени нужно сбивать. Верстах в 10 от устья настигли сплошную, во всю ширину реки, ледяную площадь, которая медленно подвигалась вперёд, задерживаемая трением о забереги. Пытались пробиться сквозь неё, но напрасно. Пока возились с этим делом, набежавшие льдины повернули шитик кормой вперёд. Чтобы уйти от напора шуги, мы прорубили в ледяном поле бухту, вошли в неё и, сложив вёсла, шесты и багры, предоставили себя воле стихии. Снег валит крупными хлопьями, впереди ничего не видать. Плывём со страшной медленностью — от 1 до $1\frac{1}{2}$ версты в час. Костёр на носу потух: дров нет, — ни чай вскипятить, ни согреться; зато спокойно: никому никакой работы. Большинство рабочих спит.

Седьмой день, как на наших глазах происходит процесс замерзания реки. Мне не случалось ранее интересоваться этим предметом, и я не знаю никаких теорий на этот счёт. Но здесь моему наблюдению, не вооружённому соответствующей научной подготовкой, дело представлялось в таком виде. В день отъезда из Нелькана уже были незначительные забереги: но река была чиста и прозрачна, — так называемого сала на ней ещё не было. К сожалению, я тогда не всматривался в её дно;

¹ Я тоже не дурак.

только за Ватангой я обратил внимание на киселеобразные массы на дне более или менее круглой или продолговатой формы, объёмом от кулака до полуаршина в диаметре. Одни из этих масс вдруг всплывают на поверхность, тогда как другие остаются прикрепленными к дну. Всплывающие уносят с собой гальку, отдельные камни которой, смотря по размерам увлекающей их массы, величиной с гусиное яйцо. Это так называемый грунтовой лёд. Комья его особенно часто отрывались от дна и подымались вверх как будто бы от ударов вёсел; по крайней мере, по сторонам лодки, при энергичной работе гребцов, их всплывало всегда более, чем в отдалении. Поднявшись, такой комок разжижается, камешки падают обратно на дно, и сам он расплывается по поверхности в ту густоватую массу, которая называется салом. 28-го встречались часто и не расплывшиеся комки, удерживавшие в себе камешки, что, быть может, объяснялось понизившейся температурой верхних слоёв воды при -5°C . в воздухе. Это было то же сало, только более густое. Отдельные, более сгущённые его массы, скоро смерзались, образуя рыхлые губчатые глыбы, покрывавшиеся сверху вначале незначительной толщины ледяной корой. Это и есть то, что мы называем шугой. По мере своего уплотнения, уносимые течением глыбы обламывают края берегов, и шуга в дальнейшем своём движении является уже смесью льдин поверхностного и грунтового образования. Она становится всё гуще, и, наконец, отдельные, тесно сплочённые льдины сковываются морозом в сплошную массу, примерзающую к берегам, — и река стаёт. Можно сказать, следовательно, что Мая, как и все, вероятно, сибирские реки, замерзает со дна, а не с поверхности.

В половине 6-го мы подходили к устью. Открылось широкое, более или менее свободное от шуги пространство. Нёсшая нас ледяная масса разорвалась и образовала проход для лодки. Раздаётся крик казака: «тур, тур! турген, турген!» Рабочие повскакивали. Лоцман побежал к рулю. Снег уже с час как перестал. Перед нами показалась совершенно чистая полоса Алдана. Вся команда пришла в восторг, точно Колумбовы спутники, увидевшие землю. Теперь уж мы вне опасности: мы вступаем в свободную от льдин, спокойно колыхавшуюся поверхность алданской воды. Расторгуев, Жирков и Онисим подняли ружейную пальбу, сопровождавшуюся всеобщим неистовым «ура!» Команда налегла на гребни по два человека на каждое, чтобы перерезать поперёк реку. Гребцы напирают на вёсла всем корпусом, подпрыгивая на сиденье и оглашая воздух дружным громким гиканьем. Вот на горе показались усть-майцы. Они

бегут к берегу, размахивая шапками в знак приветия. Наша лодка быстро приближается к селению. Обыватели встречают нас изъявлением радости по случаю счастливого возвращения. Они уже думали, что нас затёрло шугой... Староста хотел уже посылать людей на розыски... «Ну, слава Богу! всё обошлось благополучно».

Было около 7 ч. вечера. Раздавался благовест к вечерне: завтра Покров.

Выехав из Усть-Майского селения 3-го октября уже по санной дороге на обывательских, мы 5-го переехали р. Амгу по льду и далее на почтовых были 7-го числа на берегу Лены у Бор-Ыларского станка. Здесь переезда не оказалось. Надо было ехать вёрст 20 севернее на станок верхоянского тракта. Отсюда нас направили ещё вёрст за 10 к старосте Тулунгинского наслега, обнадеживая, что там должна ещё быть переезда. В этом месте материк узок, а протоки уже замёрзли, и не далее, как вчера был перевезён нарочный казак.

По всему этому побережью население довольно густое и производит впечатление зажиточности. Жилища не разбросаны, а составляют небольшие, но частые посёлки. Почти в каждом дворе видны скирды хлеба, но, судя по их размерам, сеют понемногу, как заявляли нам, от 3-х до 10-ти пудов и в весьма редких случаях больше. Был сильный ветер при морозе градусов в 20°С. Приходилось раз пять или шесть заходить в юрты, чтобы обогреться или расспросить дорогу¹. Везде варят и едят карасей, ловля которых по озёрам теперь в самом разгаре. Юрты просторные, высокие, прочно сложенные из толстых плах. Внутри чисто, полы мощёные, широкие орны устланы плетеньем (сёрé) из болотной травы, резные шкафы с посудой, целые иконостасы в углу... Хотоны (помещение для скота) нередко стоят отдельно от юрт. Здешние якуты приятно поражают своей относительной опрятностью, хорошей одеждой и вообще довольством, которое для меня, прожившего около трёх лет среди намских якутов, сразу же кидалось в глаза. Но, несмотря на близость к городу и к скопческим селениям, по-русски не говорят; кое-кто «мало-мало слышит», т. е. поймёт несложный вопрос, но ответит на него обязательно по-якутски. Мы заночевали у тулунгинского старосты с тем, чтобы утром перебраться через реку. Лёд в двух протоках, через которые нужно было перетаскивать лодку к материка, уже достаточно

¹ На Бор-Ыларском станке не оказалось лошадей; пришлось ехать и далее с тем-же ямщиком, который привёз нас сюда.

окреп у берегов (3¼ вершка); но середина, замёрзшая только этой ночью, ещё очень слаба. Якуты предложили нам, если мы торопимся, проломать лёд, чтобы переправиться через протоки по воде, либо обождать сутки — время, необходимое для того, чтобы середины достаточно промёрзли. Так как пробивать канал пришлось бы на расстоянии в общем саженьей 250, то мы предпочли обождать до завтра, что, по уверению якутов, нисколько не ухудшит условий переправы через материк¹.

Юрта старосты, в которой мы провели две ночи, построена из массивных листовенных плах в обычной у якутов форме усечённой пирамиды. Снаружи она обмазана глиной с навозом четверти на две толщиной. Вокруг под стенами широкие низкие нары (*ороны*), разделённые перегородками на отдельные спальные места. Почти посередине, несколько ближе к передней стене, камелёк, сооружённый на круглом, аршина два в диаметре основании из земли, набитой во вкопанное наполовину в пол полубочье. Он сложен из жердей, поставленных почти отвесно, с незначительным уклоном назад и обмазан толстым слоем глины. Его широкое устье, при весьма узком трубном отверстии, обнимает почти половину основания. Топят крупноствольным тальником, которым изобилуют острова Лены. Лиственница поблизости уже истреблена на отопление города и двух скопческих селений — Большая и Малая Мархи. Огонь в камельке поддерживается постоянно: даже ночью, когда дрова догорят, и температура в юрте сильно понизится, кто-нибудь встаёт, подкладывает поленья и раздувает пламя. Передняя и правая от входа стены — без окон, в остальных по три окна в пол-аршина высоты и в 1½ четверти ширины. Рамы стеклянные, без приставленных пока ещё снаружи льдин, но ледяные плиты у многих стоят уже заготовленными на протоке. Потолок перекрещен в разных направлениях полками из частого переплёта тонких берёзовых тесин. Тут помещается посуда из бересты, тонко нащепленная лучина, сушится для разных поделок берёза; сюда же кладут, раздеваясь на ночь, одежду. Направо, у высокой, почти до потолка, дощатой переборки, отделяющей женское помещение от мужского, — шкаф с чайной посудой, тарелками, оловянными и серебряными ложками и т. д. В левом углу над ороном почти в сажень длины — полка, в один ряд уставленная иконами с прилепленной у каждой из них восковой свечей. Тут же большой четырёхугольный стол, выкрашенный в красную и зелёную краску. Другой —

¹ Так местные жители называют главное русло реки.

круглый, с выточенными наподобие лошадиных копыт ножками, стоит близ шкафа. Перед камельком несколько табуретов (олох-мас) из тальника почти всегда заняты греющимися у огня из семьи или из проходящих. Гладкие, точно отполированные массивные столбы кругом юрты, подпирающие венец крыши, образуют как-бы колоннаду, которая придаёт помещению оригинальный, в своём роде даже эффектный вид. На столбах воткнуты колышки в форме птичьих головок, служащие вешалками для платья. Хотонов два; один из них, для дойных коров и молодняка, пристроен к юрте, но имеет особый ход со двора. Как это жильё, так и все прочие, расположенные на островах между протоками Лены. — зимние помещения якутов. При скотоводческом хозяйстве переселение с летников на зимники имеет весьма существенное удобство: гораздо проще переехать семейству с его несложным имуществом и со скотом поближе к стогам сена, чем тратить время и труд на перевозку последнего часто за много вёрст. В предохранение от разрушительного действия разливов, выбирают для построек места тихого течения среди тальниковой поросли, ослабляющей напор ледохода. В прошлую весну (1894 г.) вода унесла половицы нашей юрты и совсем размыла камелёк. Такие разрушения представляют, впрочем, редкое явление; но каждую осень хотон и юрту приходится обмазывать, а при плохой обмазке стены снаружи необходимо покрывать разжижённым в воде снегом, отчего получается сплошная ледяная корка, задерживающая внутри тепло.

Семья старосты состоит из 10 душ мужчин и женщин и двух малолетних детей. С трёхлетней девочкой нянчились все и обращались очень нежно, — черта, свойственная всем якутам, отличающимся вообще гуманным и заботливым отношением к своим детям. Взрослые имеют свои особые места на ороне, на котором у ног стоят небольшие сундуки с личным имуществом каждого члена семьи. Помещение хозяйки и двух старух задёргивается на ночь пёстрыми ситцевыми занавесками. Старухи — тётки, дряхлые, молчаливые, не сходят с своих мест: одна слепая неподвижно сидит весь день, как истукан; другая мнёт заячьи шкурки. Но остальная женская часть семьи обнаруживает гораздо больше деятельности, чем мужская. Бабы вечно заняты то уходом за коровами, то очищением хотонов от навоза, то вознёй с наполненными молоком чибишами и варкой пищи. Хозяин за время нашего пребывания не делал буквально ничего и много спал; другие из мужчин больше слонялись из

юрты в юрту, разузнавали и приносили домой свежие новости. По вечерам хозяин усаживался у камелька, поворачиваясь к огню то той, то другой стороной, распаривая таким образом разные части своего тела. Около него собиралась постоянно менявшаяся по своему составу группа: одни уходили, другие приходили, и разговорам не было конца. Наш казак подвергся обстоятельному допросу: зачем мы ездили в Аян, что мы видели по пути, скоро ли станут строить дорогу и — что, кажется, интересовало их всего более — сколько мы получаем жалованья и хорошо ли нагрели руки в этой командировке. Среди якутов циркулирует слух о переселении в область больших масс русских крестьян. Это их очень тревожит, так как, по объяснению старосты, у них и без того стеснение в земле. Моему отрицанию справедливости подобных слухов не придали никакого доверия. Я слышал, как один из присутствующих, не подозревая, что я могу понять его, сказал «*семие*» (врёт); а другой, подтверждая замечание первого, выразился ещё решительнее: «*кени кырдыгы этень кяриэтя атыр-огус биени батыэ-этя (скорее опорос случится с кобылой, чем он тебе правду скажет)*». Не делая обобщений, нельзя не заметить, что в этом чрезвычайно характерном для якута сравнении сказывается глубокое недоверие к русскому человеку, носящему звание чиновника¹. Разговоры прекращались часов в десять, публика расходилась, и семья располагалась спать. Некоторые снимали при этом рубахи, а иные укладывались в полном *déshabillé*. Эту привычку объяснили мне обилием блох и вшей, которыми в особенности кишат грязное бельё и юрты бедняков. Как здесь, так и в других случаях мне не приходилось проводить спокойной ночи у якутов. Правда, они не издают громкого русского храпа, зато всю ночь вы слышите разговоры и пение сквозь сон. Порою подымается целый концерт дребезжащих, завывающих звуков, способный рассеять, какой угодно богатырский сон усталого путешественника. Эту оживлённую деятельность вне сознания обнаруживает, кажется, преимущественно мужской пол: по крайней мере, я ни разу не слышал разговаривающими или поющими спящих женщин. Утром с рассветом прежде всего просыпаются молодые бабы и принимаются за свои хозяйственные хлопоты. Я не заметил, чтобы они умывались; но хозяин смачивал лицо водой и вытирал его подолом своей рубахи, которую подсушивал потом у камелька. Он зажигал перед иконами свечи, и мужчины становились на молитву, крестясь и делая

¹ За какого они меня принимали.

частые мелкие поклоны. Затем свечи тушились; все усаживались за стол, на котором стоял большой ведёрный самовар. Только старые тётки оставались на своих оронах, да молодухи продолжали суетиться, временами присаживаясь в стороне, чтобы выпить между делом чашку чаю. Разливанием занималась хозяйка. Пили с молоком (без сахара) с ячменной лепёшкой, обмакивая куски её в миску с взбитыми сливками (*кыэрчаг*). Второй раз чаевали в полдень, опять с лепёшкой и с *хаяк*'ом — замороженная смесь пахтанья, молока и сливочного масла. Обедали уже в сумерки, часов около четырёх. Прямо на стол вываливались из миски варёные коровьи потроха. Хозяин разрезал мясо на куски и сам же распределял порции, составляя их из разных сортов потрохов. Женщины, кроме хозяйки, сидевшей за столом, получали свои порции прямо в руки и уходили за перегородку. Ели, по обыкновению у якутов, захватывая кусок губами и отрезая его каждый раз ножом у самых губ. Старухам подавали на оловянных тарелочках. Одна из тёток пользуется, по видимому, особенным почётом: к ней придвинули маленький круглый столик, и, пока она ела в своём тёмном углу, молодуха светила ей, держа в руке зажжённую лучину. Часов в 8 вечера снова пили чай и ели карасей, варёных вместе с внутренностями (без желчи), причём съедалось решительно всё, кроме костей. После каждой трапезы начиналось обязательное у якутов всеобщее громкое рыганье на всю юрту.

Иван Николаев из состоятельных, но не из богатых тойонов. Скота у него 100 штук, не считая годовалых и двухгодовалых телят. Хлеба сеет 20 пудов; урожай в настоящем году вышел местами средний (сам 5 - сам 6), местами выше среднего. Сенá везде хороши и обильны. Степень состоятельности Николаева должно быть, однако, значительно, чем можно судить по количеству скота и продукта земледельческого хозяйства: следуя меркантильному духу своего племени, он занимается всякого рода гешефтами, которые дают ему некоторый и, вероятно, не ничтожный, доход. Так, большая часть хлеба раздаётся им родовичам за подряды по уборке будущего урожая, заготовке дров для продажи скопцам и другие работы. Недохватку для собственного потребления ему выгоднее прикупить у тех же скопцов на наличные деньги. У него можно найти дабу, ситец, табак и ещё кое-какой товар, который расходуется среди соседей в долг под масло, молоко, мясо: на перепродаже этих продуктов в городе он, конечно, наживает известный процент. Очень может быть, что даже из нашего пребывания у него он извлечёт некоторую выгоду, так как между инородцами принято, что староста

взыскивает со всего наслег мнимые или действительные расходы по приёму чиновных гостей. У него сохранилось истрёпанное, засаленное «*Наставление старосте*» издания 40-х годов, отпечатанное на грубой синеватого цвета бумаге¹, а по стилю относящееся скорее к прошлому столетию. Я привожу из этого редкого теперь документа некоторые пункты, так как слабые стороны якутской жизни, обличаемые в них, подмечены весьма верно и остаются в силе и по настоящее время².

1-е. Обязывается ты как сын Христовой церкви вести добропорядочную жизнь и блюсти, чтоб вверенные управлению твоему сородцы укреплялись в вере православной через познание Бога внушаемого Священным учением, удаляясь шаманских внушений и обычаев, противных Христианину; непременно возбранять безбрачное сожитие по Якутскому обычаю, с давних времён введённое между якутами и дозволяемые вопреки чести и закона ещё в малолетстве совокуплять мужеской пол с женским.

2-е. Недопущать родовичей твоих до распутства, пьянства, грабежей, воровства, строго преследуя и искореняя сии закоснелые пороки и обрётённых в винах сих по мере внушением или наказанием предотвращать.

4-е. Опыты из дел производимых в присутственных местах Якутской области показали, что как самые родоначальники и их зажиточные сородцы часто вовлекались в излишние с общественников своих поборы под видом раскладок, во мзду себе сбор таковой употребляли на подносимые подарки в лихву себе и другим лицам: обязывается ты по долгу присяги всемерно от сего удаляться и настоятельно подобные поборы воспрещать в случае законной за тобой строгой наказанности. Соблюдая сие обязан ты ещё: а) отнюдь не допускать, чтобы одно лицо бралось платить за многих Государственные подати и общественные повинности, чтоб кроме десятских, определённых к сбору податей, отнюдь ни кто бы не смел взыскивать с родников податей, а каждый родник лично бы и по одиночке платил сборщику податей прищитывался с ним.

5-е. Дела показывают, сколь якуты вообще наклонны к производству тяжёб, оканчивающихся в последствии одними только издержками для самих истцов значительными, ибо во-первых сочинении просьб следствия по сим жалобам чиновников служащих только к обременению в

¹ Имеется в библиотеке Якутского музея.

² Сохраняю правописание подлинника.

переездах самых сородцов, во-вторых объявления недовольствия апелляций по переносе из одного судебного места дела в другое ни к чему не ведёт как токмо к издержкам и обременению напрасному перепискою. Обязан ты стараться, чтоб до подобных дел вверенных попечению твоему инородцев не допускать, а стараться миролюбно прекращать между ими всякую вражду и распри...

6-е. Между сородцами твоими конечно могут встретится и такие из них, которые забыв Бога и совесть по одной только ненавистной злобе, корысти ради будут производить воровство скота между жилищами якутов¹ и неоднократно в сём замеченные сами инородцами должны быть удаляемы от общества по приговорам, как нетерпимые разорители своих собратий...

9-е. Правительство желало, чтоб якуты для собственного своего и родовичей спокойствия старались обзаводиться строением сообразно русским крестьянским жилищам и те которые хотели знать пользу жилищ русских устроили оные, но обычай кочевой их жизни судя по местности и занятиям якутов в приспособлении содержания своего скотоводства, почти лишилось надежды думать, чтоб якуты устроились в жизни своей в наслегам как русские крестьяне деревнями, то по крайней мере обязанность твоя как родоначальника состоять будет в том, чтоб понудить твоих родовичей к заведению чисто устроенных юрт, и так, чтоб хотоны их имели особой для скота вход и выход. а не через ту самую юрту, в которой расположено жительство семейства якута, от какой неопрятности, нечистоты и зловония не возможно и на малое время остановиться в юрте, чтоб не приобщить к себе запаха коровьего пота, так сильно поражающего, что может повредить здоровье человека, от сего то самого как замечено и сами привыкшие к нему сородцы не имеют здорового телосложения.

10-е. Никто из подчинённых тебе родовичей своевольно от жительства отлучаться не должен и сего тебе не дозволять, ослушников таких сыскивать и за то по мере вины наказывать. но при сём надлежит тебе обращать внимание, не было ли причиною своевольного переселения родовичей крайность в пропитании от непризрения бедных и немущих сородцов твоих, то в таком случае не меру наказания на них полагать должно, но призреть таковых разделением к зажиточным родо-

¹ Этот пункт может относиться собственно к подгородным наслегам.

вичам, показав в сём случае примером самого себя, ибо замечено беспрестанно усиливающееся нищенство в особенности в городе; отвратить меру сию никто более не может как сами родовичи их наслеггов, от коих они удаляются для мирского пропитания, до такой крайности ты обязан сородцев не допускать, а пропитывать сказанными средствами, ибо замечено, что состояние бедных якутов промысляющих работою не поправляется, а более беднеет от того, что в производстве им платы за работу состоятельными якутами не соблюдается ни порядка, ни сострадания, ибо работники у якутов никогда платы своей не получают деньгами или ценными вещами, а более производится им оная изношенным платьем и скотскими шкурами, кои изнашиваясь в той же работе, бедного сего якута заставляют быть вечным работником богатого сородца его, почему поручается тебе, как родоначальнику строго соблюдать, дабы зажиточные якуты не отягощали бедных в производстве им платы.

11-е. А как примеры начальников действуют над подчинёнными убедительнее, нежели меры строгой взыскательности над умами подчинённых, то обязан ты как староста твоего рода сам никаких обид, притеснений, налогов, взяток ни для свойства, ни корысти ради и по прихоти не делать под строгою ответственностью и по законам определённого наказания.

9-го октября с утра стали собираться к переправе. Это была довольно сложная процедура. Нужно было перетащить две большие лодки, нагруженные нашей кладью, на протяжении 1½-2 вёрст через две замёрзшие протоки и песчаные острова к матерiku. Сговорились с якутами за 15 руб. Орудовали человек десять с помощью быка, впряжённого в дровни, на которых лежал нос лодки. Главное русло уже замёрзло на 100-120 сажень от берега. Забереги, гладко обточенные огромными льдинами плывущей шуги, достигают четвертей до 2½ толщины. Лодки были спущены в воду, но с переправой якуты решили обождать, пока не рассеется густой туман, из-за которого дальше нескольких сажень ничего нельзя было видеть. Прошло около часу — туман не только не радел, а временами становился ещё гуще. Дул порядочный ветер при морозе свыше 20°С. Костра развести нечем, везде голо: один песок да лёд. Якуты, одетые налегке, сильно продрогли. «Если тойоны не боятся, мы готовы ехать», говорят они нам. Мы выражаем согласие и усаживаемся

в лодки. Перевозчики оказались молодцами и, глядя, как они ловко и скоро справлялись с своим делом, мы поминали лихом наших трусливых майских рабочих. Лодки быстро сновали просветами между двигавшимися островами обширных льдин. В то время как одни со всех сил напирали на вёсла, другие с шестами и баграми отталкивались от налетавших глыб. Всё это дружно, быстро и смело. Через полчаса мы переехали материк шириною здесь не более 1½ вёрст и карабкались на обрывистую песчаную кручу берега. Забереги здесь самые ничтожные, а шуга движется с заметно большей скоростью, чем на середине и на противоположной стороне. Принимая при этом во внимание, что фарватер уклоняется в данном месте к левому берегу, невольно приходишь к мысли о возможности определить направление фарватера посредством наблюдения над замерзанием реки. Так как берега и вообще более мелководные её места замерзают ранее, то остающаяся наиболее продолжительное время не замерзающей полоса и должна обозначить направление фарватера. Наши перевозчики подтверждают такое заключение, и — по их словам — эта полоса становится обыкновенно не ровной ледяной поверхностью, а торосом, что весьма упрощает нанесение её на карту.

Отсюда пройдя версты четыре пешком до Тулунгинского станка намской дороги и поручив прибрежным якутам доставить вещи на быках, мы на обывательских лошадях того же дня прибыли в город.

Кроме настоящих «Записок», а также проекта дороги, представленного г-ну Иркутскому Генерал-Губернатору, деятельность экспедиции выразилась в следующих картографических результатах:

1) Глазомерная съёмка р. Май от устья до местечка Нелькан (проверена и исправлена карта 1850 г. на протяжении 330 вёрст и снята вновь на 240 вёрст, т. е. вплоть до Нелькана).

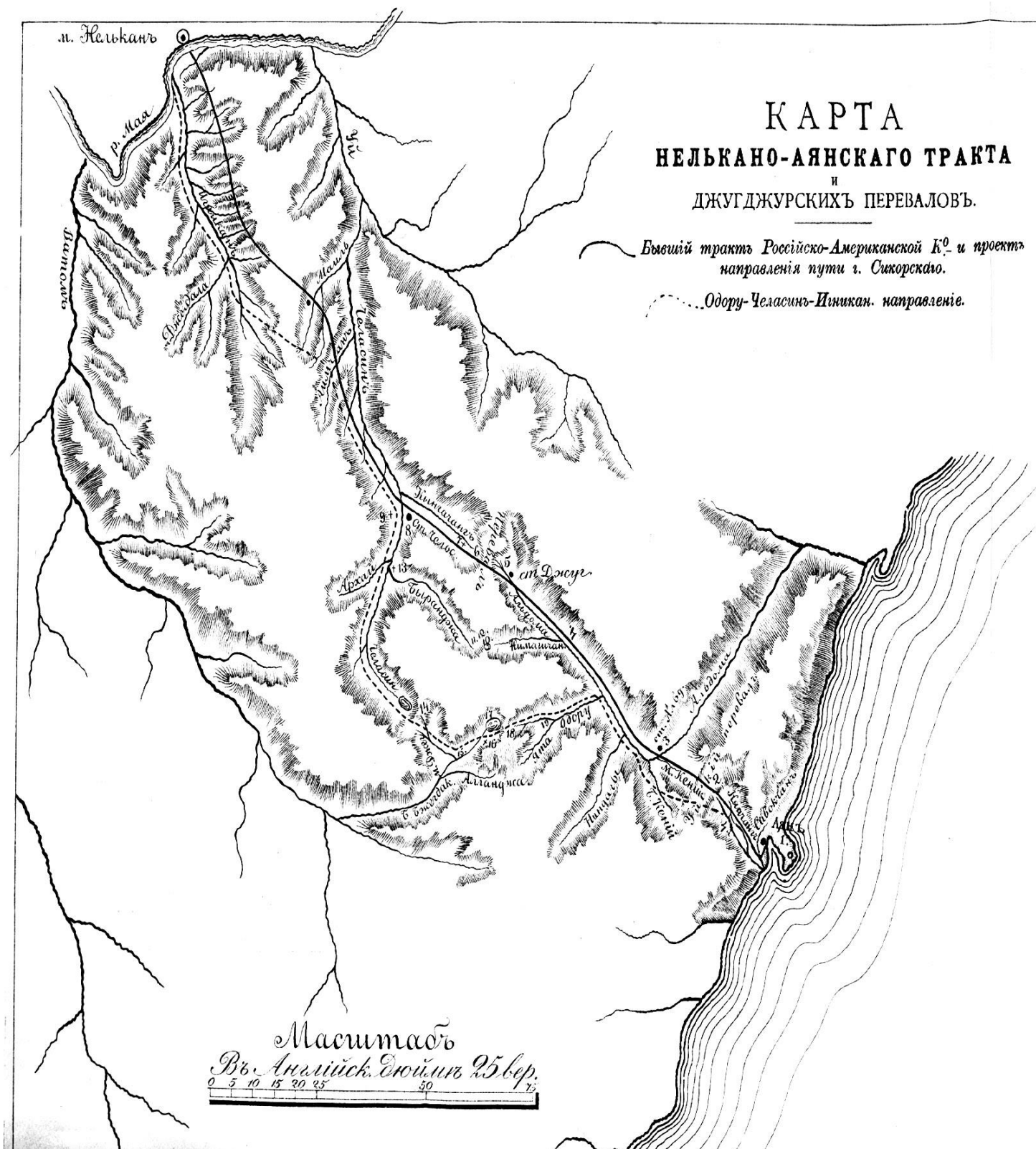
2) Полуинструментальная съёмка старой нелькано-аянской дороги на расстояния 136 вёрст с барометрической нивелировкой.

3) План, а также продольный и детальный профили проектного спуска с Джугджурского хребта по перевалу Кынгачанг-Альдома и

4) Глазомерная съёмка путей через перевалы Нингмагичанг-Быранджа и Одору-Челасин.

Якутск-Иркутск, 1895 г.

OCR Андрей Дуглас, 2025

Приближённые абсолютные высоты отмеченных цифрами пунктов **в футах.**

0. Гора Ландор-Неготни (П.А. Сикорский).....	1575	10. Перевал Быранджа-Нингмаг.....	3126
1. Аян.....	53	11. Перевал Крестях.....	3267
2. Перевал Уйский.....	1349	12. Север. голец перевала Крестях.....	4211
3. Место бывшей Альдомской станции.....	577	13. Дом В. Карамзина.....	1956
4. Устье р. Нингмагичанг.....	791	14. Вершина р. Челасина.....	2866
5. Место бывшей Джугджурской станции.....	1480	15. Устье р. М. Джегдакуинджи.....	2359
6. Перевал «Казённый».....	3247	16. Урочище Сиель-ыябыт.....	2577
7. Бом-Тась.....	2577	17. Озеро у истока Б. Джегдакуинджи.....	2724
8. Место бывшей Челасинской станции.....	1756	18. Перевал Одору Север.....	2969
9. Место склада экспедиц. провианта.....	1723	19. Слияние Б. и М. Одору.....	1050

Рис. 1^я

Фигурное письмо на скалах
Кыргызахъ.

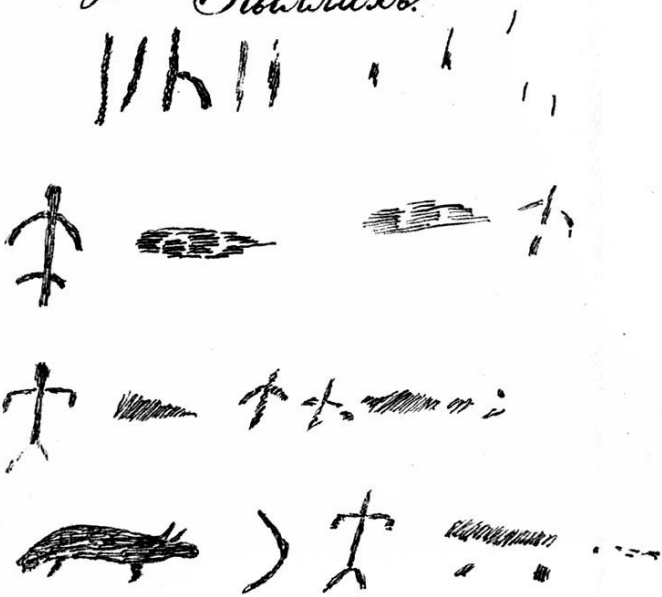

Рис. 2^я

Пещеры.
"Чертова жилища" съ чертейса
отца Василя Мальцева.

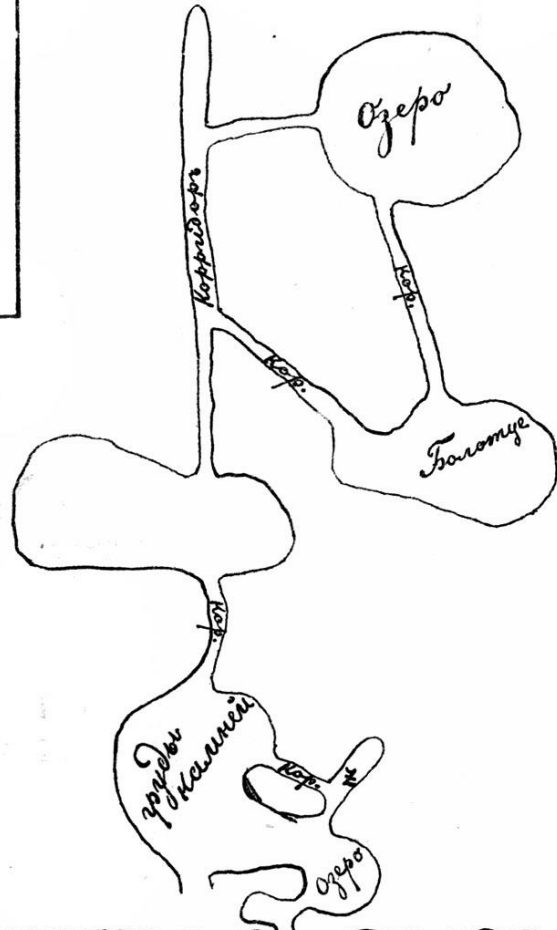

Рис. 5^я

Лице вырезанное на
стволе дерева.

Мая
Озеро,
по мнѣнію от. В. Мальцева
ниже уровня Мая.

